

РОМАН О МАФИН
КАК С ГАЗЕТОЙ В ВОЗРАСТЕ
РОМАН С ТЕЛОХРАНИТЕЛЕМ

ОПАЛЁННЫЕ

ИДЕАЛЬНОЕ НЕСОВЕРШЕНСТВО, КНИГА 7

мечты

НЕВА ОЛТЕДЖ

Алессандро

Восемь долгих лет я терпеливо ждал и замышлял месть.

Теперь я нашел его и заставлю заплатить.

Он нанял меня охранять его жену, обеспечить ее безопасность.

А я убью ту женщину, которую должен защищать.

Он будет страдать так же, как и я, а когда покончу с ним, станет молить о пощаде.

Я не дам ему пощады.

Равенна

В его глазах пылает ненависть, они черны, как бездна.

Он следит за каждым моим шагом и видит все.

Я не могу скрыться от его немого взгляда или спрятать синяки на теле.

Все следы — воплощение сгоревших мечтаний.

Я также не могу отрицать тоску по мужчине, который никогда не будет моим.

«Опаленные мечты» — это роман с откровенными сексуальными сценами и гарантированным хэппи-эндом.

Это седьмая книга из серии романов про мафию «Идеальное несовершенство». Каждая книга серии посвящена отдельной паре и может быть прочитана как самостоятельная, но для получения максимального удовольствия следуйте рекомендованному порядку чтения.

Для моих читателей, которые хотели прочитать историю Аза (и просили включить сцену «воссоединения» с Сергеем).

Надеюсь, вам понравится.

Автор: Нева Олтедж

Книга: «Опаленные мечты»

Серия: «Идеальное несовершенство» -7

Перевод: Luizas12

Редактура: Nikolle

Русификация обложки: Ms. Lucifer

Перевод для группы: vk.com/best_hot_romance

Девятнадцать лет назад (Алессандро восемнадцать лет)

При взломе замков есть два правила.

Первое заключается в том, что все замки имеют слабые места.

Второе — одни слабые места слабее других.

Этому меня впервые научил отец, когда брал с собой на работу. К сожалению, это было почти десять лет назад, и некоторые его наставления уже не работали.

Я сунул фонарик в рот, взял отмычку и натяжной ключ и осветил на замок. У этого замка нет очевидных слабых мест, поэтому единственный способ взломать его — это умело и ловко разобрать.

Где-то в конце улицы лает собака. Я замираю и прислушиваюсь. Холодный осенний ветер кружит в воздухе сухие листья и обдувает меня в тонкой толстовке, пробирая холодом до самых костей. Я оставил свою куртку дома у Натали. Отопление не работает, и в доме слишком холодно. В прошлом месяце у нее была пневмония, и я не хотел рисковать, чтобы она заболела снова.

Собака еще раз залаяла, но через некоторое время в округе воцарилась тишина. Я огляделся, чтобы убедиться, что поблизости нет любопытных соседей. Проклятые булавки и их системы нажима. Видимо, отключения сигнализации было недостаточно.

Я уже почти закончил, когда почувствовал прикосновение холодного металла к своей шее.

— Руки так, чтобы я их видел, — раздался у меня за спиной мужской голос. — И медленно повернись.

Черт.

Я опустил инструменты на землю, поднял руки и развернулся. Передо мной стоит мужчина в джинсах и кожаной куртке и направляет мне в лицо пистолет. Какого хрена? Я три ночи проверял это здание и его окрестности и не заметил ни одного патруля. Более того, этот человек держит пистолет так, как будто знает, что делает. Полицейский не при исполнении?

— Ты пойдешь со мной, — говорит он.

Ага, как же.

Парень выглядит крепким и думает, что оружие дает ему преимущество. Я скорее рискну умереть, чем оказаться в тюрьме, как мой старик, отбывающий тринадцатилетний срок. Я расслабляю челюсти, позволяя фонарику выпасть изо рта. Это движение отвлекает парня, что позволяет мне быстро сменить позицию и воспользоваться шансом. Схватив обеими руками запястье этого засранца, я выкручиваю его руку в одну сторону и бью коленом в живот. Парень сгибается, кашляет. Я снова бью его коленом, на этот раз по лицу,

одновременно пытаюсь вырвать из его пальцев пистолет. Он стреляет, и громкий выстрел пронзает ночную тишину, а пуля попадает в дверь позади меня.

Я все еще пытаюсь вырвать у него пистолет, когда слышу позади себя чьи-то шаги. Оглядываюсь через плечо и успеваю заметить лишь кулак, летящий мне в лицо.

* * *

— Как тебя зовут, парень?

Я сплевываю кровь и ловлю взгляд приближающегося ко мне мужчины средних лет в военной форме. Тусклый свет лампочки, подвешенной к потолку позади него, делает тени на его лице более глубокими, подчеркивая линию его плотно сжатой челюсти.

— Аз, — выдыхаю я и окидываю комнату быстрым взглядом.

Когда эти ублюдки притащили меня сюда, я думал, что они собираются доставить меня в полицейский участок, но теперь стало ясно, что это не так. Понятия не имею, куда меня увезли, но уверен, что это не полицейский участок. Стены голые, окон нет, воздух спертый, как будто мы находимся под землей. Из моего положения на коленях посреди комнаты единственный выход — дверь на противоположной стене.

Человек в военной форме ругается и явно недоволен моим ответом. Похоже, он здесь главный.

— Назови свое полное имя, а не дурацкую уличную кличку! — кричит он.

Я бы никогда не назвал своего имени. Я очень старался скрыться от полиции, и в системе нет никаких записей обо мне. Если бы кто-то снял мои отпечатки пальцев, то ничего бы не получил. Кроме того, не ношу с собой никаких документов, когда нахожусь на работе.

Когда я не ответил, он кивнул мужчине справа от меня. Еще один удар в подбородок, и голова откидывается в сторону, я едва не теряю равновесие, стоя на коленях на бетонном полу. Похоже, этот человек действительно хочет сломать мне челюсть. Я потряс головой, чтобы ее прояснить.

В поле моего зрения попадают черные начищенные туфли. Запрокидываю голову и вижу пожилого мужчину в очках, стоящего рядом с боссом. Я заметил его сразу, как только он вошел в комнату, вернее вскоре после того, как эти ублюдки начали выбивать из меня всю дурь. До этого момента он стоял в стороне. На нем простой твидовый пиджак с заплатками на локтях и клетчатая рубашка, и выглядел он ни к месту. Напомнил мне моего учителя истории.

— Он не хочет сотрудничать, Крюгер, — говорит человек в твидовом пиджаке. — Парень не подходит по возрасту для вашего проекта. И слишком упрям. Почему бы его просто не вернуть туда, где вы его нашли?

— Ты указываешь мне, как управлять моим подразделением, Феликс? — прикрикивает на него босс. — Не забывай своего места, мать твою.

— Он всего лишь мелкий воришка. Зачем беспокоиться?

— Затем, что за те два месяца, что мои люди следили за ним, он сумел проникнуть в одиннадцать домов с первоклассной охраной, не включив сигнализацию, а это очень ценный для нас навык, — говорит Крюгер и поворачивается ко мне. — Где ты научился так обходить системы безопасности, парень?

Я сплевываю очередную порцию крови.

— Отсоси.

— Тсс, тсс, тсс... — Он качает головой. — Похоже, тебе нужен стимул для

сотрудничества. Почему бы мне не попросить одного из моих людей схватить эту твою девчонку и привести сюда? Не думаю, что ей так же понравится, как и тебе, быть избитой.

Я застываю на месте. Откуда, черт возьми, он знает о Натали?

— О, вижу я привлек твое внимание. — Он улыбается. — Я всегда стараюсь поближе познакомиться с человеком, которого собираюсь нанять. Как его сильные, так и слабые стороны.

— Ты ее не тронешь, — усмехаюсь я.

— Нет? Ну это зависит от тебя, Аз. Если ты будешь делать то, что я скажу, никто не тронет твою девушку. Кроме того, ты скоро будешь зарабатывать много денег. Более чем достаточно, чтобы вытащить ее из помойки, в которой вы оба живете.

Кровь попадает мне в глаза из пореза на лбу, застилая мне зрение. Руки связаны за спиной, поэтому пытаюсь проморгаться, но безуспешно.

— Что делать? — спрашиваю я.

— Работать на правительство. Вернее, на меня.

Я снова обвожу комнату взглядом, пытаюсь придумать возможные пути отступления. Чтобы добраться до двери на противоположной стене, мне придется одолеть тех, кто меня держит, а также человека по имени Крюгер. Не исключено, что все они вооружены. С пожилым мужчиной в твидовом пиджаке проблем не будет. Он похож на бухгалтера. Что он сделает, бросит в меня калькулятор?

— А если я откажусь?

Крюгер кривит губы в злобной улыбке. Затем достает из кармана своих тактических брюк фотографию и бросает ее на пол передо мной. Фотография дважды переворачивается в воздухе и приземляется лицом вверх. Я смотрю на слегка размытое лицо своей девушки. Снимок сделан в тот момент, когда Натали выходила из продуктового магазина, где работала.

— Сейчас я покажу тебе, что будет, если ты не станешь сотрудничать. — Он достает нож из ножен, пристегнутых к поясу, приседает передо мной и приставляет кончик лезвия прямо к лицу Натали. — Я ясно выразился?

Понятия не имею, кто эти придурки и что они замышляют против меня. Правительство. Какой им интерес до такого как я? Но этот ублюдок знает, где мы живем. Я не хочу рисковать, чтобы они причинили вред моей девушке. Поэтому, оторвав глаза от фотографии, встречаюсь со зловещим взглядом парня-босса.

— Да.

На его губах играет ухмылка.

— Видишь, Феликс? Он совсем не упрямый. Если его хорошенько обучить, из него получится отличный солдат. — Сукин сын смеется. — Не так ли, Аз?

Восемь лет назад

— Аз.

Я убираю пистолет и смотрю на Феликса, стоящего у моего шкафчика.

— Крюгер хочет с тобой поговорить. Это срочно.

Я киваю и снимаю бронежилет, морщась от боли в груди от полученной пули. Предполагалось, что это будет простая разведка, но через двадцать минут мы попали в засаду, устроенную службой безопасности. Белов поймал нож в руку, но, учитывая, что были вдвоем против четырнадцати охранников, мы справились. Я закрываю шкафчик и смотрю на блондина, сидящего на скамейке у стены. Сергей Белов безучастно глядит перед собой, и если бы его грудь не вздымалась, я бы подумал, что он мертв. Из всех парней, втянутых в эту чертову программу, он всегда казался самым нормальным. Пока несколько лет назад Серега не начал сходить с ума. Он, наверное, никому не причинял вреда до того, как Крюгер взял его в программу и сделал из него хладнокровного убийцу. Так же как он поступил с остальными ребятами, попавшими в подразделение Z.E.R.O.

— Тебе нужно вытащить Белова, — говорю я.

— Я знаю. — Феликс вздыхает и сжимает переносицу. — Я работаю над этим.

Я еще раз окидываю взглядом старика. Отношения между оперативниками и их кураторами в нашем подразделении должны быть сугубо деловыми. В основном кураторы оказывают поддержку с оперативной базы — сбор информации и наблюдение во время выполнения задания. Но отношения между Феликсом и Сергеем всегда были другими. И хотя об этом почти никто, кроме меня, не знает, Феликс относится к Сергею не просто как к сотруднику, а как к ценному человеку. Он заботится о Сергее как о собственном ребенке и следит за тем, чтобы Белов не сорвался в один прекрасный день и не начал убивать людей.

— Работай лучше. — Я беру куртку и выхожу из раздевалки.

Пока иду по коридору, ведущему в кабинет капитана Крюгера, мерцающий свет отбрасывает длинные тени на голые бетонные стены — командный центр секретной военной базы, действующей уже более десяти лет, можно было бы содержать в лучшем виде, но тут повсюду бетонные стены, провода, прикрепленные к стенам пластиковыми крючками, и всепроникающий затхлый запах. На верхних этажах ситуация лучше. Когда начиналась программа, его использовали как спальное помещение для новобранцев, но уже несколько лет у него другое назначение.

Подразделения Z.E.R.O. — это сверхсекретный, закрытый проект, единственная цель которого — уничтожение тех, кого правительство и капитан Крюгер считают нежелательными. Быстро, эффективно и без всякого бумажного следа. Первоначально в группе было одиннадцать человек: пять оперативников, пять кураторов и капитан. Теперь

осталось шесть: три оперативника, два куратора и Крюгер. Набирать новых сотрудников они, похоже, не собираются, так что после смерти Сергея, Кая и меня эта программа, скорее всего, будет закрыта.

По дороге в кабинет Крюгера дверь лифта в коридоре открывается, и из него выходит мужчина. Его пальто расстегнуто, показывая белую рубашку, испачканную кровью. Кай Мазур. Последний из нашей тройки оперативников.

С длинной иссиня-черной косой, развевающейся по спине, он поворачивает налево и направляется к кабинету Крюгера. Меня всегда удивляло, почему Крюгер позволяет ему носить такие длинные волосы. Успех нашей миссии зависит от скрытности. Невозможно не заметить человека ростом метр восемьдесят и с косой, свисающей до пояса.

Когда он идет по коридору, из коричневого бумажного пакета в правой руке Кая на пол капает кровь, оставляя на бетоне красные пятна. Видимо, капитан хотел получить еще один сувенир, и, судя по размеру пакета, это, видимо, чья-то рука. Дойдя до двери кабинета, Кай бросает пакет, и тот, ударившись об пол, издает отвратительный гротескный звук. Может, это все-таки не рука?

Кай мимоходом кивает мне, и я замечаю на его подбородке плохо зашитый порез, из которого все еще сочится кровь. Наверное, снова сам себе наложил швы. Кай убил своего куратора, и медицинский персонал отказывается лечить его, если он не находился под действием снотворного.

Я берусь за ручку двери и, перешагнув через окровавленный мешок на полу, вхожу в кабинет капитана. Крюгер сидит за столом и просматривает на компьютере отчет о проделанной работе. Что бы он сделал, если бы знал, что завтра я буду недоступен?

Скорее всего, капитан пошлет кого-нибудь избавиться от меня. Наверняка Кая. Но к тому времени, когда это произойдет, мы с Натали будем уже мертвы. Я уже решил, что это мое последнее задание, и перед отъездом велел жене собрать вещи и быть готовой к отъезду, как только вернусь домой. По дороге на базу я дважды пытался дозвониться до жены, но все звонки попадали на голосовую почту.

— Присаживайся, Аз. — Крюгер показывает на стул по другую сторону стола.

— Я постою.

— Как хочешь. — Он берет кофе и делает глоток. — Твоя жена сегодня утром попала в дорожно-транспортное происшествие.

У меня темнеет перед глазами, пока я осмысливаю его слова. Хватаюсь за спинку стула.

— Что?

— Сотрудник больницы упомянул, что она может не пережить ночь, так что, думаю, тебе следует поехать туда, — бесстрастно говорит он, оглядываясь на экран, как будто обсуждая погоду.

Я разворачиваюсь и ухожу, а сердце подскакивает к горлу.

* * *

Я пристально слежу за губами доктора, когда он говорит, как будто это поможет понять и осознать его слова.

— ...множественные переломы, вызвавшие обширное внутреннее кровотечение...

Я не могу понять смысл его слов. Мой разум как будто не хочет воспринимать это.

— ...дважды реанимировал ее...

Я хватаю его за грудки белого халата и прижимаю к стене. Он все говорит и говорит, и с каждым словом во мне закипают ярость и отчаяние. Я хочу, чтобы этот сукин сын замолчал!

— ...мы пытались. Мне очень жаль.

Я ослабляю хватку на халате мужчины. Мне хочется стукнуть его головой об стену, пока он не возьмет назад все, что сказал, но я, кажется, потерял чувствительность своих рук.

— Я хочу ее видеть, — рывкаю ему в лицо. — Сейчас же.

Доктор кивает и отходит от меня. У меня звенит в ушах, пока иду за ним по коридору к двери справа.

— Уходите, — рывкаю, хватаясь за ручку.

Я слышу удаляющиеся шаги, но просто смотрю на дверь перед собой. Это самая обычная деревянная дверь бледно-голубого цвета, но у меня такое ощущение, что стою перед вратами судьбы. Ярость, переполнявшая меня, развеялась, и на сердце осталась только душераздирающая боль. Я крепко держусь за ручку, но не могу заставить себя войти внутрь. В глубине души еще теплится надежда и отчаянное чувство, что это, наверное, какая-то большая ошибка. И за дверью лежит чужая жена. Что моя Натали дома, сидит в своем любимом кресле в нашей гостиной и ждет, когда я вернусь, чтобы мы могли наконец уехать.

Я до сих пор помню тот день, когда мы познакомились, как будто это было вчера. Она пыталась украсть кошелек у мужчины в закусочной на заправке, на виду у камер видеонаблюдения. Я выволок ее на улицу и отчитал за то, какая она ужасная карманница. Нам обоим тогда было по семнадцать лет, мы жили на улице, и стало ясно, что она не создана для такой жизни. Обычно мне было наплевать на других людей, но в тот день, видимо, я увидел в ней родную душу. Поэтому отвез ее к себе в заброшенный дом, где ночевал два года после того, как моего старика посадили в тюрьму. Она должна была пробыть там всего несколько дней, но так и не ушла.

Я научил ее ловко воровать и брал на мелкие работы. Хорошо, когда было к кому вернуться домой. С кем можно поделиться хорошим и плохим днем. А учитывая условия, в которых мы жили в то время, плохого было больше, чем хорошего. Не знаю, как наша дружба переросла в любовь. Она подкрадывалась ко мне незаметно, как ручеек, уносящий камень за камнем. Мы оба были молоды, и у нас в целом мире не осталось никого из родных и близких, поэтому нам приходилось выживать самим. Мы вдвоем против всех в этом поганом городе. Дружба переросла в привязанность, затем в нечто более глубокое. Натали — единственный лучик света в моей жалкой жизни.

Когда Крюгер схватил меня и заставил присоединиться к своей проклятой команде убийц, я пообещал себе, что буду плясать под его дудку, пока не накоплю достаточно денег, чтобы перевезти нас с Натали далеко-далеко, где он никогда нас не найдет. Я полагал, что мне понадобится год или два, чтобы накопить достаточно денег, и мы сможем исчезнуть.

Я ошибался.

Для того чтобы скрыться с радаров Крюгера, я не мог воспользоваться теми документами, которые у меня уже имелись, потому что он мог их отследить. Нам с Натали нужны были новые документы, а у Крюгера связи везде: в правительстве, в полиции, в подполье, везде, где только можно. Получить новые документы так, чтобы он об этом не проведал, практически невозможно. Я знал слишком много, чтобы меня так просто отпустили, поэтому мне нужно действовать осторожно, не вызывая никаких подозрений. Если бы облажался, то и Натали, и я оказались бы мертвы. Ушли годы, я потратил несколько сотен тысяч и убил четверых, чтобы найти каналы, которые Крюгер не мог отследить. Я получил эти чертовы бумаги за неделю до того, как отправился на это задание.

А теперь ее нет. Какой-то придурок лишил меня единственной семьи, которая у меня

была.

Закрыв глаза, открываю дверь и вхожу в комнату.

* * *

Отбросив в сторону последние пустые канистры, смотрю на свое отражение в окне перед домом, на заходящее солнце за моей спиной. Декоративные створки по обе стороны от большого окна открыты, и в воздухе витают пары бензина. Я купил этот дом через три года после вступления в отряд Z.E.R.O., потому что ненавидел жить в съемной квартире. Купил его перед тем, как сделала Натали предложение. Дом был обычным и скучным, но лишь в нем я чувствовал себя как дома после очень долгого перерыва. И вот теперь он снова превратился в грудку кирпича и раствора.

Вытащив из кармана зажигалку, щелкаю колесиком, высекая искру из пламени, и бросаю ее в открытое окно. Зажигалка падает на пропитанную бензином мебель, разжигая огонь, и к тому времени, как добираюсь до машины, пламя уже поглощает шторы.

Сев за руль, я тянусь к старой металлической коробке на пассажирском сиденье. Среди кучи паспортов и других документов лежит серебряный браслет с брелком в виде плюшевого мишки с розовым бантиком, который я купил для Натали много лет назад на деньги, украденные во время одной из моих подработок. Она обожала всяких мишек, наверное, они напоминали ей о беззаботном детстве, которое было у нее до того, как оказалась на улице. Мне кажется, я никогда не видел ее без этого дурацкого браслета. Когда ее везли на операцию, сотрудники больницы сняли браслет, и цепочка потерялась по дороге. Когда мне вернули ее вещи, среди них был только брелок с мишкой.

Я перевел взгляд на брелок, висящий на зеркале заднего вида. Блестящая подвеска с изображением покерной карты — флеш-рояль, не меньше. Металлическая застежка, прикрепляющая кулон к кольцу, давно сломалась, и теперь он просто закреплен кожаным шнурком. Отец подарил эту вещицу после того, как я в первый раз обыграл его в покер, и все эти годы я хранил ее как напоминание о нем и еще об одном его уроке: «Не играй теми картами, которые тебе раздала жизнь. Иногда нужно быть и крупье».

Я снимаю брелок с зеркала, отсоединяю кулон от шнурка и бросаю его в металлическую коробку. Держа в одной руке брелок с мишкой, продеваю кожаный шнурок через петлю в верхней части, затем завязываю вокруг запястья.

Когда поднимаю взгляд на дом, огонь уже пожирает его стены. Я откидываюсь на спинку водительского сиденья и смотрю, как пламя уничтожает то, что когда-то было моим домом, а также последние осколки моей души.

Я никогда не считал себя хорошим человеком. В первый раз я лишил человека жизни в шестнадцать лет. Это была самооборона, но сути дела это не меняет. Когда живешь на улице, в самом худшем районе города, то либо убей, либо будешь убит. Выживают сильнейшие.

К тому времени, когда встретил Натали, во мне осталось не так уж много человечности, но то, что она была рядом со мной, помогло сохранить эти жалкие крохи. Она стала моей отрадой. Единственная, кто не давала моему сердцу превратиться в неприступный холодный камень.

Я никогда не рассказывал ей правду о своей «работе», боясь, что она испугается меня. Натали верила, что я работаю охранником на военном объекте, и не подозревала, что живет с убийцей. Иногда мне хотелось довериться ей, поведать о некоторых своих заданиях, но не думал, что она сможет это выдержать, поэтому держал язык за зубами. Мне было достаточно того, что она находилась рядом со мной.

Но теперь ее нет, и она забрала с собой все хорошее. Надежду. Мечты. Любовь. Остались только агония и ярость. Из этой ярости поднялся кровожадный, одичавший зверь, жаждущий возмездия. Крови. Смерти.

Мне плевать, что случившееся с моей женой — это случайность. Неважно, был ли за рулем машины, сбившей ее, высокорослый мальчишка или чей-то слабовидящий дед. Я найду их. И они заплатят.

Достаю из металлического ящика пачку документов и начинаю листать, вглядываясь в разные имена. Множественные личности — это необходимость, если в твои обязанности входит убийство людей. Я останавливаюсь на последнем документе, имя которого не использовал уже почти десять лет. Алессандро Дзанетти. Крюгер несколько месяцев допытывался у меня о моем настоящем имени, но я не уступал, даже после того, как его люди сломали мне руку, и в конце концов он оставил эту тему. Ему не нужен был солдат, который не мог отправиться на задание, потому что он был слишком груб, а все новобранцы все равно пользовались фальшивыми именами и удостоверениями. Не знаю, почему я так упрявился по этому поводу. Может, потому что мое имя было единственным, чем я по-настоящему владел в то время, или же мне просто нравилось злить Крюгера.

Схватив стопку поддельных удостоверений и паспортов, включая документы, которые получил на прошлой неделе, выбрасываю их в окно. Думаю, будет уместно использовать свое настоящее имя, когда убью ублюдка, виновного в смерти моей жены.

К тому времени, когда я включил задний ход и выехал с подъездной дорожки, пламя уже добралось до крыши, превращая мой дом в пепел.

Четыре месяца назад

Дождь не прекращается, промочив мою и без того мокрую куртку и приклеив волосы к лицу. Потрясенная новостью о том, что закусочная, в которой работаю, закрывается на следующей неделе, я оставила зонтик на работе. У меня остается только моя работа на неполную ставку в бухгалтерской фирме, а этого недостаточно, и мне придется срочно начинать искать что-то другое.

Пока пытаюсь убрать с глаз мокрую прядь, слева от меня проносится грузовик, окативший меня грязной лужей. Со вздохом поражения останавливаюсь посреди пустынного тротуара и смотрю на свои новые белые кроссовки, которые теперь намокли и испачкались в грязи.

Несмотря на проливной дождь, я не могу отвести взгляд от своей обуви. Вчера чувствовала себя немного виноватой и взволнованной, когда купила новые кроссовки, потому что с деньгами в этом месяце туго. Если бы знала, что сегодня потеряю работу, я бы никогда их не купила.

От размышлений меня отвлек автомобильный гудок, и, подняв голову, я увидела Меланию, мою лучшую подругу со школьных времен, которая махала мне из окна своей машины.

— Господи, Рави! — кричит она. — Садись!

Я спешу к ее машине и открываю пассажирскую дверь, но когда вижу красивый салон и сухое сиденье, то просто качаю головой.

— Я вся грязная.

— О, ради Бога. Просто садись, Равенна. — Мелания хватается меня за руку, затаскивая внутрь.

— Задержалась на смене? — спрашиваю я, пристегивая ремень безопасности. Мелания работает в аптеке, расположенной неподалеку.

— Да. Я должна была закончить к полуночи, но кое-какие поставки пришли с опозданием, и мне пришлось разбираться с ними. Кстати, привезли обезболивающий бальзам, о котором ты спрашивала для мамочки Лолы.

Я киваю. В свете сложившейся ситуации не уверена, что мы можем себе это позволить в данный момент.

— Я видела Витто, когда ехала на работу сегодня днем, — продолжает она, сворачивая на улицу. — Он был с Уго.

— Я сказала ему, чтобы он не общался с этим парнем, но он не слушает. Этот парень до добра не доведет.

— Они опять воруют?

Я откидываюсь на спинку сиденья и закрываю глаза. В последний год с моим братом было очень трудно.

— Надеюсь, что нет. Менеджер продуктового магазина сказал, что подаст заявление в полицию, если поймают их снова.

— Может, попробовать найти ему работу на лето? Я могу поспрашивать, если хочешь?

— Да, это было бы здорово, — говорю я, хотя знаю, что из этого ничего не выйдет.

После смерти отца, случившейся год назад, Витто то и дело попадал на собрания членов «Коза Ностры», иногда выполнял поручения, надеясь, что его попросят стать солдатом вместо отца. Мы с мамой всеми силами пытались выбить из его головы эту нелепую идею, но безрезультатно. Я запретила ему ходить в такие места, но, наверное, он все равно делает это тайком.

— Рави, со временем он одумается. Вот увидишь. — Мелания останавливается перед моим домом и берет мою руку в свою.

Надеюсь, что так и будет. Я сжимаю ее руку в ответ и открываю дверь.

— Это всего в квартале отсюда. Тебе не нужно было подвозить меня до дома.

— Это за то, что ты делала за меня домашнее задание по математике в школе. — Она смеется. — Передай привет своей маме Лоле.

— Обязательно передам.

В мокрых кроссовках, шаркая, я бегу к зданию и поднимаюсь на четыре лестничных пролета. Как можно тише, вхожу в квартиру и направляюсь в ванную, чтобы переодеться, но вдруг слышу за спиной дрожащий мамин голос:

— Витто еще нет дома.

Я разворачиваюсь и испуганно смотрю на маму. Уже почти три часа ночи. Мой брат может быть занозой в заднице, но он никогда не засиживался всю ночь, не предупредив ни меня, ни маму.

— Что ты сказала?

— Он предупредил, что идет гулять с друзьями и вернется к одиннадцати, — вздыхает

мама. — У него телефон выключен.

— Почему ты мне не позвонила?

— Ты была на работе. Я подумала, что он просто задерживаешься, легла на диван и ждала тебя. Я заснула. — Она начинает рыдать. — Я позвонила его друзьям, но никто из них его не видел.

— Черт. Прости меня, мама. — Я обнимаю ее и пытаюсь успокоить. — Может, он пошел к Уго и забыл тебе позвонить?

— Рави, наверное, нам стоит сообщить в полицию.

Я закрываю глаза.

— Мы не станем этого делать.

Может, мы и не члены «Коза Ностра», но мой отец им был. Мы не в праве рисковать и привлекать внимание полиции без крайней необходимости.

— А если с ним что-нибудь случится?

— Ничего с ним не случилось. Я позвоню Уго, и мы его найдем. — Я уже потянулась к телефону, когда раздался сильный и громкий стук в дверь.

Мамины глаза расширяются от ужаса, а по щекам катятся слезы. Стук в дверь в три часа ночи не предвещает ничего хорошо. Я поспешно пересекаю комнату и открываю дверь.

По ту сторону порога стоит мужчина в темном костюме. Я никогда раньше не видела это мужчину, но его поза и кобура, видневшаяся под расстегнутым пиджаком, наводят меня на мысль. «Коза Ностра».

— Равенна Каттанео? — спрашивает он, пристально глядя на меня.

— Да, — лепечу я.

— Пойдёмте со мной, пожалуйста.

— Это из-за моего брата? С ним все в порядке?

— Пока. — Солдат «Коза Ностры» берет меня за руку и ведет по коридору. Он даже не ждет, пока я возьму сумочку или куртку.

— Все будет хорошо, мама, — кричу я через плечо, стараясь не отставать. Мама стоит в дверях, держась одной рукой за косяк, а другой прикрывая рот, и смотрит, как я ухожу.

Когда мы выходим из здания и мужчина забирается в черную машину с тонированными стеклами, я сажусь внутрь, не задавая вопросов. Пока едем, я сжимаю руки на коленях, стараясь сохранить спокойствие. Наверное, на этот раз Витто сильно облажался, раз «Коза Ностра» заявила к нам в квартиру посреди ночи. Неужели брат опять попался на воровстве? Или, может, он сказал что-то, чего не должен был говорить? О Боже, если он на кого-то настучал, то ему конец.

Машина сворачивает в узкий переулок и останавливается перед рестораном с красно-белыми клетчатыми занавесками. Я не сразу узнаю это заведение, потому что бывала здесь лишь однажды, когда мне нужно было принести отцу бумажник, забытый дома. Он стоял на посту в служебном помещении.

Я выхожу из машины и смотрю на деревянную вывеску над дверью. «У Луиджи». Место, куда солдаты «Коза Ностры» приходят играть в карты.

Водитель молча ведет меня среди пустых столов к дверному проему в дальнем конце зала. Женщина в испачканном белом фартуке моет посуду и смотрит на нас, пока мы идем через кухню. Когда доходим до двери, спрятанной за занавеской рядом с винными ящиками, мужчина открывает ее и заталкивает меня в потайное помещение. Дверь за мной закрывается.

Воздух в комнате наполнен тяжелым сигарным дымом, что трудно дышать. Свет от светильника над большим круглым столом освещает фигуры четырех мужчин, играющих в покер. Я делаю несколько шагов в комнату, и сидящий напротив меня мужчина поднимает глаза от карт и откидывается назад, на его губах появляется самодовольная улыбка. Я делаю произвольный шаг назад. Это один из капо. Рокко Пизано.

— На сегодня все, — говорит он, бросая карты на середину стола.

Остальные трое встают, скрипя стульями, и собирают свои вещи. Они проходят мимо меня на выход. Дверь тихо захлопывается, и я вздрагиваю от зловещего тихого звука.

— Вы присылали за мной, мистер Пизано, — выдавливаю я из себя, пытаюсь сохранить зрительный контакт и не дрогнуть. Мне не нравится, как он смотрит на меня, словно кот, только что получивший неожиданное лакомство.

— Да. — Рокко берет бокал и откидывается в кресле, разглядывая мою промокшую одежду. — Необходимо погасить один долг.

В животе у меня заныло от плохого предчувствия.

— Долг?

— Да. — Капо улыбается и переводит взгляд на что-то позади меня. — Не так ли, Витто?

Я поворачиваюсь, и сдавленный крик срывается с моих губ, когда вижу скрюченное тело в углу. Мой брат поднимает голову, его лицо в крови, а один глаз опух и закрыт.

— О Боже! — Я делаю шаг к нему, но стук ладони по столу останавливает меня.

— Иди ко мне, или я закончу то, что начал! — рычит Рокко.

Я сглатываю желчь и заставляю себя повернуться лицом к капо. Рокко кивает на стул напротив себя и наблюдает, как я подхожу к нему на шатких ногах.

— Садись, — шипит он.

Я сажусь на стул и сжимаю руки на коленях. Не знаю, что происходит и что, черт возьми, делает здесь мой брат, но все очень плохо.

Рокко затягивается сигарой и выпускает дым мне в лицо.

— Витто решил, что может сыграть в покер с крупной рыбой. Он пришел вечером, размахивая пачкой денег, и попросил, чтобы его пустили в игру.

Я на мгновение закрываю глаза, пытаюсь остановить слезы. Для брата смерть отца стала тяжелым ударом, и Витто с тех пор создает проблемы. Плохая компания. Воровство. Даже продавал марихуану. Но я никогда не думала, что он способен дойти до такого безумия, чтобы прийти в заведение «Коза Ностры» и играть в азартные игры.

— Ему всего пятнадцать, — шепчу я.

— Мальчику нужен урок. Он уже достаточно взрослый, чтобы отвечать за свои слова и поступки. — Рокко ухмыляется. — И он достаточно взрослый, чтобы платить.

— Сколько он вам должен?

— Тех четырех тысяч, которые он принес, хватило только на первоначальный взнос.

Четыре штуки. Я сжимаю пальцы. Есть только одно место, где мой брат мог взять эти деньги. Старая жестяная банка из-под печенья, которая стоит у меня под кроватью. Я работала со школы, чтобы накопить денег на колледж. Большая часть ушла на лекарства, когда заболел отец, но за последний год мне удалось накопить около четырех тысяч.

— Я схожу в банк и узнаю, можно ли получить кредит, — обещаю я. — Мы вернем все, что Витто вам должен, но, пожалуйста, отпустите моего брата.

— Сомневаюсь, что какой-либо банк даст большой кредит, чтобы покрыть сумму,

которую твой брат должен мне. Поэтому мы с Витто пришли к соглашению, которое будет выгодно нам обоим. Я забуду о деньгах и не стану его убивать. — Капо снова пускает дым мне в лицо. — А тебя я возьму в качестве оплаты.

Наши дни

Под колесами хрустит снег, когда паркую машину на подъездной дорожке у особняка из серого камня. На часах почти шесть вечера, но мне приказано явиться на службу именно в это время. Я выключаю зажигание и откидываюсь на спинку сиденья, рассматривая дом через лобовое стекло. Исходя из местоположения и размеров прилегающей территории, дом, вероятно, стоит пять-шесть миллионов, но он меньше, чем я ожидал. Всего два этажа.

Это прекрасный дом.

И гореть он будет великолепно.

Я выхожу из машины и иду к широким каменным ступеням, ведущим к двойным парадным витражным дверям из дерева. Ранее, еще на подъезде к дому, я заметил двух охранников у ворот. Еще как минимум трое стоят с внешней стороны высокой стены, окружающей участок, но ни у парадного входа, ни вокруг дома их нет. Насколько я понял, мой новый работодатель не подпускает к дому никого из своей службы безопасности. Скорее всего, именно поэтому каждый дюйм прилегающей к дому территории находится под наблюдением камер.

Как только ступаю на первую каменную ступеньку, входная дверь распахивается, и на пороге появляется мужчина в светло-сером костюме-тройке. В свете желтоватого освещения из коридора передо мной стоит высокий долговязый мужчина с самодовольным выражением лица. Рокко Пизано. Капо из Нью-йоркской преступной семьи.

— Дзанетти, — говорит он, приглашая меня следовать за ним. — Я проведу инструктаж в своем кабинете. Придется торопиться. Мы должны быть в театре через два часа.

Я иду в нескольких шагах позади него, когда он поворачивает налево и ведет меня через просторное мраморное фойе к раздвижной деревянной двери на дальней стороне. Интерьер кричит о роскоши, и звуки моих шагов отражаются от стен и высокого потолка, украшенного лепниной. Фрески на потолке изображают ангелов в ярких цветах, смотрящих на нас сверху вниз. По углам расставлена отполированная до блеска антикварная мебель из темного дерева в стиле барокко. На верхний этаж ведет широкая лестница, на замысловатых деревянных перилах которой вырезаны цветы, виноградные лозы и другие декоративные элементы.

Кабинет Пизано такой же большой. Центральное место занимает солидный деревянный стол темно-вишневого цвета. На его столешнице, ближе к краю, красуется толстая резная табличка, выполненная из шпона в тон столу.

В остальной части комнаты можно увидеть аналогичные примеры вычурности. Огромная хрустальная люстра, которая больше подходит для столовой, чем для кабинета. По обе стороны от стола установлены две золотые скульптуры львов в натуральную величину, сидящих как бы на страже, а за столом — книжные полки. Книги защищены стеклянными

дверцами в золотой оправе.

Рокко садится за стол и достает деревянную коробку с элитными сигарами. Когда он берет одну из них, свет от люстры над головой отражается от толстого золотого кольца с массивным рубиновым камнем на костлявом указательном пальце.

Восемь лет. Восемь долбаных лет я искал этого человека, и вот он, наконец, сидит передо мной. Едва сдерживаю желание обхватить его горло руками и свернуть ему шею на месте. Но я ждал так долго не для того, чтобы подарить ему простую и быструю смерть. Нет. Я стану уничтожать его по кусочкам, а он будет смотреть. Только когда от его позолоченной жизни ничего не останется, он встретит своего создателя. И я позабочусь о том, чтобы его путь к цели был очень, очень долгим. И чрезвычайно мучительным.

Рокко не сводит с меня глаз, когда отрезает кончик сигары и кладет ее в рот, словно пытаясь произвести впечатление. Он также не предлагает мне присесть на один из стульев, стоящих перед его столом.

— Итак, я слышал, что ты не любишь женщин, — говорит он, прикуривая сигару. — Это правда?

Я ожидал этого вопроса. Босс сказал мне, что Рокко патологически ревнив и что он убил трех последних телохранителей, приставленных к его жене. Единственная причина, по которой я беру на себя эту роль, в том, что Рокко считает меня геем. Я не совсем понимаю, откуда взялась эта идея, но Аджелло упомянул, что именно так Рокко и думает обо мне. Возможно, он слышал, что я никогда не хожу в стриптиз-клуб, который каждый четверг вечером посещают другие бойцы «Коза Ностры». А может, он считает меня геем, потому что я отказался от девушек, которых идиот Кармело прислал ко мне в подарок на пятую годовщину моего вступления в семью. Мне неважно, что вызвало у него такое впечатление. Я выдерживаю его взгляд и киваю.

— Я сохраню твой секрет. — Рокко кривит губы. — Давай перейдем к делу. Ты будешь отвечать за безопасность моей жены двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Как ты, наверное, заметил, охранников в дом не пускают. Положение меняется только тогда, когда к нам приезжают гости. В остальное время в доме находимся только я и моя жена. Кроме того, в штате работают экономка и две горничные. Они приходят в восемь и уходят в семь.

— Системы безопасности? — спрашиваю я.

— Сигнализации на входной и задней дверях, а также на окнах первого этажа. Снаружи дома и по периметру стены установлены камеры. Наблюдение за ними ведется из караульного помещения у ворот. Охрана в три смены, по пять человек в каждой.

— Мои задачи?

— У тебя только одна. Моя жена, — говорит он и откидывается в кресле. — Равенне не разрешается выходить из дома без присмотра. Она любит гулять по территории, поэтому когда она это делает, ты должен идти с ней. Кроме того, она часто ходит по магазинам и занимается прочими женскими делами. Парикмахер. Маникюр. Ты будешь с ней везде, куда ей нужно выйти.

— Какие-нибудь исключения?

— Никаких. Если ей понадобится пойти к гинекологу, ты пойдешь с ней. — Он встает со стула и подходит ко мне. — Твоя работа заключается не в том, чтобы просто обеспечивать безопасность Равенны. Это второстепенно. Мне нужно, чтобы ты следил за каждым ее шагом и докладывал мне обо всем подозрительном.

и берет меня за руку. — Это Алессандро Дзанетти, твой новый телохранитель.

Стараясь изо всех сил сохранить спокойное выражение лица, бросаю еще один взгляд на мужчину, стоящего с руками за спиной. Такая поза подчеркивает его широкие плечи, а мышцы рук напрягаются под материалом черного пиджака. Пожалуй, это самый крупный мужчина, которого я когда-либо встречала. Поднимаю взгляд от широкой груди и останавливаюсь на его лице. Зловещее. Это первое слово, которое приходит мне на ум. Он чисто выбрит, с волевым подбородком и острыми скулами, но не его лицо и не его огромная фигура заставляют меня отступить назад. А из-за того, что я вижу в его темных глазах. Ненависть. Отвращение. И едва сдерживаемую ярость. Я хочу отвести взгляд, но не могу. Его глаза завораживают меня и держат в плену. Если бы взглядом можно было убить, уверена, что умерла бы на месте.

Я заставляю себя кивнуть и наконец отвожу взгляд, фокусируя его на парадном входе. Когда мы проходим через дверь, которую Алессандро держит открытой для нас, все время чувствую на себе его взгляд, до самой машины мужа. Только когда перебралась на пассажирское сиденье, а Рокко закрыл дверь машины, я позволила себе выдохнуть.

В боковом зеркале вижу, как мой новый телохранитель идет к черному внедорожнику, его шаги медленны и расчетливы. Перед тем как сесть в машину, он поднимает взгляд в сторону нашего автомобиля. Он не может знать, что я за ним наблюдаю, но почему-то уверена, что знает. Флюиды враждебности, исходящие от него, словно живые. Не помню, когда в последний раз кто-то производил на меня такое сильное впечатление при первой же встрече, не произнеся ни слова. Может, он злится из-за того, что его назначили на эту работу? Он наверняка слышал истории о том, как закончили жизнь три последних моих телохранителя — с пулевым отверстием от пистолета Рокко во лбу.

Открывается водительская дверь, и я быстро отвожу глаза от зеркала.

— Похоже, я нашел для тебя идеальную охрану, — говорит Рокко, садясь за руль. — Этот не поддастся твоим чарам.

Я сжимаю клатч в руках и кусаю внутреннюю сторону щеки, пытаюсь побороть желание на него наорать.

— Да, Рокко, — бормочу я, не отрывая взгляда от своих коленей.

Я прислонился к стене и рассматриваю чету Пизано, сидящую на обитых бархатом стульях в нескольких футах передо мной. В их ложе на балконе восемь мест, но остальные пустуют.

Рокко выглядит скучающим. Он опирается левой рукой на спинку кресла своей жены, а в свободной руке держит телефон. Рокко возится со своим телефоном с тех пор, как женщина на сцене начала петь, так что, очевидно, он не является поклонником оперы.

Его жену трудно понять. В отношениях между ними что-то не так. Миссис Пизанс сидит прямо и не смотрит на мужа. С того момента, как она заняла свое место, ее взгляд устремлен на сцену. Она не шевелится уже почти час, и я не могу понять, связано ли это с

тем, что она погружена в спектакль, или есть другая причина ее стоической позы.

Когда Рокко перечислил требования к моему заданию, я удивился. Этот ублюдок, видимо, безумно любил свою жену, но не понятно, почему человек его положения должен быть настолько неуверенным в себе, чтобы прибегать к таким мерам контроля. Однако при виде спускающейся по лестнице Равенны Пизано у меня едва получилось удержать челюсть от удара об пол. Я видел несколько ее фотографий, но они не передавали ее красоты.

На свете много прекрасных женщин. А есть... такие... красавицы как она.

Облегающее красное платье с глубоким V-образным вырезом, демонстрирующим ее упругую грудь, скандально короткое и едва прикрывает ее попку. Яркий цвет контрастирует с черными волосами, которые она собрала в тугий пучок на макушке. Мне кажется, я никогда не видел более совершенного лица, несмотря на избыток косметики. Густые тени вокруг больших зеленых глаз. Кроваво-красные губы такого же оттенка, как и платье. Длинные густые ресницы, вероятно, накладные. Трудно угадать ее возраст за всей той дрянью на лице, но, по моим прикидкам, ей около двадцати.

Когда она спускалась по лестнице в доме, я обратил внимание на ее блестящие черные туфли на шпильке и на то, как они выгодно подчеркивают ее фигуру «песочные часы». И только когда она остановилась рядом с Рокко, понял, что она гораздо ниже ростом, чем мне показалось вначале. Даже на каблуках ее макушка едва доставала до его носа. Босиком она, наверное, доходила бы до середины моей груди.

Равенна Пизано — миниатюрная женщина, которую не составит труда стереть с лица земли. И я планирую сделать это прямо под высокомерным носом ее мужа. По-моему, вполне уместно.

Артист на сцене наконец перестает вопить, и раздаются бурные аплодисменты. Рокко встает с кресла и протягивает руку жене. Госпожа Пизано медленно поднимается, и это происходит так царственно, как будто перед подданными предстает королева. Точнее, ледяная королева. Когда они проходят мимо меня, то она держит голову высоко, смотрит прямо перед собой, полностью игнорируя меня. Видимо, считает, что я ниже ее по положению, как это обычно бывает с такими «помощниками».

Я следую за Пизано по широкому коридору к открытому залу в конце, где привилегированных посетителей ожидают прохладительные напитки. Рокко шепчет что-то на ухо жене и присоединяется к группе мужчин в центре зала, которые весело смеются, потягивая напитки. Госпожа Пизано отходит в сторону и встает в относительно свободном от людей месте. Ее поза стала еще более жесткой, чем в театральном зале, и она сосредоточила взгляд на чем-то на противоположной стене. Я проследил за ее взглядом, гадая, что же привлекло ее внимание, но там ничего нет. Только чистая белая стена. Нет ни одного предмета искусства или светильника.

Я делаю пару шагов и становлюсь слева от Равенны Пизано. Как только она чувствует мое присутствие, то замирает и напрягается всем телом.

— Пожалуйста, отойди, — говорит она, и на секунду я поражаюсь молодости ее голоса. Но потом до меня доходят ее слова, и отвращение переполняет меня. Я делаю шаг назад. Конечно, она не может допустить, чтобы ее царственный вид был испорчен таким как я. Жалко, что люди с правом голоса иногда забывают, что они не так уж сильно отличаются от остальных. Особенно когда у них течет кровь.

Интересно, будет ли она чувствовать то же самое, когда кровь потечет по ее стройной шее после того, как я ее перережу?

Я глубоко вздыхаю, не отрывая взгляда от стены напротив. Этот прием я взяла на вооружение недавно, чтобы не встретиться случайно с мужским взглядом. Краем зрения вижу Рокко. Он разговаривает с другим капо, Козимо Лонго, и делает вид, что погружен в разговор, но прекрасно знаю, что он наблюдает за мной. Ждет, когда я сорвусь. Но я не допущу оплошности. У меня было достаточно практики, чтобы одержать верх в извращенной игре мужа, и я приняла на себя множество ударов и заработала достаточно синяков, чтобы мотивировать себя не отрывать взгляд от стены. Но ничего не могу сделать, чтобы мужчины не смотрели на меня. Или, что еще хуже, не подходили ко мне. Рокко знает об этом и получает огромное удовольствие, когда видит, как это происходит, потому что это означает, что он может наказать меня, когда мы вернемся домой, и совесть его не будет мучить.

У моего мужа уникальный взгляд на мир. В его понимании он — хороший, справедливый человек, который никогда не делает ничего без причины. Если я буду вести себя хорошо, то ничего не случится. Ну, по крайней мере, в большинстве случаев. Но если я делаю что-то не так, например, смотрю на другого мужчину или привлекаю его внимание, муж чувствует необходимость наказать меня. Рокко любит называть это «методами воспитания». Итак, я стою в стороне, надеясь, что никто не обратит на меня внимания и что Рокко скоро надоеет, и мы сможем вернуться в особняк.

— Равенна, — раздается справа от меня мужской голос. — Почему ты стоишь одна? Хочешь, я принесу тебе выпить?

Я крепче сжимаю в руке клатч.

— Я в порядке, Пьетро. Спасибо.

Уходи. Пожалуйста, пожалуйста, уходи. Повторяю, эту мантру. Может, если он уйдет сразу, Рокко его не заметит.

— Ты уверена, что не хочешь ничего выпить? — Пьетро кладет руку мне на плечо.

Я на секунду закрываю глаза, пытаюсь подавить поднимающуюся во мне панику, и заставляю себя улыбнуться. Пьетро работал рядом с моим отцом в течение нескольких лет и даже несколько раз приходил к нам домой. Он всегда был добр ко мне, и один раз я подумывала попросить его о помощи, но так и не набралась смелости.

— Я в порядке, просто глубоко задумалась. Спасибо.

Пьетро кивает и направляется к группе людей на другой стороне комнаты. Когда он скрывается из виду, бросаю взгляд на место, где стоял Рокко, и вижу, что он смотрит на меня поверх бокала. И улыбается. Черт. Я делаю шаг назад и натываюсь на стену из твердых мышц. Огромная мужская рука ложится на мою талию, поддерживая меня. Моя кровь холодеет.

С тех пор как я вышла замуж за Рокко, по моей вине погибли трое мужчин. Первому было всего двадцать шесть. Всего на два года старше меня. Мне до сих пор снятся кошмары о том дне. Я только что вернулась домой после маникюра, и Газтано протянул руку, чтобы помочь мне с пальто, и случайно задел рукой мое плечо. А спустя минуту из библиотеки

выскочил Рокко и выстрелил моему телохранителю в голову. Я сначала не поняла, что произошло, и просто смотрела на распростертое на полу тело Гаэтано, из дыры в центре лба которого сочилась кровь. Рокко начал кричать, приказывая мне идти в свою комнату, но я не могла заставить свои ноги двигаться.

После этого усвоила урок и постаралась никогда, даже случайно, не прикасаться к своим телохранителям, если поблизости находился Рокко или его камеры. В конце концов, это не имело значения. Двое других оказались мертвы, потому что мой муж решил, что они смотрят на меня неподобающим образом.

— Убери руку, — шепчу я, глядя на Рокко, и паника захлестывает меня с головой.

Но ничего не происходит.

— Сейчас же, мать твою, Алессандро.

Рука исчезает с моей талии. Рокко ставит свой напиток на поднос ближайшего официанта и идет в нашу сторону. Боже мой. Он собирается убить и Алессандро. Рокко ничего не сделает Пьетро, потому что тот входит в ближний круг дона. Я заплачу за эту встречу. Но мой муж без колебаний казнит телохранителя, как только мы вернемся домой. Я не смогу жить со смертью еще одного невинного человека на моей совести. Не могу.

— Уходи, — шепчу я. — Пожалуйста. Уходи.

Не думаю, что Алессандро меня слышит, потому что все еще чувствую его за спиной, когда Рокко останавливается передо мной. Он все еще зловеще улыбается.

— В следующий раз, когда к моей жене подойдет мужчина, — говорит Рокко, глядя поверх моей головы, — ты убережешь его с глаз долой. При необходимости с применением силы. Это ясно?

Я не слышу ответа, но предполагаю, что Алессандро кивает. Рокко кладет руку мне на поясницу и выводит в коридор. Мы уходим, слава Богу.

* * *

Дверь спальни закрывается за мной с тихим щелчком. Я оставляю клатч на туалетном столике справа от себя. Не успеваю я повернуться к мужу лицом, как Рокко бьет меня наотмашь по лицу.

— Пьетро? Правда? — рычит он, отталкивая меня к стене. — Ты хочешь члена? Я дам тебе член, шлюха.

Я ударяюсь грудью о твердую поверхность. Глубоко вздохнув, закрываю глаза и прижимаю ладони к стене. Рокко хватается подол моего платья и тянет его вверх, затем рвет трусики. Я слышу, как он расстегивает ремень, и стараюсь как можно меньше двигаться. Его больше возбуждает, когда я сопротивляюсь. Через мгновение чувствую, как его вялый член касается моей спины. Он несколько раз ткнулся в меня, его дыхание участилось.

— Черт! Где мои таблетки?

Я слышу, как он уходит, вероятно, за виагрой, которую заставляет меня держать в ящике тумбочки. Проходит минута. Я не двигаюсь с места. Рукой муж стискивает мою попку. Я зажмуриваюсь.

Сопение. Учащенное дыхание, когда он дрочит свой член позади меня.

— Ты гребаная шлюха. — Рокко отпускает мою задницу и хватается за волосы. — Я не могу трахнуть тебя даже с этой гребаной виагрой.

Я чуть не спотыкаюсь, когда он толкает меня к кровати и бросает на нее.

— Тебе запрещено выходить из комнаты до утра. Ты меня слышишь?

— Да, Рокко, — выдыхаю я.

Дверь в спальню захлопывается, но я продолжаю лежать на кровати, глядя в потолок, и возвращаюсь к подсчетам, сколько денег мне нужно, чтобы выбраться из этого ужасного шоу. Обдумывание деталей стало для меня механизмом самозащиты. Всякий раз, когда Рокко издевается надо мной, я отстраняюсь от ситуации, планируя свой побег.

Мысли непроизвольно перемещаются к большому молчаливому мужчине, который станет моей вечной тенью. Что мой муж с ним сделает? Может, Рокко был слишком сосредоточен на Пьетро и не заметил, как Алессандро прикоснулся ко мне в театре. Иначе сегодня ночью погиб бы еще один человек. Я провожу пальцем по тому месту на бедре, где меня ненадолго коснулась рука Алессандро.

Мне придется быть очень осторожной рядом с телохранителем, по крайней мере, пока не узнаю его получше. Надеюсь, он не слишком внимательный человек. Может, мне стоит отложить на несколько дней свои... внеклассные занятия? Нет, я не могу себе этого позволить. Каждая секунда, проведенная в этом доме с Рокко, превращается в ад. Все началось плохо, и ситуация становилась все хуже и хуже. Думаю, кровопролитие, случившееся в день нашей свадьбы, было лишь предвестником грядущих событий. Преддверием кошмара, который ежедневно затягивает меня все глубже. Рокко топит меня в страданиях и топит в обидах.

Я с самого начала знала, что мой муж — неуравновешенный человек. Ни один здравомыслящий человек не стал бы приобретать жену в качестве платы за игорный долг. В то время не понимала, зачем ему понадобилось прибегать к таким мерам. Рокко всегда был популярен и уважаем, а поскольку он капо, его даже боялись. Многие женщины прыгали от восторга при мысли о возможности выйти за него замуж, но Рокко оставался холостяком. Я не могла понять, почему ему вдруг захотелось жениться, да еще на мне — дочери рядового бойца «Коза Ностры». Ответ на этот вопрос я получила быстро, в нашу брачную ночь.

Рокко Пизано — импотент. И он готов расправиться с любым, кто посмеет раскрыть его тайну. Единственный человек, который знает об этом, — врач, которого Рокко тайно посещает. А теперь и я. Не знаю точно, врожденная ли это проблема или возникла недавно, но у меня есть ощущение, что он занимается этим уже довольно давно. Скорее всего, его импотенция — это причина, по которой он не женился на женщине из высокопоставленной семьи. Скорее всего, он опасался, что она расскажет об этом родителям или братьям и сестрам, и вскоре все узнают. Но Рокко никогда бы не допустил, чтобы его тайна была раскрыта. И он не мог рискнуть поднять руку на такую женщину, чтобы заставить ее молчать. Если ее семья проведает об этом, то и дон тоже.

Возможно, если бы мой отец был жив, моя жизнь сложилась бы иначе. А может и нет. В моей семье брак всегда считался священным. Много лет я слышала от отца, как женщина должна неизменно уважать своего мужа, несмотря ни на что. Она должна быть послушной и знать свое место, никогда не противоречить своему мужчине. Это настолько укоренилось во мне, что, когда Рокко ударил меня в первый раз, не сомневалась, что это моя вина. После того как это стало происходить регулярно, я хотела кому-то рассказать, попросить о помощи, но не могла заставить себя бросить ему вызов.

Когда мы находимся на людях, Рокко всегда ведет себя как любящий и заботливый муж. Никто бы мне не поверил. А Рокко ясно дал понять, что будет с моей мамой и братом, если я обмолвлюсь хоть словом. Поэтому держу рот на замке и терплю до тех пор, пока не накоплю достаточно денег, чтобы мы все трое смогли уехать как можно дальше.

Скоро.

Алессандро

Я нажимаю на серый значок в углу экрана ноутбука. Появляется окно с надписью «Подключение...» Через десять секунд рабочий стол компьютера заполняется мозаикой из десятка окошек, в каждом из которых показывается изображение с камеры, установленной в особняке Пизано.

— Работает? — спрашивает Феликс с другого конца телефонной линии.

— Да. Я подключился. Если возникнут проблемы, я тебе позвоню.

— Не вздумай бросать трубку! — кричит он. — Я хочу знать, что ты планируешь.

— Ничего такого, не волнуйся.

— У нас был уговор, Аз. Я помогаю тебе исчезнуть с радаров Крюгера, а ты сидишь тише мыши.

— Я не высываюсь, Феликс. — Я нажимаю на окно, показывающее входные ворота, и наблюдаю за сменой охранников. — Мне нужно, чтобы ты достал мне тело.

— Тело? Какое тело?

— Мертвое. Мужчина. Около тридцати лет. Кавказец. Черные волосы. Рост метр семьдесят. Весом где-то под сто пятнадцать килограмм. — В последнее время я себя не измерял, но это неплохая прикидка.

— Не вопрос. Когда оно тебе нужно?

Сколько времени нужно, чтобы разрушить жизнь человека?

— Через два месяца, — отвечаю я.

— Ну разумеется. А как насчет цвета глаз? Может быть, у тебя есть любимая прическа? — усмехается Феликс в трубку. — Ты что, думаешь, у меня чертова служба «мертвецы на заказ» на быстром дозвоне? Где, черт возьми, я возьму тебе тело?

— Ты знаешь людей, Феликс. Придумай что-нибудь. — Я ухмыляюсь. — При условии, что он будет достаточно похож на меня, это работает.

— Ты собираешься инсценировать свою смерть?

— Да. Как только закончу здесь.

— Закончу? Что закончу? — огрызнулся Феликс. — Если ты...

Я прерываю звонок, бросаю телефон на кровать рядом с собой и сосредотачиваюсь на экране ноутбука. Снаружи дома установлено более десяти камер, еще шесть — на стенах по периметру участка. Но в доме имеется только одна камера, установленная над входной дверью. Когда придет время, будет чертовски сложно, но не невозможно.

Мой телефон пикает от входящего сообщения. Это расписание миссис Пизано на сегодня. Шоппинг — три часа. Обед в ресторане — один час. Визит к матери — один час. Рядом с каждым из перечисленных мероприятий указан адрес. Сообщение заканчивается примечанием, выделенным жирным шрифтом.

«Завтра жду подробный отчет».

Наблюдение за сменами охранников, видимо, придется перенести на другой день. Я беру с тумбочки кобуру, надеваю ее и, взяв в руки куртку, выхожу из дома.

К особняку Пизано подъезжаю на полчаса раньше, чем нужно, и это время использую для того, чтобы пройтись по территории, изучая планировку и расположение камер.

Две над парадным входом — одна направлена на дверь, другая — на подъездную дорожку. Еще три — по одной с каждой стороны — прикрывают фланги дома. Сделав вид, что совершаю обычную прогулку, я пошел по узкой тропинке между деревьями, разбросанными по территории, и продолжил осмотр. На каждом углу стены по периметру дома установлены камеры, еще несколько — на воротах и в сторожке. Вернувшись к главному дому, обнаруживаю еще несколько камер, выходящих во внутренний дворик и на лужайку.

В пятидесяти или около того ярдах от особняка находится еще одно здание. Оно похоже на гараж, но слишком большое. Я схожу с тропинки и иду по траве, приближаясь к входу, чтобы заглянуть внутрь через приподнятую эркерную дверь. Это гараж, и внутри припаркованы пять машин. Люди из «Коза Ностры» любят посплетничать между собой, и я часто слышал, как они говорили о том, что Рокко помешан на дорогих машинах. Похоже, слухи правдивы, по моей беглой оценке, машины здесь стоят не меньше двух миллионов. Вероятно, он не очень хорошо отнесется к их потере. Я поворачиваю налево и огибаю гараж. Только одна камера, прямо над дверью отсека. Хорошо. Возвращаюсь к особняку.

Я вхожу в фойе как раз вовремя, чтобы увидеть спускающуюся по лестнице миссис Пизано. На ней элегантный наряд: коричневые брюки, шелковая рубашка того же цвета, поверх длинное белое пальто. Волосы снова убраны в высокую прическу, а большие коричневые солнцезащитные очки скрывают половину лица.

Рокко открывает дверь своего кабинета и спешит через фойе, встречая жену у подножия лестницы. Я сжимаю кулаки, испытывая зуд от желания медленно его задушить. Я надеялся, что, находясь так близко к Рокко, смогу контролировать себя, зная, что его смерть не за горами. Пройшей ночью мне приснился сон, в котором он был подвешен к потолку вверх ногами, а кровь стекала по его телу, и каждая капля падала в скопившуюся лужу с вязким глухим звуком. Это был самый лучший сон за всю мою жизнь.

— Хорошо спала, *bellissima*? — Пизано улыбается и целует жену в щеку.

— Да, спасибо.

— Отлично. Приятного дня и не забудь купить тот золотой браслет, который нам понравился. У жены Джанкарло такой же, но поменьше, а мы не можем допустить, чтобы Элизабетта носила украшения лучше, чем ты.

— Конечно, нет. — Миссис Пизано улыбается. — Спасибо, Рокко.

Я иду к машине, открываю заднюю дверь и жду. Миссис Пизано подходит и смотрит на сиденье. Сиденье моей машины с шинами, сделанными на заказ, гораздо выше, чем в обычном автомобиле. Если я намерен убить ее, это не значит, что я должен быть придурком.

Как ни странно, моя ненависть к Равенне Пизано не носит личного характера. Она не имеет никакого отношения к смерти моей жены, но олицетворяет собой все, что украл у меня ее муж. Говорят, что время лечит все раны, но в моем случае все произошло наоборот. С каждым днем мой гнев и жажда возмездия становились только сильнее. Месть Рокко Пизано стала целью моей жизни, единственным смыслом существования, той движущей силой, которая заставляла меня дышать в надежде пролить его кровь. Раньше я мог

открывать мне дверь. На этот раз он не подает мне руку. И следует в нескольких шагах позади, пока я направляюсь к лифту. Оказавшись внутри, нажимаю кнопку третьего этажа на панели управления и, прислонившись спиной к стене, не свожу глаз с цифр. Входит Алессандро, и его огромное тело загораживает мне обзор. Кабина лифта не очень маленькая, но с ним она кажется еще меньше. Когда дверь закрывается, я сглатываю, прижимая к груди сумочку.

— Не мог бы ты немного отойти? — бормочу я, ненавидя себя за то, что вынуждена просить. Муж избивает не только мое тело.

Алессандро делает полшага в сторону. Я вижу правую сторону двери, но недостаточно. Стена лифта приближается ко мне, почти раздавливая меня. Мне нужно видеть дверь беспрепятственно. Мой взгляд снова скользит по цифрам. Остался еще один этаж. Мгновением позже раздается звонок, возвещающий о том, что мы добрались до места назначения. Глубоко вздохни и жди, когда откроется дверь. Но ничего не происходит. На панели имеется кнопка, открывающая дверь, и я нажимаю ее дважды. Снова звучит «дзинь», но дверь остается закрытой. С моих губ срывается приглушенный звук. Нет, нет, нет, — я снова давлю на кнопку.

— Хватит. — Алессандро обхватывают мое запястье и убирает руку с панели управления.

— Я хочу выбраться, — шепчу я.

— Ты выйдешь. — Он нажимает на аварийную кнопку. Это не пришло мне в голову.

Снова «дзинь». И еще раз. Дверь остается закрытой. Я поднимаю глаза на своего телохранителя, уже готовая приказать ему открыть дверь силой, но вдруг в лифте гаснет свет. Слова застывают на губах. Мобильный телефон лежит в сумочке, но не могу заставить себя достать его и включить фонарик. Я просто часто и неглубоко дышу. Ладонь Алессандро по-прежнему лежит на моем запястье, и я крепко прижимаюсь к нему.

Через некоторое время раздается странный щелкающий звук, и передо мной вспыхивает оранжевый огонек. Я смотрю на пламя от зажигалки «Зиппо» в руке Алессандро. Оно слегка мерцает в такт нашему дыханию. Я медленно поднимаю глаза, и наши взгляды встречаются. В отражении света кажется, что его глаза тоже горят.

— Давай считать, — раздается его глубокий голос.

— Что?

— Только нечетные числа. В обратном порядке, начиная с семидесяти одного.

Я моргаю в замешательстве.

— Шестьдесят девять, — произносит он. — Ты следующая.

Я делаю глубокий вдох.

— Шестьдесят семь.

Алессандро кивает и отпускает мое запястье.

— Шестьдесят пять.

Нет! Я хватаю его за рукав пиджака, не сводя с него глаз, и скольжу вниз, пока снова не чувствую его ладонь. Кожа на ладони шершавая, как будто он много лет занимался физическим трудом.

Я цепляюсь мизинцем за его.

— Шестьдесят три.

Он щурится на меня. Спросит ли он, почему я так волнуюсь? Засмеется ли? Или отпустит мою руку? Мое дыхание учащается.

— Пятьдесят девять, — его голос заполняет пространство вокруг нас.

— Пятьдесят... — Я качаю головой. — Ты пропустили шестьдесят один.

— Нет.

— Да. У меня было шестьдесят три.

— Нет, не было.

Пламя снова мерцает, его движение меняет игру света и тени на лице Алессандро. Его челюсть сжимается, в глазах снова появляется гнев. Этот человек ненавидит меня. Еще более непонятно то, что он все еще держит мой палец, явно пытаясь успокоить мою панику, отвлекая меня. Ведь я не сомневаюсь, что он намеренно пропустил этот номер.

Раздается едва слышный щелчок, и вдруг ярко загорается верхний свет. Раздается булькающий звук, двери лифта открываются, и с другой стороны появляется человек в форме обслуживающего персонала. Он сказал что-то о неисправности электросети и извинился за то, что пришлось выключить свет, но я продолжала смотреть на телохранителя. Он так и держал зажигалку у меня под носом.

— Ты специально не сказал шестьдесят один, — настаиваю я.

Алессандро наклоняет голову в сторону.

— Миссис Пизано, зачем мне это делать?

Я улавливаю слабый намек на враждебность в его голосе. Он закрывает зажигалку и выходит из лифта, держа меня за руку.

О человеке можно многое узнать, просто наблюдая за ним. Госпожа Пизано уже почти два часа осматривает полки различных бутиков. Каждый раз, заходя в магазин, она проходит между полками, берет один-два товара и переходит к следующему. Она не примеряет вещи и даже не глядит на то, что выбирает. Затем, перед самым выходом на кассу, она идет к секции элитной одежды.

Вся одежда в этих магазинах дорогая, но одежда в отделе элитной одежды — это уже другой уровень безумия. В первом же магазине она покупает пару сапог, которые стоят шесть тысяч. В следующем магазине она приобрела уродливую сумочку в два раза дороже.

Теперь она стоит возле вешалки и рассматривает этикетки. На других товарах они ее не интересовали, но на дорогих вещах она проверяет каждый ценник.

Затем снимает длинное пальто с отделкой из искусственного меха на воротнике, проверяет этикетку с ценой и идет к кассе. Даже не примеряет его, но издалека мне кажется, что оно, по крайней мере, на два размера больше. Я обращаю внимание на ее ноги. Если подумать, то и сапоги, которые она купила раньше, тоже кажутся ей великоватыми.

Миссис Пизано кладет стопку одежды на прилавок рядом с кассовым аппаратом и смотрит на меня. Я достаю кредитную карту, которую мне вчера дал Рокко. Когда протягиваю ей пластик, наши пальцы соприкасаются, и чувствую, как словно раскаленное железо пронзает мою кожу. Как тогда, когда она зацепилась за мой мизинец в лифте. Мне это не нравится, но в то же время не могу заставить себя отпустить ее руку. Миссис Пизано

поднимает голову, но я не вижу ее глаз. Эти ужасные солнцезащитные очки по-прежнему скрывают большую часть ее лица.

Пока продавщица оформляет покупки, я отпускаю карточку и забираю пакеты, но ощущение кожи миссис Пизано все еще остается на кончиках моих пальцев, вызывая покалывание.

Когда мы выходили из бутика, госпожа шла на несколько шагов впереди меня, направляясь в ювелирный магазин на другой стороне торгового центра. Она оставила свое пальто в моей машине, и я мог видеть ее идеально круглую попку. Я никогда не мог понять, почему некоторые мужчины восхищаются женскими бедрами, но когда увидел, как ее бедра двигаются под мягкой тканью коричневых брюк, мне захотелось положить ладонь на ее попку, чтобы проверить, такая ли она упругая, как кажется. С отвращением подумав об этом, быстро отвожу взгляд и сосредотачиваюсь на ее затылке.

Миссис Пизано очень царственно шла, глядя прямо перед собой, ее четырехдюймовые каблуки отчетливо стучали по кафельному полу. Все мужчины, мимо которых она проходила, независимо от возраста, смотрели на нее широко раскрытыми глазами. Даже те, у кого есть подруги или жены. Их как будто тянуло к ней.

И, наверное, я один из них. Мне следовало бы обратить внимание на окружающую обстановку, но не могу оторвать от нее глаз. Равенна Пизано, кажется, не обращает внимания на производимый эффект. Она величественна и спокойна и продолжает идти с гордо поднятой головой.

Это совсем не похоже на ее прежнее поведение в лифте. Сначала подумал, что она испугалась моей близости в замкнутом пространстве. Большинство женщин пугает мой размер. Но потом она схватила меня за руку и вцепилась в нее ногтями, как будто спасая свою жизнь. Тогда я понял, что она боится замкнутого пространства. Мне следовало воспользоваться этим страхом.

Но я не мог заставить себя сделать это.

Когда госпожа Пизано приближается к входу в ювелирный магазин, оттуда выходит мужчина и останавливается на пороге. Его губы изгибаются вверх, и он окидывает ее ясным взглядом.

— Ну здравствуй. — Он ухмыляется и встает у двери, преграждая ей путь.

Это хипстер в дорогом костюме, слишком коротких брюках, с аккуратно подстриженной козлиной бородкой и нелепо уложенными назад светлыми волосами. Я ставлю пакеты с покупками на пол и делаю шаг вперед. Обхватываю госпожу за талию и отталкиваю в сторону. Она издает удивленный возглас, который быстро переходит в приглушенный крик, когда я хватаю за грудки этого денди.

Мужчина в шоке хлопает глазами, когда оттаскиваю его с дороги и киваю в сторону эскалатора слева.

— Проваливай.

Я отпускаю его и провожаю взглядом, пока он спешит прочь, затем собираю сумки с покупками и протягиваю руку в разрешающем жесте. Равенна Пизано смотрит на меня, затем быстро отводит взгляд и входит в магазин.

Разве можно хотеть убить человека и в то же время чувствовать желание его защитить?

* * *

Мы уже почти добрались до следующего пункта назначения — дома матери госпожи Пизано, когда чувствую легкое прикосновение к своему плечу.

— Ты не мог бы здесь остановиться? Мне нужно кое-что купить в аптеке.

Я торможу, обхожу машину и открываю заднюю дверь. Тротуар в ужасном состоянии, под машиной лужа, у бордюрного слива полузамерзшая грязь. Когда моя подопечная начинает выходить из машины, я гляжу на ее блестящие белые каблуки. Не раздумывая, обхватываю ее за талию и переставляю на сухую землю. Как только ее ноги касаются земли, отпускаю ее и закрываю дверь машины.

Какого черта я это сделал? Какое мне дело, намочит она свои модные туфли или нет? Я направляюсь к аптеке. Каблуки миссис Пизано цокают по асфальту, когда она пытается идти в ногу со мной, но я сохраняю ровный темп, злясь на себя, как черт.

Я придерживаю для нее дверь аптеки, следя за тем, чтобы мой взгляд был направлен прямо вперед и поверх ее лица.

Когда она проходит мимо меня, становлюсь у двери и сжимаю руки за спиной. Я больше не буду смотреть на эту женщину, если в этом нет крайней необходимости. Завязывать какие-либо отношения с человеком, которого собираешься ликвидировать, не стоит.

Моя решимость ослабевает едва ли не через минуту, когда слышу ее голос. Она говорит ровным, непринужденным тоном, но в нем слышны нотки беспокойства. Я поворачиваю голову в сторону и вижу, что она стоит у прилавка и разговаривает с работником аптеки.

— Я бы предпочла, чтобы меня обслужила Мелания. Пожалуйста.

— Мэм. Я уже сказал вам. Она ушла в подсобку, чтобы принять частный звонок, — снисходительным тоном говорит мужчина по другую сторону прилавка. — Если это просто рецепт, я вполне могу его вам выписать.

— Я... я зайду позже. Спасибо, — произносит миссис Пизано и поворачивается, чтобы уйти.

— Рави? — Выходит девушка лет двадцати пяти и обращается к своему коллеге: — Я займусь, Чарльз. Иди, прервись на обеденный перерыв.

Когда парень исчезает из виду, миссис Пизано кладет на прилавок листок.

— Как дела, Мелания?

Девушка берет рецепт, но вместо того, чтобы проверить, что на нем написано, бросает взгляд в мою сторону, а затем быстро отводит глаза.

— Я в порядке. — Она улыбается, но улыбка кажется искусственной. — А как у вас дела? Дома все в порядке?

— Конечно, — отвечает миссис Пизано.

Девушка кивает, тянется к ящику под кассой, затем кладет на прилавок белый бумажный пакет. Она даже не взглянула на листок с рецептом.

Миссис Пизано берет пакет, но вместо того, чтобы попрощаться, остается на месте. От нее исходит нервная энергия, которую так же излучает аптекарша по другую сторону прилавка. Момент короткий, едва ли несколько секунд, но создается впечатление, что они обмениваются словами. И я сомневаюсь, что это как-то связано с оплатой.

— Спасибо.

Когда миссис Пизано наконец произносит эти слова, в них звучит необычная интонация. Это не похоже на простую вежливость.

— В любое время, Рави, — шепчет аптекарша и кладет свою руку на руку госпожи Пизано. Ее глаза снова устремляются на меня, после чего она быстро убирает с прилавка листок с рецептом и засовывает его в карман халата.

Моя подопечная проходит мимо меня к выходу, и я не могу не задаться вопросом, что она только что получила в этом пакете. Потому что готов поспорить, что это точно не то, что написано в рецепте.

* * *

Не знаю, чего я ожидал, когда припарковал машину у дома, где живет мама миссис Пизано, но точно не дом, готовый развалиться в любую минуту. Лифт не работал, и мы поднялись на четыре лестничных пролета и направились по узкому коридору с потрескавшейся и облупившейся краской и обшарпанным линолеумным полом. Некоторые лампочки перегорели или вовсе отсутствуют в светильниках, и тусклый свет только подчеркивает заброшенность обстановки. В воздухе висит зловоние мочи и запаха тела, что тоже вряд ли можно назвать привлекательным.

Миссис Пизано останавливается у последней двери и протягивает руку, чтобы взять пакеты, которые я держу в руках. Она настояла на том, чтобы занести все двадцать штук в дом, сказав, что хочет показать матери новую одежду, которую купила.

Я оглядываю помещение и чувствую отвращение. Вместо того чтобы тратить тридцать тысяч на одежду, которая, похоже, ее совершенно не волновала, миссис Пизано могла бы использовать эти деньги, чтобы перевезти свою мать из этого ветхого дома и оплатить аренду нового жилья в течение года. Неужели она настолько эгоистична? Да что с ней не так? Почему позволяет своей маме жить здесь, да еще и хвастается шмотками, которые купила? Я бы хотел посмотреть ей в глаза и узнать, о чем она сейчас думает, но она все еще в своих солнечных очках. Она даже не удосужилась снять их в этом темном коридоре.

— Ты можешь остаться здесь, — говорит она, подтягивая к себе пакеты. — Я ненадолго. Я крепко держу пакеты и стучу в дверь.

Дверь открывает женщина, очень похожая на миссис Пизано, только старше. Черные волосы с проседью, такие же зеленые глаза и такой же маленький нос. В ее глазах появляется блеск, когда она смотрит на дочь, но как только женщина замечает меня, блеск исчезает.

— Мама. Это Алессандро, — говорит миссис Пизано. — Можно нам войти?

Женщина кивает и отходит в сторону. Зайдя внутрь, я позволяю госпоже Пизано взять покупки и встаю у стены рядом с дверью, глядя в окно на другой стороне комнаты. Внутри квартира хоть и опрятная, но ненамного лучше самого здания.

Мать и дочь садятся на потрепанный диван и начинают разбирать купленную одежду. Через некоторое время мать смотрит на меня.

— Вот это красивое, Рави, — произносит она, но ее тон, похоже, не соответствует настроению. — О, и посмотри на эту юбку, ты будешь выглядеть в ней потрясающе.

Миссис Пизано не говорит ни слова, просто продолжает вынимать одежду. Вообще, вся эта сцена выглядит как-то не так. Скорее постановочно, как будто они играют для меня. Я поворачиваю голову в сторону, чтобы лучше видеть их, но притворяюсь, что все еще разглядываю что-то за окном. Стараюсь, чтобы выражение моего лица было безразличным, даже скучающим, чтобы они перестали обращать на меня внимание.

Миссис Пизано достает самый большой пакет — тот, в котором лежит шуба, — и быстро задвигает его за диван, подальше от глаз. Затем достает несколько блузок и передает их матери, но когда доходит до дорогой сумочки, та тоже оказывается за диваном. Когда они заканчивают рассматривать покупки, госпожа укладывает все обратно в сумки. А вот сапог нигде не видно.

— Как дела? — небрежно спрашивает мать, беря с журнального столика сложенный листок бумаги и наклоняясь к дочери, чтобы поправить воротник ее блузки. Сложенная бумажка за долю секунды переходит из рук в руки.

— Я в порядке, мама. — Миссис Пизано улыбается. — Как работа?

— Как обычно. Завтра буду убирать дом миссис Нателло, а в пятницу — снова.

— Тогда я загляну к тебе до пятницы.

Миссис Пизано поправляет солнцезащитные очки, которые до сих пор не сняла, и оглядывается через плечо.

— Где Витто?

— Ты же знаешь своего брата. Он остался у Уго прошлой ночью. — Пожилая женщина пожимает плечами.

— Они все еще вместе?

— Да. По крайней мере, он перестал играть в карты после... ну, ты понимаешь.

— Хорошо. Тебе нужна помощь с чем-нибудь?

— Я справляюсь, Рави.

— А как твоя спина? Все еще болит?

— Все хорошо, но, кажется, я защемила нерв сегодня утром, когда пыталась помыть окна.

— Ну и дела, мама. — Миссис Пизано качает головой, встает и уходит в маленькую кухню справа от меня.

Она достает из ящика старую тряпку и берет из-под раковины бутылку с пульверизатором, после чего кладет их на стойку рядом. Затем закатывает рукава своей шелковой блузки и садится на старый шаткий стул, который отодвинула от маленького кухонного стола, придвинутого к одной из стен. Пока я наблюдаю, Равенна Пизано, жена капо «Коза Ностры», берет в руки моющие средства и начинает мыть окна своей матери. Я ошеломленно смотрю на нее почти час, пока она не заканчивает чистить стекла, затем протирает все кухонные столы и шкафы и наконец моет пол.

* * *

Вернувшись вечером домой, я целый час изучаю чертеж гаража Пизано, который прислал мне Феликс. Похоже, что в свое время это было небольшое служебное помещение, которое впоследствии расширили и переоборудовали под гараж. В нем установлена сигнализация, но ничего сложного, чтобы представлять проблему. Электрический щит расположен внутри у боковой двери, что делает провода, идущие к нему, легкодоступными. Идеально.

Взяв со стола чертеж, прохожу в свою спальню и прикрепляю бумагу к стене рядом с распечаткой банковского счета Рокко. Затем отступаю назад и долго смотрю на открывшееся передо мной зрелище. Вся поверхность стены покрыта мозаикой из бумаг, фотографий и заметок.

Я знаю каждую деталь, прикрепленную к этой стене. За годы работы собрал бесчисленное количество информации — часть с помощью Феликса, часть добыл подкупом или силой. Многие из них были тупиковыми или ложными, но я все равно хранил их. Не люблю долго задерживаться на одном месте — вдруг Крюгер еще ищет меня, поэтому за последние восемь лет я часто переезжал, чтобы быть уверенным, что он не возьмет мой след.

Каждый раз я снимал вещи со стены моей мести и скрупулезно переставлял их в точно таком же порядке на новое место. Каждое действие в этом процессе вновь открывало рану в

моей груди, но эта боль приятна. Ритуал помогает мне сохранять концентрацию.

Первым предметом, который всегда размещаю в центре стены, является фотография Натали. На ней она в оранжевом платье в белый горошек. Я считал его ужасным.

Но из-за яркого цвета все ее лицо засветилось, когда она его увидела, и в итоге мы купили это платье. Прикрепить ее улыбающееся лицо к моей доске мести — это всегда самое трудное. С каждым переездом меня словно кувалдой бьет в грудь, напоминая о том, что у меня отняли. Каждый. Раз.

После этого добавляю заключение врача, в котором подробно описано, что они пытались сделать, чтобы сохранить ей жизнь в больнице, и полицейский протокол о дорожно-транспортном происшествии, которое было квалифицировано как наезд на пешехода. Далее идут скупые показания свидетелей, утверждающих, что они ничего не видели, даже цвет машины. Феликсу потребовалось несколько месяцев, чтобы получить их для меня, потому что кто-то по ошибке забыл внести информацию в систему, и ему пришлось заплатить клерку, чтобы найти бумажные заявления двух человек, присутствовавших при столкновении. Когда я наконец получил возможность поговорить с этими двумя свидетелями напрямую, оба признались, что видели красный спортивный автомобиль, но не смогли вспомнить его марку или модель.

Мне потребовался почти год, чтобы найти механика, который работал над разбитой красной спортивной машиной в то время, когда погибла Натали. Оказалось, что он держал кузовной цех в Джерси, но ему щедро заплатили за ремонт разбитой передней части и лобового стекла «Ауди Р8» в его частном гараже. Сначала он не хотел делиться информацией, но передумал, когда я сломал ему ноги. После этого мы довольно продуктивно пообщались. Я уехал от него с парой важных деталей.

Мужчина, приехавший с разбитой машиной, был лет двадцати, явно в состоянии алкогольного опьянения и выглядел несколько потрясенным. Через час появился мужчина постарше, и они заспорили по-итальянски. Механик не говорил по-итальянски, но запомнил, что пожилой мужчина несколько раз произнес «famiglia», которое он узнал, будучи большим поклонником сериала «Сопрано». Тогда старик приставил пистолет к виску механика и велел ему чинить машину и держать язык за зубами. Хотя этот говнюк не смог назвать имена мужчин, мне этого хватило. Парень, виновный в смерти моей жены, был членом итальянской мафии.

Мой отец был итальянцем, поэтому я думал, что попасть в «Коза Ностру» получится легко, особенно для человека с моими навыками и той биографией, которую Феликс для меня подготовил. Я ошибался. Состав организации сменился менее чем за год, и новый дон очень строго следил за тем, кто допускается в организацию. Мне потребовалось девять месяцев, чтобы попасть внутрь. Прошло еще четыре года, прежде чем я вошел во внутренний круг и получил возможность копать глубже. Впрочем, время не имело значения. Я был полон решимости найти человека, виновного в смерти моей жены, сколько бы времени это ни заняло.

Я знал, что мне нужен кто-то из высших чинов, у простого солдата не было бы ни денег, ни влияния, чтобы скрыть смерть Натали. Прошли годы, а я так и не смог узнать, кто это был. Но я оставался. И слушал. Когда вы мало говорите, люди забывают о вашем присутствии или считают, что вам неинтересны их разговоры. Я не говорю много. И никогда не говорил. Но я все слышу.

Месяц назад я играл в покер с несколькими бойцами — в основном лейтенантами,

работавшими под началом нескольких разных капо. Я всегда стараюсь проигрывать чаще, чем выигрывать. Людям это нравится. Они возбуждаются. А когда они возбуждены, то разговаривают. Кармело выиграл последнюю партию в тот вечер и проболтался о том, как в пьяном виде врезался в витрину магазина, пытаюсь припарковать машину, за пару ночей до этого.

— Я, наверное, попрошу Элио все уладить, как он устроил с Рокко, когда тот сбил женщину на пешеходном переходе. Боже, помнишь? Рокко тогда тоже был в стельку пьян, — сказал он.

Я до сих пор не знаю, как мне удалось удержаться в кресле, а не выскочить на улицу, чтобы расправиться с обоими этими ублюдками. Но заставил себя просидеть там весь вечер, притворяясь спокойным и незаинтересованным, в то время как внутри меня кипела ярость. Когда вернулся домой, то добавил на стену еще несколько фотографий.

Рокко Пизано — убийца моей жены. Я прикрепил его фотографию над фотографией Натали и нарисовал красный крестик на его лице.

Элио Пизано — отец Рокко, который помог ему скрыть преступление. Еще один крестик.

Но этих двух недостаточно. Мне нужно, чтобы они мучались.

Око за око.

Поэтому я добавил третью фотографию.

Равенна Пизано. Жена Рокко.

Моя месть.

Я больше не мечтаю. Теперь у меня осталась только решимость выбраться из этого кошмара.

В первые дни после свадьбы я думала о том, чтобы рассказать кому-нибудь о случившемся и попытаться найти способ получить помощь. Но Рокко отобрал у меня телефон и запретил разговаривать с кем-либо, кроме домработницы и горничных. Единственные, с кем мне разрешалось видеться, — это мама и брат, но встречи проходили под надзором. Рокко настаивал, чтобы я ходила на маникюр или за покупками, так как люди могли счесть подозрительным, что я не выхожу из дома. Так они бы ничего не заподозрили бы. Когда бы ни выходила из дома, меня всегда сопровождал Рокко или его телохранитель. Я не могла ни с кем пообщаться, так как находилась под постоянным наблюдением — связана по рукам и ногам. Максимум, что могла сделать — это обмениваться секретными записками с мамой и то незаметно для охранников.

Рокко любил таскать меня на ужины и вечеринки с другими членами «Коза Ностры», где всегда было много народу. Я надеялась, что кто-нибудь поймет, что происходит, но этого не случилось. На людях Рокко был очень осторожен, не поднимал на меня руку в присутствии посторонних и при свидетелях никогда меня не обижал. Но уверена, что кто-то это заметил, как, например, охранник у ворот три недели назад, когда у меня на лице был большой синяк. Он подошел к машине Рокко и спросил что-то о смене. Но увидев меня, быстро отвел взгляд.

Месяц спустя я решила, что нужно выбросить из головы все надежды и спастись самой. У меня не было рыцаря в сияющих доспехах. За меня никто не заступится.

В одной записке я написала маме попросить мою лучшую подругу детства Меланию купить мне несколько поддельных таблеток виагры. В другой — выяснить, кто мог бы приобрести мою одежду, которую я больше не ношу. Сводная сестра капо Козимо, непростая дама бальзаковского возраста, с которой моя мать проработала не один десяток лет, согласилась. Синьора Нателло была намного выше меня, поэтому мне ничего не оставалось, как купить ту одежду, которую она хотела.

Из открытой балконной двери до меня донесся шум листьев, сминаемых под колесами. Я скомкала мамину записку и положила в карман, намереваясь выбросить позже. В последний раз взглянув в зеркало, сняла пальто со спинки стула и поспешила выйти из комнаты.

Надо успеть сделать работу.

— Отчитайся за вчерашний день, — кричит Рокко, как только вхожу в его кабинет.

— Все по плану, — отвечаю я. — Покупки. Обед. Поездка к ее матери. Возвращение в особняк.

Рокко хмурит брови и склоняется над столом, явно не в восторге от моего рассказа.

— Прошу говорить конкретнее, Дзанетти. Она с кем-нибудь встречалась или разговаривала? О чем она болтала со своей матерью, пока вы были там? Они говорили обо

мне? Я хочу знать все, вплоть до того, что она ела в ресторане.

— Мы посетили пять магазинов, и она купила там кучу одежды и обуви. Она ни с кем не встречалась и ни с кем не разговаривала, кроме работников магазина. В ресторан мы не ходили. Она взяла пирожное в булочной в торговом центре.

— Начинка? — спрашивает он.

Я наклоняю голову.

— Что?

— Какая была начинка, Дзанетти? Равенне не разрешается есть сладкое, если я сам не даю на это добро.

Я сжимаю правую руку в кулак. Этот больной ублюдок контролирует, что ест его жена.

— Это была творожная ватрушка.

— Хорошо. Рассказывай, что произошло у ее матери.

— Они беседовали, — говорю я сквозь зубы.

— О чем?

— Об одежде, которую она купила. А потом мы ушли.

Рокко берет со стола ручку и начинает постукивать ею по ободку стоящего перед ним бокала в медленном, неровном ритме. Этот звук крайне раздражает и ставит под угрозу мой и без того шаткий самоконтроль. Всякий раз, когда он оказывается в поле моего зрения, мне приходится применять все известные мне приемы самоконтроля, чтобы не убить этого ублюдка на месте.

Думает ли он когда-нибудь о женщине, чью жизнь отнял? Моя жена пролежала в луже собственной крови посреди улицы почти полчаса, пока не приехала «скорая». В тот же день в городе, в нескольких кварталах от нас, обрушился верхний этаж автостоянки, в результате чего погибли и получили ранения несколько человек. Движение транспорта было заблокировано на многие километры. Пожарные и полиция оказывали помощь в спасении и эвакуации людей. Медицинский персонал занимался сортировкой и доставкой пострадавших в ближайшие лечебные учреждения. В условиях хаоса машина скорой помощи слишком долго не могла добраться до Натали. Всего одна жизнь в миллионном городе. Одна смерть, которая потрясла мой мир. Конечно, Рокко ни о чем не жалеет. Он, наверное, забыл, что такое вообще бывает.

Но когда придет время, я напому ему об этом. Он вспомнит об убитой им женщине, когда зарезу его жену у него на глазах и покажу ему, как медленно покидает ее жизнь.

Передо мной возник образ Равенны Пизано, лежащей на полу, залитом кровью. Мне всегда нравилось представлять, как я убиваю жену этого ублюдка, выполняю обещание, данное на всю жизнь, и освобождаюсь от груза ответственности. Но сейчас, вместо душевного покоя, во мне поднималось что-то другое.

Отрицание.

В голове мелькает картина окровавленного лица миссис Пизано, и вдруг она превращается в незнакомую женщину.

Я сжимаю кулаки, глубоко впиваюсь ногтями в ладони, концентрируюсь на ручке, которой Рокко все еще постукивает по стеклу, и пытаюсь вернуть образ Равенны Пизано туда, где я его себе представлял. Ничего не получается.

— И больше ничего не произошло, Дзанетти? — спрашивает Рокко. — Ничего необычного?

Я отвожу глаза от ручки, которую он держит, и встречаю его взгляд. То, что его жена

тайно прячет одежду у матери, вероятно, считается необычным. Так же как и то, что ее подруга дала ей неизвестное лекарство из аптеки.

— Нет, — говорю я.

— Хорошо. — Он бросает ручку обратно на стол и включает ноутбук. — Равенна, наверное, ждет тебя у входной двери. У нее запланировано еженедельное посещение спа-салона.

Ну конечно. Похоже, единственное, что интересует миссис Пизано, — это шопинг и косметические процедуры. В памяти всплывает вчерашний эпизод, когда наблюдал, как она моет кухню матери, чтобы пожилая женщина не повредила себе спину. Ничего не сходится.

Кивнув, я выхожу из кабинета.

Как и говорил ее муж, Равенна Пизано стоит у входной двери, перекинув пальто через руку. Я протягиваю руку, чтобы взять у нее пальто, но она быстро делает шаг назад.

— Пожалуйста, не надо, — говорит она.

— Почему? — спрашиваю я.

— Просто... не надо. — Она надевает пальто, открывает дверь и выходит на улицу.

Я следую за ней, пока она спешит вниз по каменным ступеням и останавливается на последней, запрокинув голову к небу. Над головой нет ничего, что могло бы привлечь ее внимание, только серые облака. Она стоит так почти минуту, глубоко дыша и глядя в пустоту, а затем направляется к машине.

* * *

Расположенный на втором этаже современного здания, этот оздоровительный центр обещает посетителям рай и роскошь. Это если верить вывеске в вестибюле. Когда госпожа Пизано подходит к стойке администратора, стук ее каблуков эхом отражается от мраморного пола, дополняя успокаивающие звуки природы, доносящиеся из динамиков.

— Миссис Пизано, — улыбается девушка, сидящая за стойкой. — Рада снова видеть вас. Хейзел ждет вас.

— Спасибо, — кивает миссис Пизано и поворачивается ко мне. — Пожалуйста, подожди здесь. Мужчинам сюда вход воспрещен.

Я поднимаю бровь.

— Алессандро, это женский спа-салон. Некоторые женщины обнажены. Пожалуйста, подожди здесь. Я никуда не уйду.

Она выпаливает это на одном дыхании и говорит чуть более высоким голосом, чем обычно. Она нервничает и пытается это скрыть. С чего бы ей нервничать из-за посещения спа-салона? Я сосредотачиваюсь на ее лице и киваю.

— Это займет у меня всего четыре часа. Обертывание всего тела, чистка лица, а потом массаж. Это долгая процедура. — Она указывает на дверь слева. — До встречи.

Я провожаю миссис Пизано и сажусь на белый кожаный стул у стены, чтобы подождать. Элегантно одетые женщины входят и выходят, шествуя под двумя огромными хрустальными люстрами, свисающими с высокого потолка и освещающими шикарный бело-золотой интерьер. Сладкий запах незнакомых цветов и кокосов щекочет ноздри. Аромат такой, как будто где-то неподалеку добавили тонну соли для ванн.

Вглядываясь в затейливое пространство, я замечаю на журнальном столике брошюру и обращаю внимание на роскошный ценник услуг. Это место можно сравнить с картинной галереей или небольшим музеем. Не удивлюсь, если цены будут исчисляться пятизначными цифрами.

Отвернувшись от скульптур из белого мрамора в приемной, я смотрю на дверь, через которую вошла госпожа Пизано. Судя по всему, она была такой же, как и остальные шесть дверей, ведущих из приемной. В ней нет ничего особенного, кроме того, что за последний час через эту дверь не вошел ни один гость. Я бросаю взгляд на часы, выпрямляюсь и иду к выходу.

Здание оздоровительного центра находится между двумя зданиями поменьше. Слева — офисные помещения, в окнах от пола до потолка видны кабинки со столами и компьютерной техникой. Здание справа, напротив, похоже на жилой дом, окна и балконы которого выходят на территорию центра. Из этого окна должна быть видна комната, в которую вошла госпожа Пизано.

По обе стороны от коридора на втором этаже здания расположены пять жилых помещений. Я останавливаюсь у третьего слева и звоню в звонок; дверь открывает мужчина лет тридцати, видит в моей руке пистолет и сразу же отступает назад.

— Мне нужно посмотреть с вашего балкона, — говорю я.

Лицо мужчины теряет цвет, и он быстро отходит в сторону. Он не произносит ни слова, пока я иду через гостиную, открываю раздвижную дверь и выхожу наружу.

Большинство окон оздоровительного центра закрыты матовым стеклом, скрывающим все, что происходит внутри. Однако в зоне моей прямой видимости два окна не закрыты. Они явно не относятся к процедурным кабинетам или другим помещениям спа-центра, так как я вижу офисные помещения с несколькими рабочими столами внутри. За одним из них сидит Равенна Пизано, энергично набирая что-то на клавиатуре.

Рядом с ней другая женщина, в руках у нее толстая синяя папка и ручка. Стол расположен напротив окна, поэтому я вижу освещенный монитор, но нахожусь слишком далеко, чтобы понять, над чем они работают. Пару мгновений наблюдаю за ними, затем покидаю квартиру и перепуганного жильца и возвращаюсь в спа-салон, чтобы подождать, пока моя подопечная закончит «косметические процедуры».

* * *

Вечером, отвезя Равенну Пизано домой, я возвращаюсь в оздоровительный центр. Все это время мои мысли заняты тем, что произошло днем. Когда миссис Пизано вышла, она лишь поблагодарила меня за ожидание. Дорога до особняка прошла в молчании. Я пару раз бросил на нее взгляд через зеркало заднего вида, и она показалась мне слишком нервной для женщины, которая якобы полдня провела в спа-салоне. По приезду к дому напряжение не покинуло ее. Миссис Пизано миновала меня, когда я придержал для нее дверь, и вошла в дом, ни разу на меня не взглянув.

Я отбрасываю все мысли и сосредотачиваюсь на задаче. С обратной стороны здания есть пожарная лестница, по ней я поднимаюсь на второй этаж. После беглой разведки взламываю замок на двери запасного выхода и отключаю систему безопасности. У меня не было времени получить поэтажный план здания, но найти нужный мне офис не составляет труда. Синяя папка, которую заметил ранее в руках женщины, сидевшей с Равенной Пизано, по-прежнему лежит на столе. Я открываю ее и листаю распечатки.

Заказы на поставку. Счет за аренду помещения. Квитанция из химчистки. Еще выписки на товары, необходимые спа-центру.

Положив папку на место, включаю компьютер. Монитор загорается, на нем появляется экран входа в систему. Над пустым полем для ввода пароля написано имя пользователя «Хейзел», а рядом — «Бухгалтерия».

Зачем жене капо тайно заниматься бухгалтерией спа-центра?

место без крайней необходимости.

На одном из стульев в беседке есть подушка — небольшая защита от холода. Я поворачиваю стул так, чтобы он смотрел в сторону дома, и сажусь. Через некоторое время слышу шелест замерзших листьев и понимаю, что Алессандро стоит у меня за спиной. Я закрываю глаза, наклоняю голову в сторону заходящего солнца и вдыхаю аромат холодного зимнего воздуха полной грудью.

— У тебя есть прозвище? — спрашиваю я.

Под его ногами снова хрустят листья, на этот раз чуть ближе.

— Да.

У его голоса очень приятный тембр. Напоминает мурлыканье большой дикой кошки. Пантеры, которая охотится. Перед тем как съесть тебя. Я ждала, что он продолжит, но вдалеке, со стороны комплекса, слышен только звук пылесоса.

— Ты можешь сказать мне какое?

— Да.

Я прикрываю ладонью рот, стараясь подавить смех. Алессандро очень любит отвечать одним словом. Или, может быть, ему не нравится разговаривать со мной. Наверное, мне следовало бы оставить его в покое, но мне слишком нравится его голос. Мы оба смотрим в сторону дома, чтобы никто не догадался о нашем разговоре.

— И какое же? — спрашиваю. — Бьюсь об заклад, это что-то короткое.

— Аз.

С моих губ срывается хихиканье. Короче не бывает. Мне больше нравится его полное имя.

— Рокко упоминал, что ты работал на дона до того, как тебя перевели сюда. Тоже в охране?

— Да.

— Дона?

— Его жены.

Я пытаюсь вспомнить, как выглядит жена Сальваторе Аджелло, но не могу. Они оба присутствовали на моей свадьбе, и помню, что люди сплетничали о ней, но в тот день я была слишком рассеяна, чтобы обращать на это внимание.

— Какая она?

Несколько минут молчания, и он отвечает, а я чуть не падаю со стула от его ответа.

— Сумасбродная.

— Не думаю, что разумно вслух называть жену дона сумасбродной, — фыркаю я.

— Может быть.

Я оглядываюсь через плечо. Алессандро прислонился к дереву у беседки, его взгляд прикован ко мне. Внезапно, как будто все остальное исчезло из поля зрения, его жесткие темные глаза захватили меня, и я не могу отвести взгляд. Алессандро отталкивается от дерева и, сделав несколько больших шагов, встает за моим креслом.

— Но ты умеешь хранить секреты. — Указательным пальцем он приподнимает мою голову вверх. — Не так ли, миссис Пизано? — В его глазах снова враждебность, но его прикосновение такое нежное, едва уловимое. Я моргаю и быстро отвожу взгляд. Алессандро убирает палец с моего лица.

Подтянув ноги, я обхватываю руками согнутые колени и устремляю взгляд в оранжевое небо над горизонтом. За спиной раздается звук удаляющихся шагов — Алессандро уходит. Я

не пытаюсь разглядеть, куда он направляется, слишком поглощенная ощущением его мимолетного прикосновения и трепетом, который оно вызвало в моей груди.

Через несколько минут снова слышу его приближение. А может быть, просто чувствую его. Я все еще сосредоточенно смотрю на небо, когда что-то мягкое и пушистое опускается мне на спину. И не могу отвести глаз от одеяла, которое Алессандро накинул мне на плечи, в то время как последние лучи заходящего солнца окрашивают заревом голые ветви деревьев.

Выйдя на лужайку, прохожу на несколько футов левее, чем вчера, направляясь к гаражу. Камера, установленная на фонарном столбе у подъездной дорожки, охватывает более широкий угол, чем предполагалось.

Каждое утро, приезжая в резиденцию Пизано, я совершаю, казалось бы, обычную прогулку по территории. Тем, кто интересуется, может показаться, что я просто прогуливаюсь, ожидая, когда подопечная будет готова. Но ничего случайного в моих намерениях нет.

На карте территории Пизано, которая висит у меня на стене, отмечено расположение всех камер, каждая из которых обведена кружком с указанием приблизительной дальности съемки. Я не полагаюсь на приблизительность, поэтому каждое утро выбираю маршрут, который, как мне кажется, позволит избежать зон, контролируемых камерами. Возвращаясь вечером домой, просматриваю утреннюю съемку, отмечаю, где камеры зафиксировали кадры, и корректирую свой следующий маршрут. После десяти дней разведки я определил большинство участков подъездной дороги и двора, куда камеры не достигают. Еще через неделю-другую у меня будет полный план слепых зон территории.

Дверь на балкон второго этажа открывается, и оттуда выходит Равенна Пизано в длинном белом атласном платье. Я прячусь за дерево и незаметно наблюдаю за ней. Ее темные волосы как обычно убраны в пучок, и даже с такого расстояния видно, что она довольно сильно накрашена. Это резко контрастирует с ее нежным платьем, развевающимся на ветру. Она похожа на одну из мраморных статуй, расставленных по лужайке. Холодная. Неприкасаемая.

Утром мне позвонил ее муж, сообщил о ее расписании на день и спросил, есть ли у меня что рассказать. Я, как и каждое утро, ответил, что ничего необычного за день не произошло. Но то, что Рокко Пизано считает нормальным, таковым не является.

У его жены, похоже, нет ни друзей, ни даже знакомых. Она не встречалась ни с кем, кроме своей матери. Шопинг, спа, обед... Она всегда ходит куда-то одна или с мужем. Вчера я повел ее в парк, и она гуляла три часа, прежде чем вернуться домой.

Не знаю, почему я не могу перестать думать о ней. Как только ее увидел, все мысли только о ней. Нет смысла беспокоиться о жене Рокко Пизано, разве что решать, как ее убить, но эти мысли никак не связаны с ее окровавленным телом. Совсем наоборот.

Я представляю, как погружаю пальцы в ее волосы после того, как распустил этот проклятый пучок. Мои руки на ее молочно-белой коже, исследующие ее грешное тело, когда она стонет подо мной. Я нежно целую ее в шею. От одной мысли о ней я становлюсь твердым.

Логическая часть меня чувствует себя плохо. За последние восемь лет я не прикасался к

женщинам. Меня не интересовал ни секс, ни какое-либо другое физическое удовлетворение. Мстить была моим единственным желанием. Это то, ради чего я жил. Ни о чем другом я не заботился. И вот теперь вожделею свою мишень. Как будто судьба насмехается надо мной.

Равенна Пизано возвращается в дом и закрывает балконную дверь. Почти полчаса я прячусь за деревом, пытаюсь заглушить образ ее обнаженного тела. И мне это не удается.

* * *

— Я только позавтракаю, и мы можем уходить, — говорит миссис Пизано, спускаясь по парадной лестнице, разделяющей дом на два крыла, затем пересекает фойе и идет к коридору, ведущему в восточную часть главного этажа.

Огромная столовая находится в противоположной части дома, и именно там миссис Пизано всегда обедает, даже когда ест одна. На мой взгляд, сидеть в одиночестве за столом, рассчитанным на двенадцать человек, довольно глупо, но, видимо, так уж здесь заведено.

Я иду за ней по коридору на кухню и использую возможность запомнить эту часть дома. Здесь ходят только горничные и экономка, поэтому я сюда не навещался, пока Рокко дома, так как не хотел вызывать подозрений. Но сегодня он ушел рано утром, до моего прихода.

— Эбби, можно мне ветчину и сыр? — доносится до меня голос Равены Пизано из комнаты, расположенной дальше по коридору.

— Простите, миссис Пизано, — отвечает ей чопорный голос экономки, — но босс сказал, что только хлеб и вода.

Я останавливаюсь в шаге от двери на кухню.

— Можно мне молока вместо воды?

Экономка не скрывает своего удовлетворения, отвечая:

— Господин Пизано дал очень четкие указания по поводу блюд, которые я должна для вас приготовить. Мне позвонить ему и спросить о вашей просьбе?

— Нет, конечно, нет. Все в полном порядке, Эбби.

Я стискиваю зубы и вхожу на кухню. Равенна Пизано стоит у стола, держа в одной руке стакан с водой, а в другой — тарелку. На тарелке лежит один кусок хлеба.

— Убирайся, — рявкаю я.

Обе женщины смотрят на меня с удивлением и потрясением в глазах. Я встречаю взгляд экономки.

— Сейчас же, Эбби.

Та растерянно моргает и бросается через кухню к двери. Когда экономка проходит мимо, я хватаю ее за руку.

— И держи рот на замке, если не хочешь, чтобы я закрыл его за тебя. — Затем шепчу ей на ухо: — Навсегда.

Эбби кивает и выбегает из кухни. Я закрываю за ней дверь и поворачиваюсь к миссис Пизано, которая смотрит на меня широко распахнутыми глазами.

Прохожу мимо нее и выдвигаю стул из столика рядом с ней.

— Садись.

Она несколько мгновений смотрит на стул, затем ставит на стол свой бокал и тарелку и садится.

Я подхожу к большому черному холодильнику в углу, открываю его и осматриваю продукты. Достая молоко и сыр, но нигде нет ветчины. Порывшись, нахожу два пакета с нарезанной ветчиной за рядами приправ. Закрыв холодильник, отношу продукты к столу, за которым сидит госпожа Пизано, опустив взгляд на тарелку.

Подавив отвращение к этой ситуации, я ставлю перед ней продукты в том же порядке, в каком она их просила: — ветчину, сыр и наконец молоко, — и, развернувшись, выхожу из кухни.

* * *

Светофор загорается красным. Я останавливаюсь за белым грузовиком и смотрю в зеркало заднего вида. Миссис Пизано сидит, сфокусировав взгляд на своих коленях.

Она не произнесла ни слова с тех пор, как вышла утром из кухни. Я снова отвез миссис Пизано за покупками, потом к ее матери, где она в очередной раз тайком оставила часть купленных вещей. На этот раз джемпер и шаль.

Когда впервые увидел это, то подумал, что одежда могла быть подарком для ее матери. Но когда у меня появилась возможность выяснить, в чем дело, понял, что обе женщины примерно одного роста. Одежда, которую миссис Пизано спрятала за диваном, ей слишком велика. Перед уходом я заметил, что она подсунула под диванные подушки какие-то украшения. Наверное, это было ее украшение, так как в ювелирный магазин она сегодня не заходила.

Светофор загорается зеленым, и я снова перевожу взгляд на дорогу, но утренний эпизод еще свеж в памяти.

— Почему?

Эта мысль преследовала меня уже несколько часов. Почему этот ублюдок контролирует, что ест его жена? И, главное, почему меня это волнует?

— Что?

— Завтрак, — говорю я.

Когда она не отвечает, я смотрю в зеркало заднего вида. Но она глядит в другую сторону. Трудно понять выражение ее лица. Губы плотно сжаты, глаза опухли. Через некоторое время она начинает смеяться.

Это происходит как по волшебству. Свободный, высокий смех, напоминающий пение птиц. Мне нужно следить за дорогой, но я не могу оторвать от нее глаз. Это зрелище настолько завораживает меня, что убираю ногу с педали газа, чтобы избежать столкновения, и смотрю на миссис Пизано.

— Извини... завтрак? — Она фыркает и снова смеется. — Ты что-то имеешь против сложноподчиненных предложений?

Я хочу, чтобы она продолжала смеяться, но не знаю, что делать. Мне кажется, что за все время моего пребывания в семье Пизано я ни разу не видел, чтобы Равенна Пизано смеялась.

— Может быть, — отвечаю я.

Она качает головой и вытирает глаза пальцами.

— Завтрак — одна из фишек Рокко. Мой муж любит подчеркивать, что он единственный кормилец в нашей семье, поэтому, если его нет дома во время приема пищи, я иногда получаю в качестве напоминания хлеб и воду.

Я крепче сжимаю руль.

— Как часто?

— Пару раз в месяц.

Сзади меня раздается гудок. Я ускоряюсь и переключаю внимание на дорожную обстановку. Через минуту смотрю в зеркало заднего вида, и улыбки миссис Пизано там уже нет.

Остаток пути до резиденции мы проезжаем в молчании. Я изо всех сил стараюсь не

На мою семью, которую мне разрешено навещать только под присмотром. На друзей, которые теперь отворачиваются, когда неожиданно встречаю их на улице. Я перестала им звонить, и они думают, что считаю их недостойными. И еще были мечты о поступлении в колледж и поиске хорошей работы, чтобы я могла помогать маме. Я хочу их вернуть.

Но больше всего хочу, чтобы у меня остались надежды выйти замуж по любви. Тяжелым ударом стало понимание того, что у меня, скорее всего, никогда не будет семьи. Не уверена, что Рокко способен иметь детей, но даже если это так, я ни за что не решусь завести ребенка в такой ситуации. Таблетки «Виагра» — не единственные таблетки, которыми снабжала меня Мелания.

Убрав всю обувь и одежду в шкаф, достаю последний пакет и вынимаю черное бархатное платье. Рокко прислал мне ссылку именно на это платье несколько дней назад, велел купить его для предстоящей вечеринки. Как и все остальные платья, которые он заставляет меня носить, оно короткое, обтягивающее и со слишком глубоким декольте. Я вешаю это ужасное платье на вешалку и выхожу на балкон, выходящий во двор. На улице прохладно, но я не возражаю.

Рядом с железной беседкой, расположенной на некотором расстоянии за гаражом, притаилась мужская фигура. Алессандро, похоже, не беспокоит холод: он стоит, не шевелясь, и наблюдает за окружающей обстановкой. Я прислоняюсь плечом к балконному проему и слежу за его взглядом, пытаюсь понять, на что он смотрит. Он находится на окраине достаточно красивого сада, но ничего особо интересного в нем нет. Раскидистые деревья, кусты роз, которые уже засохли, и несколько мраморных скульптур в натуральную величину, которые заказал Рокко. Мой муж считает, что они придают саду более изысканный вид.

Алессандро поднимает голову, смотрит на садовый фонарь в нескольких футах перед собой, затем направо в сторону подъездной дороги, где фонарный столб освещает широкую подъездную дорожку. Через несколько секунд направляется к особняку. С видом глубокой задумчивости он идет прямо, затем меняет траекторию, слегка отклоняясь влево на десяток-другой шагов, и поворачивает обратно к дому. Дойдя до края подъездной дорожки, Алессандро снова меняет направление. Я улыбаюсь уголками губ. Он что, ходит зигзагом?

Дойдя до края газона, он останавливается прямо под моим балконом. Я делаю шаг вперед и перегибаюсь через перила как раз в тот момент, когда он смотрит вверх. Наши взгляды встречаются.

Кованые перила под моими ладонями кажутся горячими по сравнению с холодом в глазах моего телохранителя, наблюдающего за мной.

— Зайди внутрь, — рявкает он.

— Зачем?

Он переводит взгляд с моего лица на шелковую блузку.

— Холодно.

С этими словами он разворачивается и направляется к своей машине, припаркованной на подъездной дорожке.

Опавшие листья и дорожная соль хрустят под колесами, когда он дает задний ход и едет к воротам, исчезая из виду. Наверное, уже шесть, ведь именно в это время заканчивается его смена. Он никогда не уходит ни на минуту раньше, даже когда ему нечего делать.

Может быть, я попрошу его завтра отвезти меня в один из торговых центров в соседнем районе? Я могу сделать вид, что ищу что-то конкретное, и это позволит мне провести с ним

больше времени. Мне нравится чувствовать, что Алессандро рядом, даже если он мало говорит. Я могу притвориться, что снова споткнулась, как несколько дней назад, и надеялась, что он подхватит меня, чтобы удержать. Он так и сделал. И на те несколько секунд, пока его огромные пальцы держали мои, я почувствовала, что никто не может причинить мне вреда.

Лицо отца встает перед глазами, его назидательные слова заполняют глубины моего сознания. «Брак — это на всю жизнь, Равенна. Святость брака — основа нашего общества».

Кажется, я припоминаю что-то о том, что мужья должны любить своих жен и что в браке должно быть уважение и понимание. В нашем доме ничего этого нет. Я ненавижу своего мужа с такой страстью, что с каждым днем это становится все труднее скрывать. Можно ли в таком случае испытывать влечение к другому мужчине, если мой муж — подонок?

Поздней ночью я просыпаюсь вся в поту. Это уже не первый случай. Разница в том, что на этот раз мне снится не кошмар о моем муже. Мне снится он. Мой телохранитель. Пот — не страха, а от непомерного удовольствия, охватившего меня во сне, где он вжимался в меня — снова и снова, — сверля меня своими задумчивыми темными глазами.

Алессандро

Зависть. Недоверие. Коварство. Все это хорошо скрыто за фальшивыми улыбками и шикарными нарядами. Рокко Пизано получает истинное удовольствие от любого цирка и от внимания к нему.

Я отхожу на несколько шагов в угол, откуда лучше видно комнату, и сцепляю руки за спиной, разглядывая людей, снующих по огромному конференц-залу.

Предполагалось, что это будет что-то вроде делового банкета. Пизано не стал уточнять, сказав, что я должен сопровождать его и его жену. Да это и не важно, все мероприятия одинаковы, независимо от их цели. Большинство присутствующих — бизнесмены. Замечаю несколько вооруженных сотрудников охраны, которые, как и я, стоят по периметру зала. Ничего удивительного, таких обычно бывает несколько человек при VIP-персонах. Место публичное и хорошо знакомое с проведением подобных мероприятий, так что, скорее всего, никаких нестандартных ситуаций не возникнет. Но я никогда не оставляю ничего на волю случая. Задолго до того, как меня втянули в секретную правительственную программу, я понял, что все может пойти не по плану, если ожидания занижены. Итак, я еще раз оглядел все четыре точки выхода, оценивая количество времени, необходимое для достижения каждой из них.

Если бы у меня имелся выбор, я бы выбрал ближайший, только чтобы убежать от парня в смокинге, который выступает с речью о колебаниях курсов акций и бросает несколько неубедительных шуток с возвышения на противоположной стороне площадки. Похоже, он единственная смертельная опасность в этом месте, грозящая насмерть утомить гостей своими глупостями и натянутым юмором.

Когда я закончил проверять точки эвакуации, то снова обратил свой взор на пару Пизано. Рокко смеется над дурацкой шуткой, которую только что выдал парень со сцены. Его рука лежит на спине жены. Она тоже смеется. Картина счастливой семейной пары, наслаждающейся праздником.

Если не обращать внимания на мелкие детали.

Например, как Равенна Пизано сжимает в руке бокал. Или как каждые несколько минут незаметно одергивает подол своего платья. Напряжение в ее теле, когда рука Рокко скользит по ее спине.

Я смотрю на пальцы Рокко, сжимающие попку его жены, и мне приходится прикусить губу, чтобы не зарычать. Интерес к женщине, которую я планирую убить, вызывает серьезное беспокойство. Так же как и необъяснимое желание подойти к ним и убрать руку ее мужа.

Во мне вспыхивает гнев. Я не должен злиться на то, что он прикасается к ней. Она его жена. И все же судорожно втягиваю воздух и прищуриваю глаза, когда проносится

непрощенная мысль. Он не вправе прикасаться к ней.

Стиснув зубы, заставляю себя отвести взгляд от костлявых пальцев Рокко, наблюдая за окружающими, но не прошло и минуты, как мой взгляд снова устремляется на Равенну Пизано. На ее лице по-прежнему сияет вежливая улыбка, но в зеленых глазах нет и следа смеха. Совсем наоборот.

В одной из редких миссий, когда меня послали спасти жизнь, а не покончить с ней, мне поручили освободить ребенка, которого удерживали для получения выкупа. Отец мальчика был приятелем Крюгера, крупной шишкой, по уши погрязшей в теневом бизнесе, поэтому официальные каналы спасения оказались закрыты. Я до сих пор помню взгляд мальчика, когда похититель приставил к его голове пистолет. Такой же взгляд вижу сейчас в глазах Равенны Пизано.

Ужас. И отчаяние. Черт! Ее отношения с мужем не должны иметь значения, потому что в конце концов я убью их обоих. Страх в ее глазах не должен меня волновать. Но он беспокоит.

Человек на сцене заканчивает речь, благодарит всех за то, что они здесь. Рокко опускает голову и шепчет жене на ухо, и я вижу, как на ее лице отражается облегчение. Она кивает и отходит от него, направляясь в мою сторону. Платье на ней сегодня облегающее, черное, как и ее волосы, которые снова собраны в пучок. Огромные бриллиантовые серьги и такое же кольцо на шее отражают свет хрустальных люстр, расположенных над головой. Большинство присутствующих женщин носят такие же дорогие украшения, но от моего внимания не ускользнуло, что бриллианты Равенны Пизано самые крупные в зале.

Интересно, как бы она выглядела без макияжа и экстравагантных побрякушек? Секунда раздумий, и перед глазами возникает образ обнаженной Равенны Пизано. В тот же миг я отталкиваю этот образ, но не могу заставить себя отвести взгляд от реальной женщины, идущей мне навстречу.

Она останавливается передо мной, и меня затягивает изумрудный омут ее глаз.

— Ты не мог бы отвезти меня обратно домой?

Выдох, вдох, и ярываю зрительный контакт. Я указываю головой в сторону ближайших дверей и провожаю ее из зала.

Когда мы доходим до гардероба, к нам приближается сотрудник с нашими вещами. Он передает мне мою одежду и поворачивается к госпоже Пизано, протягивая ей ее черное пальто, чтобы она надела его.

Я выхватываю пальто из его рук.

— Отойдите.

Миссис Пизано смотрит на свое пальто, затем бросает вопросительный взгляд на меня.

— Меры предосторожности, — бурчу я.

Она вздергивает идеальную черную бровь, поворачивается и просовывает руки в рукава. Как только Равенна надела пальто, я направляюсь к выходу, совершенно не желая анализировать свое поведение. Этот человек был неизвестным. Он представлял возможную угрозу. Дело закрыто.

Ветер дует мне в лицо, когда мы выходим на улицу и бодро шагаем к парковке. Миссис Пизано идет слева от меня, стараясь поспевать за моими длинными шагами, а ее не застегнутое пальто развеивается от сильного порыва ветра. Моя машина находится менее чем в трехстах метрах от меня. Не так уж и холодно, но я останавливаюсь и обхватываю рукой госпожу за предплечье, поворачивая ее к себе лицом.

— Что случилось? — спрашивает она, оглядываясь по сторонам.

Не обращая внимания на ее вопрос, начинаю застегивать ее пальто. Здесь всего три пуговицы, а ткань слишком тонкая. Дурацкое модное тряпье, ни на что не годное и уж тем более не способное согреть человека. Когда заканчиваю с пуговицами, то поднимаю лацканы пальто, чтобы прикрыть шею госпожи.

— Тоже мера предосторожности? — В ее голосе едва уловимый намек на веселье.

— Да, — бормочу я и продолжаю свой путь к машине.

Я стараюсь не отрывать взгляда от дороги за лобовым стеклом, но все равно каждые несколько секунд смотрю в зеркало заднего вида. Миссис Пизано сидит молча, прижимая к груди пальто. Я включил отопление, как только сел в машину, но, похоже, госпоже все еще холодно. Я крепче сжимаю руль, костяшки пальцев побелели. Мне все равно, говорю я себе и смотрю на дорогу. Меня. Не. Волнует.

Она чихает.

Черт. Я поворачиваю направо и паркуюсь у обочины. Мимо проносятся машины, я выхожу и иду к задней двери, открываю пассажирскую.

— Обувь. Снимай, — приказываю я.

Равенна Пизано удивленно поднимает брови, видимо, думая, что я сошел с ума. Боюсь, что она может быть права. Я беру ее за лодыжку, немного приподнимаю ее ногу, чтобы снять туфли на каблуках. Сначала правую, потом левую.

— Ноги под задницу.

Я жду, пока она устроится поудобнее, затем стаскиваю пиджак и накидываю ей на колени. Ее лицо находится всего в нескольких дюймах от моего, и ощущаю ее дыхание. Тонкий пудровый аромат обволакивает меня, побуждая вдохнуть его полной грудью. Я заправляю края куртки вокруг нее и встречаюсь с ней взглядом.

— В следующий раз, когда мы пойдем по магазинам, — говорю я, глядя на нее, — ты купишь нормальное пальто, или я куплю его для тебя. Понятно?

Она легонько улыбается, и улыбка отражается в глазах.

— Поздравляю.

Я хмурю брови.

— С чем?

— Это было красивое, сложное предложение. Молодец. — Ее улыбка ширится.

Она дразнит меня? Я сужаю глаза, ожидая, что она перестанет улыбаться под моим злобным взглядом.

— Ты пытаешься применить ко мне технику запугивания, Алессандро?

— Да, — рявкаю я.

Она слегка наклоняет голову и касается кончиком своего носа моего. Ее губы так близко, что для того, чтобы почувствовать их вкус, достаточно лишь легкого движения. Черт! Я резко отстраняюсь и захлопываю дверь, торопливо садясь за руль.

Когда мы подъезжаем к особняку, я без слов провожаю миссис Пизано до парадной двери, затем разворачиваюсь и иду обратно к своему внедорожнику. Фонарь над гаражом освещает металлическую дверь отсека, за которой спрятаны драгоценные автомобили Пизано. Я здесь уже две недели и до сих пор не привел свой план в действие. Я мог бы соврать себе, что хочу быть полностью готовым, перед тем как сделать следующий шаг, но прекрасно понимаю, что эта задержка не имеет ничего общего с готовностью.

Все дело в ней. Равенна Пизано и эта чертова привязанность, которую я, похоже, к ней

следующий раз будет еще лучше.

Я лежу, не шевелясь, пока он слезает с меня и идет к двери. Только когда услышала, как закрывается дверь в коридоре, вскакиваю с кровати и бегу в ванную.

Мне требуется двадцать минут, чтобы отмыться себя, пока я снова не чувствую себя в некоторой степени чистой. Рокко не часто принуждает меня к этому, а с тех пор, как я начала заменять его виагру на плацебо, которое давала Мелания, это происходит еще реже. По крайней мере, он оставил новый флакон с таблетками на моей тумбочке. А значит, я могу снова подменить его. Рокко злится, когда у него нет эрекции. Он никогда не становился достаточно твердым, чтобы проникнуть в меня, но я чувствую отвращение от одного только его прикосновения ко мне. Я лучше встречу с его гневом и побоями, чем позволю ему близость со мной.

Я сижу на деревянной скамейке под окном, прижавшись лбом к стеклу. Никак не могу вернуться в постель до того, как сменю простыни, а с этим придется подождать до завтра. Я не могу рисковать, спускаться вниз и снова столкнуться с Рокко сегодня ночью. От мыслей о том, что произошло, меня до сих пор тошнит.

Уже почти четыре утра, но я не могу уснуть. Поплотнее укутавшись в одеяло, закрываю глаза, но через минуту открываю их снова.

Мне нужно найти другой способ получить больше денег. Сумма с одежды, которую мама продает миссис Нателло, — это много, но недостаточно. И нужно быть осторожной, чтобы Рокко ничего не заподозрил. Я стараюсь покупать в каждом магазине множество одежды, но только одну вещь из кучи, чтобы мама ее перепродала. Таким образом, если Рокко попросит показать, что я купила, мне будет что ему показать. Но это слишком медленно.

Вещи, которые я купила в этом месяце, стоили восемнадцать тысяч, но миссис Нателло заплатила только девять, сказав, что не станет тратить больше пятидесяти процентов на подержанные вещи, хотя на них все еще висели ценники. Поэтому я решила отдать маме на продажу несколько своих украшений. Надеюсь, Рокко не заметит. Может, мне удастся уговорить Хейзел разрешить мне два раза в неделю помогать ей с бухгалтерией. Деньги, которые она мне платит, невелики, но каждый пенни на счету.

Пока я безучастно смотрю на лужайку, все еще погруженная в себя, мое внимание привлекает тень, движущаяся за деревом. Охранникам запрещено подходить к дому так близко. Может быть, это животное? Я прижимаясь носом к холодному стеклу, но ничего необычного не вижу. Возможно, мой уставший мозг играет со мной.

Наверное, уже задремала, когда меня напугал громкий взрыв. Я осматриваю территорию и сад за окном, и тут мое внимание привлекает что-то оранжевое на вершине гаража. Раздается очередной взрыв, затем еще несколько. Я вскрикиваю, когда крыша гаража проваливается внутрь. Не в силах пошевелиться, смотрю, как пламя охватывает здание, и его разрушенный каркас поглощается бушующим адом и клубами дыма.

Алессандро

— Мне плевать, что машины были застрахованы! — рычит Рокко в трубку. — Прошло уже три дня. Я хочу, чтобы человека, который занимался электрикой в моем гараже, нашли и разобрались с ним!

Он отключает связь и шлепает телефоном по поверхности стола.

— У меня ушло полгода, чтобы собрать коллекцию машин, — кричит он. — А теперь они все пропали. Из-за какого-то идиота, который не выполнил свою работу должным образом. Как может ни с того ни с сего загореться гребаный электрощиток?

Да. Очень жаль.

— Мне нужно, чтобы ты отвёз Равенну к парикмахеру, — продолжает он. — После этого она навестит свою мать, и у тебя будет несколько свободных часов. Затем возвращайся сюда в одиннадцать. Вооруженный.

— Хорошо. Задача? — спрашиваю я.

— Сегодня ночью будет доставлена партия наркотиков, и нам не хватает нескольких человек. Некоторых ребят, которые должны были работать на этой работе, отвлек Артуро. Он, по сути, сошел с ума и уже несколько недель колесит по городу в поисках своей пропавшей сестры. Мне нужно, чтобы ты его подменил.

Я киваю и поворачиваюсь, чтобы выйти.

— Дзанетти.

Его голос приобретает ту самодовольную и снисходительную нотку, которую он никогда не может скрыть. Я останавливаюсь на месте и поворачиваюсь к нему лицом. Все мои силы уходят на то, чтобы не ударить кулаком по его уродливой роже, стирая с нее это самовлюбленное выражение.

— У тебя есть что сообщить? Какие-нибудь странности в поведении моей жены

— Нет, — отвечаю я, как делаю это каждое утро, когда он вызывает меня на совещание. — Ничего необычного.

* * *

Как обычно, когда сопровождаю миссис Пизано к ее матери, я стою у стены, устремив взгляд за окно. Мать уснула на диване, а моя подопечная ушла из главной комнаты, сказав, что помоеет посуду перед уходом. Я размышляю над ее поступками, когда из маленькой кухни доносится звук бьющегося стекла. Резко поворачиваю голову и вижу миссис Пизано, которая стоит перед раковиной и держит руку под струей воды.

— Рави?

— Я в порядке, мама. Спи. — Она смотрит на свою руку. — Черт.

Я преодолеваю небольшое расстояние между нами и встаю у нее за спиной. Кровь сочится из неприятного пореза в центре ладони.

— Дай мне посмотреть.

— Я в порядке, — бормочет она, пытаюсь схватить кухонное полотенце другой рукой. —

Порезалась о скол на чашке.

— Дай. Я. Посмотрю.

Ее рука нависает над тряпкой. Медленно миссис Пизано поднимает голову, и меня встречают настороженные зеленые глаза. Я выключаю воду и беру ее руку в свою, осматривая порез. Он не глубокий, но довольно длинный, пересекает по диагонали всю поверхность ее ладони.

— Аптечка? — Я беру салфетку из держателя и прижимаю к ее ладони. Ее рука такая чертовски маленькая по сравнению с моей.

— Не знаю, — отвечает она едва слышным голосом и показывает на левую руку. — Может быть, в ящике, где мама хранит лекарства.

В ящике нет аптечки, но я нахожу дезинфицирующий спрей и бинт. Снимаю салфетку и брызгаю на порез. Миссис Пизано шумно вдыхает, но не жалуется, а молча наблюдает за тем, как я обматываю бинтом ее руку.

— Пожалуйста, не говори Рокко.

Я поднимаю глаза и встречаю ее взгляд.

— Почему?

— Просто не надо. Прощу.

Я кладу ладони на прилавок по обе стороны от нее, заключая ее словно в клетку, и наклоняюсь вперед.

— Что происходит с одеждой и другими вещами, которые ты покупаешь, когда оставляешь их своей матери?

Глаза Равенны стали круглыми, как блюдца.

— Ты сказал моему мужу?

— Нет.

Она растерянно моргает.

— А скажешь?

— Нет. — Я наклоняю голову в сторону и изучаю ее. — Ты продаешь эти вещи? Тебе нужны деньги?

В ее глазах вспыхивает смесь неуверенности и трепета. Пульс учащается, дыхание тоже. Это длится лишь мгновение, после чего она берет себя в руки и распрямляет плечи.

— Рокко никогда не устанавливает лимит расходов на моей карте. — Она слегка вздергивает подбородок.

— Я не об этом спрашивал.

— Ну, это единственный ответ, который ты получишь.

Я криво усмехаюсь. Никогда не видел, чтобы она так разговаривала с Рокко. Обычно она ведет себя с ним настороженно. Мои размеры обычно настораживают большинство людей, особенно женщин. Они пугаются, когда я нахожусь рядом, неважно, имеется ли для этого реальная причина или нет. Принимая это задание, я как бы ожидал, что Равенна тоже окажется такой. Но не тут-то было. Похоже, Равенна Пизано гораздо сильнее, чем кажется на первый взгляд.

— Что ты делаешь в спа-салоне? Счета, квитанции... Бухгалтерия с Хейзел?

У Равенны перехватывает дыхание, но губы остаются плотно сжатыми. Очевидно, что она не хочет давать мне объяснений. Я наклоняюсь вперед, пока едва не касаюсь губами ее

— Всего лишь простая сделка по наркотикам. А теперь скройся с глаз моих.

Как только он отпускает меня, я выбегаю из столовой. Рокко всегда было легко вывести из себя, но с тех пор, как он взял на себя часть обязанностей Артуро, то стал еще хуже. Пожар в гараже только разжег его агрессивные наклонности.

Зайдя в спальню, я забираюсь в кровать и укрываюсь одеялом. Как бы мне хотелось убить его. Или иметь деньги, чтобы заплатить кому-нибудь, кто сделает это за меня. Часто, когда лежу ночью без сна, представляю, как пробираюсь в спальню Рокко, пока он спит, и поднимаю пистолет, который хранится там в ящике. Я никогда не стреляла из оружия, поэтому, скорее всего, промажу в стену или в пол. И все же мне становится легче, когда представляю, что пуля попадет ему в грудь. Иногда мечтаю, что сжимаю его шею и душу изо всех сил. О, как бы я наслаждалась, глядя на его выпученные глаза, когда он боролся бы за дыхание. Да, я испытываю очень сильные чувства к своему дорогому мужу.

Громкий звон нарушает тишину в комнате, заставляя меня замереть. Только спустя мгновение понимаю, что это. Я беру телефон с тумбочки и смотрю на уведомление на экране.

Новое сообщение.

Я редко их получаю. Рокко установил на мой телефон программу управления устройством, которая позволяет мне общаться только с людьми из списка контактов. И только у него есть пароль, чтобы добавлять контакты или менять разрешения. В течение нескольких месяцев в моем списке было ровно пять номеров. Номер Рокко. Домработницы. И номера трех начальников охраны — по одному на каждую смену. Его самые доверенные люди. Но три недели назад добавился еще один номер.

Я нажимаю на уведомление, и новая рамка чата заполняет экран. Ну, заполняет — это не совсем точно, поскольку в нем всего одно слово.

19:47 Алессандро Дзанетти: «Рука?»

Я не могу не улыбнуться. Это так на него похоже. Я прикасаюсь кончиком пальца к его сообщению. Это всего лишь одно маленькое слово, но от одного взгляда на него у меня на душе становится тепло. Судя по его взглядам, которые обычно получаю от него, он меня почему-то ненавидит. Но все же, за исключением тех случаев, когда ему кажется, что мне холодно, или я голодна, а теперь еще и когда мне больно. Он достаточно заботлив, чтобы спросить.

Я быстро набираю ответ и нажимаю кнопку «Отправить».

19:52 Равенна: «Отлично».

Я смотрю на экран в течение десяти минут, гадая, придет ли телохранитель еще что-нибудь, но телефон молчит. Наверное, мне следует удалить разговор. Если Рокко увидит его, то придет в ярость. Возможно, муж даже отыграется на Алессандро из-за этого. Я прикусываю нижнюю губу, набираю еще одно сообщение, а затем быстро удаляю весь чат.

Здание заброшенного завода, выбранного в качестве места встречи, еще сохранило

стены и крышу, но внутри холодно, так как большинство окон разбиты.

Рокко, скрестив руки на груди, стоит и смотрит, как два внедорожника въезжают на территорию завода. Пока Артуро не вернется, дон Аджелло распределил обязанности по ведению наркобизнеса между двумя капо — Козимо и Рокко. Оба отвечают за строительство и сделки с недвижимостью дона, но теперь на них ложится еще и основная нагрузка. Судя по недовольному лицу Рокко, он не в восторге от того, что ему приходится марать руки. Есть огромная разница между переговорами по контрактам на покупку недвижимости в элитном ресторане за бутылкой дорогого коньяка и тем, чтобы стоять в полутьме на холодной, разваливающейся фабрике в глуши.

Я достаю из кармана телефон и быстро просматриваю сообщение, которое Равенна прислала мне ранее. За сегодняшний день я делаю это уже в четвертый раз.

20:02 Равенна: «Будь осторожен сегодня вечером».

Шум захлопывающихся дверей машины доносится с той стороны, куда я смотрю, поэтому убираю телефон и оцениваю новоприбывших.

В Нью-Йорке существует несколько преступных организаций и банд. Те, кто не лезет не в свое дело или сотрудничает с «Коза Ностра», процветают. Другие исчезают в кратчайшие сроки. Группа людей, только что вышедшая из машины, относится к той, которой разрешили действовать на этой территории. Пока это разрешение выгодно обеим сторонам.

«Коза Ностра» начала вести дела с сербским синдикатом несколько лет назад, после того как Аджелло занял пост дона. Я не знаю точно масштабов деловых отношений «Коза Ностры» с сербами, но, по моим сведениям, через них проходит около пятидесяти процентов наркотиков Аджелло. Они также управляют клубом, который представляют как развлекательное заведение для элитной клиентуры, но на самом деле это нейтральная площадка, где происходит большинство подпольных сделок.

В этом клубе сербский босс ведет свой основной бизнес — торгует на черном рынке драгоценными камнями, в основном бриллиантами. Настоящий мастер на все руки, как говорил Аджелло, он, вероятно, владеет и другими сферами. Вот уже несколько лет дон безуспешно пытается внедрить кого-нибудь в организацию сербов.

К нам подходит Драго Попов — глава сербской группировки, и по выражению его лица я понимаю, что он не рад видеть Рокко.

Я познакомился с Драго недавно, когда у меня были личные дела. В кожаной куртке и черных джинсах он не похож на типичного высокопоставленного преступника. На самом деле он кажется вполне обычным. Ключевое слово здесь — кажется. Но я узнаю убийцу, когда увижу, и Драго Попов относится к этой категории. Зная Рокко, он наверняка недооценит этого человека, полагая, что у него есть преимущество.

— Где Артуро? — спрашивает Драго на английском с сильным акцентом.

— Артуро недоступен. Я вместо него. — Рокко поднимает подбородок. — Я хочу сначала увидеть деньги.

Сербский лидер приподнимает бровь, затем поворачивается к блондину, стоящему справа от него.

— Ко је овај idiot? (Пер. с серб. — Кто этот идиот?)

— Капо, — отвечает блондин.

Драго хмыкает и направляется обратно к своей машине.

— Поговорим, когда Артуро вернется.

— Эй! — кричит Рокко. — А ну вернись или можешь забыть о любых новых сделках.

Пользуясь случаем, пока Рокко и его люди сосредоточены на уходящей группе сербов, я приближаюсь к новой спортивной машине Рокко. Он купил этот кабриолет на следующий день после того, как я сжег его гараж вместе со всеми его дорогими игрушками. Эту тоже планирую когда-нибудь взорвать, но не сейчас. Может, через неделю или около того.

Перед ним припаркованы еще две машины, закрывая меня от посторонних глаз. Я приседаю рядом с машиной и просовываю под него руку, проверяя устройство, которое установил вчера вечером. Очень сложное устройство, и оно обошлось мне в кругленькую сумму, но оно того стоит.

Изготовление бомб никогда не было моей сильной стороной. На заданиях, где нужно было взрывать всякую дрянь, ездил Сергей Белов. Он мог сделать бомбу, используя только то, что есть на кухне, менее чем за пять минут. Может, у меня и нет навыков для их изготовления, но я, черт возьми, знаю, как их использовать.

Рокко все еще кричит, угрожая Драго, что уничтожит его бизнес. По помещению разносится эхо затворов пистолетов. Черт побери, вот-вот все полетит кувырком. Как раз в тот момент, когда заканчиваю устанавливать бомбу на предохранитель, в воздухе раздается первый выстрел. Светильник взорвался, осыпав меня осколками стекла. Как же ненавижу, когда я прав.

Я включаю приемник, убеждаюсь, что сигнал идет, и достаю пистолет. Пуля попадает в одно из стекол стоящей впереди машины. Несколько наших бойцов укрылись за ней и стреляют по сербским бандитам. Перестрелка в самом разгаре.

Рокко сидит на корточках по другую сторону невысокой бетонной стены, по бокам от него два человека из его охраны. Чуть правее на полу раскинулся еще один охранник. Ему пуля попала в бедро, но он жив.

— По машинам! — кричит Рокко.

Я быстро встаю и целюсь в сторону группы наших противников, прикрывая людей Рокко, пока они садятся в машины. Сменив магазин, смотрю вверх спортивной машины. Двое из сербской группировки целы и невредимы и пытаются помочь раненым забраться во внедорожники. Я убедился, что ни один из моих выстрелов не был смертельным. Время от времени между нашими парнями случаются небольшие потасовки, так уж устроен нелегальный бизнес. Пока никто не погибнет, сделки продолжают.

Рокко встает и стреляет в спину одному из людей Попова. Драго отталкивает раненого на заднее сиденье машины и поворачивается к Рокко, целясь ему в голову. Я стреляю, попадая сербу в плечо. Пистолет падает из его руки на пол.

Когда Драго садится в машину, Рокко в знак благодарности за спасение его жизни кивает мне головой. Этот идиот даже не подозревает, что с того момента, как я узнал, что он убил мою жену, на его жалком существовании был поставлен крест. И я единственный, кто его прикончит.

Равенна

Я ненавижу визиты к отцу Рокко. Не только потому что он женоненавистник, но и потому что мой муж испытывает крайне болезненную тягу к хвастовству перед своим отцом. Мы были у Элио Пизано три раза, и с каждым разом впечатления все хуже и хуже. А если учесть, что сегодня в ресторане будут присутствовать еще и деловые партнеры, то это событие станет незабываемым.

Я заканчиваю поправлять прическу и смотрю на себя в высокое зеркало. В облегающем красном платье с нелепо низким вырезом, которое я купила для этого мероприятия, чувствую себя шлюхой. До замужества с Рокко предпочитала повседневную одежду: джинсы и топы, иногда простые платья. Больше всего любила комфорт и пастельные тона. Я распускала волосы и никогда не красилась, за исключением особых случаев. Рокко настаивает на чопорной и правильной прическе — тугий, гладкий пучок и полный макияж, потому что, по его мнению, так я выгляжу старше и стильнее. Однажды он застал меня без макияжа, когда вернулся рано с работы. Мне пришлось накладывать двойной слой консилера и тонального крема в течение следующей недели, чтобы скрыть синяк на щеке.

Бросив последний взгляд в зеркало, дабы убедиться, что все так, как должно быть, я выхожу из комнаты и спускаюсь вниз.

Рокко стоит у подножия лестницы и разговаривает с кем-то по телефону. Услышав меня, он поднимает голову и кивает. Видимо, наряд одобрен, потому что он отворачивается и продолжает разговор в тишине. Спускаясь по лестнице, гляжу на Алессандро, который стоит у входной двери, и чуть не спотыкаюсь от его пристального взгляда. Нравится ли ему то, что он видит?

С тех пор как моя жизнь развалилась, как карточный домик, чувствую себя по уши в дерьме. Я — груша для битья извращенца, который заставляет меня одеваться, как девушка по вызову, чтобы его друзья при виде меня пускали слюнки, а он потом «наказывал» меня за это. Но реакция моего телохранителя по сравнению с реакцией Рокко заметно отличается. На лице мужа отразилось удовлетворение, когда он увидел меня буквально полуголой. Откровенный наряд означает, что на меня будет глазеть больше мужчин. Выражение лица Алессандро однако совершенно пустое, но во взгляде этих холодных глаз читается презрение.

Мне хочется смеяться и плакать одновременно. В течение нескольких месяцев не замечала жарких взглядов, которые бросали на меня другие мужчины, потому что расплачиваться за них буду я. И вот теперь, когда втайне жажду, чтобы телохранитель посмотрел на меня с полными вожеления глазами, вместо этого получаю презрение. Что ж, за эти дни я привыкла и к этому. Хотя на мой взгляд, это выглядит более остро. Прервав наши взгляды, я иду к входной двери, глядя прямо перед собой.

Рокко подходит к своему блестящему новому кабриолету, припаркованному на подъездной дорожке, и открывает для меня пассажирскую дверь. Муж пребывал в исключительно хорошем настроении, когда пригнал машину из дилерского центра, и даже слова не сказал, когда я упомянула, что по субботам у меня спа-день. С приближением конца года работы прибавилось, и Хейзел откликнулась на мое предложение приезжать дважды в неделю.

Сглотнув желчь, которая поднимается каждый раз, когда мне приходится прикасаться к мужу, я беру его протянутую руку и скольжу внутрь машины. Рокко обходит капот и садится за руль, болтая о лошадиных силах и скорости, которую может развить новая машина.

— Этот сукин сын Козимо умрет от зависти, когда увидит эту крошку. — Он смеется, чистя щеткой белую кожаную обивку. — Я слышал, как он говорил Пьетро, что присматривался именно к этой модели, но не хотел тратить сто тысяч. Ты знаешь, что он до сих пор ездит на этой «консервной банке», которую купил четыре года назад? — На его лице появляется гримаса отвращения. — У некоторых людей нет самоуважения.

Иногда он напоминает мне избалованного ребенка, закатывающего истерику, если у кого-то появляется более блестящая игрушка, чем у него. Так получилось, что Козимо — особенно болезненная тема для Рокко. Независимо от того, замечает это другой капо или нет, Рокко ведет тотальную дуэль со старшим. Он старается превзойти его на каждом шагу. Что бы ни получил Козимо, Рокко должен превзойти его. Что бы ни хотел Козимо, Рокко должен обладать первым. Думаю, все дело в том, что дон, похоже, больше прислушивается к советам Козимо, а Рокко не может с этим справиться.

Заведя мотор и подъехав к воротам, Рокко продолжает нести чушь. Я делаю вид, что слушаю его бред, а сама смотрю в боковое зеркало. Внедорожник Алессандро едет вплотную за нами. Я не вижу его угрюмого лица в отражении зеркала, но практически чувствую его взгляд на своем затылке. Он ничего не сказал, когда вез меня в оздоровительный центр сегодня утром, хотя мы оба знали, что я еду туда не для того, чтобы делать массаж лица. А когда мы потом зашли к моей маме, то, уверена, он заметил, как я сунула за диван сумочку, которую купила для миссис Нателло. Он ни слова не произнес. Почему он ничего не рассказал Рокко?

Я вспоминаю тяжелый взгляд Алессандро, когда он спросил, не обидел ли меня Рокко. Желваки на его челюсти ходили ходуном, когда он расспрашивал меня о вещах, которые я покупаю. В его голосе слышалась резкость, когда он заверял меня в том, что молчит о моем пребывании в спа-салоне. Может быть, он ненавидит моего мужа больше, чем меня.

Прошлой ночью он снова приснился мне. Мы ехали в лифте, лицом друг к другу, а над нами горело дюжина зажигалок «Зиппо», отбрасывая желтоватый свет на лицо Алессандро. Я не боялась замкнутого пространства, как это было бы в жизни. Как будто одно присутствие Алессандро прогоняло страх и тревогу. Он сделал шаг ко мне, схватился за мое платье. В тесной кабине раздался звук рвущейся ткани, и он одним движением сорвал платье с моего тела. Я стояла обнаженной.

Он смотрел мне в глаза, пока расстегивал молнию и освобождал член, затем подхватил меня под попку и приподнял, прижав спиной к холодной стене лифта. От его грубых ладоней, ласкающих мою гладкую кожу, холод исчез. Его прикосновения казались такими реальными. Как и невероятное блаженство, когда он одним стремительным движением вогнал в меня член. Пламя, висевшее над нами, мерцало в ритме толчков Алессандро, делая эту сцену еще более сюрреалистичной.

Как и в предыдущем сне, он, не щадя, меня трахал, казалось, часами, не произнося за все время ни одного слова. Это было жестко. Дико. Неистово. И я наслаждалась каждой секундой. Я была свободна, а когда проснулась, то настолько промокла от возбуждения, что пришлось сменить белье.

— Веди себя хорошо, красавица, — говорит Рокко, возвращая меня на землю.

Я перевожу взгляд на лобовое стекло и вижу очертания большого белого дома, виднеющегося над забором, который тянулся вдоль улицы. Мы уже практически на месте. Я делаю глубокий вдох, пытаюсь мысленно подготовиться к тому, что должно произойти.

— Ты знаешь правила, — продолжает Рокко. — Не разговаривать, если никто не задаст тебе прямой вопрос. Никому не интересно, что ты хочешь сказать.

— Да, Рокко. — Я киваю.

Когда мы паркуемся перед домом Элио Пизано и идем к парадной двери, я бросаю мимолетный взгляд через плечо. Алессандро следует в нескольких шагах позади нас, возвышаясь тенью на фоне заснеженного пейзажа. Наши взгляды встречаются на долю секунды, и сердце подскакивает в груди, когда его взгляд прожигает меня насквозь.

* * *

— Когда мне ждать внука, Рокко?

Я замираю, услышав вопрос свекра. Не смею оторвать взгляд от тарелки передо мной.

— Равенна еще молода, — говорит рядом со мной мой муж. — Мы планируем повременить пару лет.

— Тебе тридцать пять, — рычит Элио. — Времени на ожидание у тебя нет. А что, если первой будет девочка?

— Может, Рокко хочет подольше насладиться тем, что его жена принадлежит только ему. — Мужчина, сидящий дальше за столом, хмыкает. — Я бы так и сделал.

Все за столом раздражаются хохотом. Я беру край скатерти между пальцами и сжимаю.

— Разумно. Нет ничего более отвратительного, чем сиськи женщины после того, как она закончит кормить грудью. Обязательно запиши ее к пластическому хирургу сразу после этого, — издевается Элио, а затем кивает в сторону моей правой руки, заметив, что я замерла, когда собиралась отложить вилку. — Что случилось с ее рукой? Ты слишком груб в постели, Рокко?

— Да никогда, — с ухмылкой отвечает Рокко, и тут же раздается новый взрыв смеха.

— Пойдемте лучше сыграем в карты и расслабимся. Рокко, отправь свою женщину домой. — Мой тесть встает и предлагает остальным мужчинам следовать за ним. И как только я подумала, что хуже уже быть не может, его следующие слова доказывают, что ошибаюсь. — А вы знаете, что мой сын получил свою жену во время игры в покер?

Больше сил терпеть не осталось. Я хватаю сумочку и спешу в другой конец столовой. Не останавливаясь в фойе, в том же темпе иду к входной двери, где Алессандро стоит у стены в своей обычной позе, с прямой спиной и сцепленными за спиной руками. Я берусь за ручку и, не дожидаясь его, выбегаю на улицу. Только когда меня обдает холодным свежим воздухом, нахожу в себе силы сделать вдох. Когда Алессандро выходит на улицу, я уже стою у его машины и дрожу от холода. Я совсем забыла взять пальто, когда выходила из дома.

Я ожидаю, что он спросит, какого хрена так выбежала. Но он молчит. Вместо этого снимает пальто и протягивает его мне. В глазах стоят слезы, когда смотрю на пальто, которое он держит в руках. Я дрожу от холода, но не решаюсь его взять. Если Рокко увидит, как я принимаю подношение телохранителя, Алессандро будет все равно что мертв.

— Равенна.

Мое сердце учащенно забилося. Алессандро впервые назвал меня по имени. Его взгляд устремлен на мою щеку. Он поднимает руку и большим пальцем убирает слезинку. Крошечные волоски на моей шее поднимаются от его прикосновения. Я чувствую каждую мозоль на его ладони, когда он еще раз проводит пальцем под моим глазом, перед тем как убрать руку.

— Равенна, я жду. — Его голос глубже, чем обычно, и в нем чувствуется некая непривычная злость, как будто он чем-то рассержен, но пытается это скрыть. Снежинки падают на его черные волосы и пиджак. До этого момента я даже не замечала, что идет снег. Алессандро снова поднимает пальто передо мной.

Я смотрю в сторону дома и, только убедившись, что никого нет, поворачиваюсь и просовываю руки в рукава. На Алессандро пальто доходит до колен, на мне — до щиколоток.

Перевожу взгляд на руку Алессандро, держащую открытую дверь на заднее сиденье машины, и обхожу его. Взявшись за ручку, забираюсь на пассажирское сиденье и закрываю за собой дверь. Затем жду.

Через несколько секунд водительская дверь открывается, и Алессандро садится за руль. Он ничего не говорит. Ни тогда, ни во время часовой поездки в особняк.

Единственный свет в моей спальне исходит от ноутбука передо мной, который отбрасывает бледный отблеск на стены, покрытые записями и картинами. Я смотрю на фотографию Натали, впиваясь взглядом в ее теплые карие глаза, которые словно отвечают на мой взгляд. Созерцание этого снимка всегда успокаивало меня. Больно, но это помогало мне сосредоточиться на своей цели. Каждый раз, когда засыпаю, я вспоминаю ее лицо.

За день до того, как ступил на порог особняка Пизано, я посетил ее могилу и поклялся, что отомщу за ее смерть. Око за око. Жена Рокко Пизано за мою. Я поклялся в этом.

Однако сейчас, глядя на фотографию Натали, испытываю совсем другие чувства, те самые, которые уже давно кипели в моей душе. Раскаяние. Стыд. Чувство вины. Они давно гложут меня, потому что засыпаю с мыслями уже не о карих глазах, а о зеленых. Вместо того чтобы мечтать о хладнокровном убийстве Равенны Пизано, представляю, каково это — чувствовать ее под собой, слышать ее стоны, объявить ее своей.

Сегодня вечером, увидев, как Равенна идет рядом со своим мужем, а он обнимает ее за талию, я чуть не взорвался от злости. Едва сдерживался в порыве убрать руку этого ублюдка. Мне хотелось схватить ее и крикнуть: «Она моя!», чтобы все услышали.

Безумие. И это безумие нужно остановить.

Я нажимаю на значок в левом верхнем углу, и на экране появляется изображение с камеры, установленной у дома Рокко.

Когда я пришел в дом Рокко Пизано, план его убийства был уже готов, продуман до мельчайших деталей. Я представлял себе план мести как огромную каменную крепость, вздымающуюся к небу. Твердой. Непокосимой. Если только не возникнет непредвиденных

обстоятельств, которые заставят действовать раньше, чем предполагалось, план останется в силе. Никаких исключений.

Над кроватью висит распечатанный график каждого этапа, все шаги стратегически распределены на два месяца. Первый этап — гараж. Второй — уничтожить его строительный бизнес и выставить его неспособным дураком перед доном. Следующим пунктом идут финансы Рокко. Только покончив с материальными делами, я планировал перейти к четвертой фазе — заморочить ему голову.

Заставить его бояться за свою жизнь, зная, что в тени таится угроза, — это самая сильная пытка. Неуверенность. Постоянно оглядываться через плечо. План состоял в том, чтобы заставить Рокко поверить в то, что кто-то пытается его убить, и затянуть эту сцену на несколько недель, пока один только хлопок винной пробки не заставит его наложить в штаны. После этого предстояло убить его отца. А в конце — жену. Перед тем как убить этого чертова Рокко Пизано и сжечь его красивый дом дотла.

На экране Рокко въезжает на белом кабриолете и паркуется на подъездной дорожке. Я смотрю на детонатор у себя под боком. Сигнал от бомбы, которую заложил под его спортивный автомобиль, все еще активен и готов к дистанционной активации. При хорошем исполнении смерть от взрыва — это, к сожалению, очень быстрая и довольно безболезненная смерть. А смерть, которую я задумал для Рокко Пизано, нельзя назвать ни быстрой, ни безболезненной. Я планировал взорвать эту машину через две недели, в качестве тактики устрашения. А когда привожу план в действие, я никогда от него не отступаю.

Мои мысли уносятся к Равенне, когда она стоит на заснеженной подъездной дорожке, а ветер развеивает несколько прядей волос, выбившихся из пучка. Я встряхиваю головой, пытаюсь избавиться от этого образа. Но вместо того, чтобы исчезнуть, эта сцена продолжает воспроизводиться в памяти, заикливаясь на ее грустном лице и слезе, скатившейся по щеке.

Моя каменная крепость начинает сотрясаться. По ее бокам появляются длинные тонкие трещины, и один большой кусок ее укреплений отламывается.

Его отдаленный стук раздается в моей голове, когда Рокко выходит из машины и направляется к особняку. Я чувствую толчок, когда беру в руки детонатор и нажимаю большим пальцем на красную кнопку.

Восемь лет поисков и планирования... под угрозой срыва. И все из-за слезинки женщины, которую я поклялся убить.

Как капля воды точит камень. Упорно.

Рокко поднимается по лестнице, доходит до входных дверей.

Кап.

Я нажимаю на кнопку.

Машина взрывается, ее гладкий спортивный корпус поднимается на несколько футов в воздух в клубах огня, дыма и обломков.

Невольно улыбаюсь, глядя на оранжевый отблеск на испуганном лице Рокко Пизано, лежащего на земле. Возможно, это от взрыва, но я готов поспорить, что от шока. Интересно, он описался?

Что ж, я перепрыгнул с первой фазы на четвертую. Пора перестроиться и вернуться на путь истинный. Этот сукин сын потеряет все, что ему дорого, прежде чем я покончу с ним. Его роскошная жизнь вот-вот закончится.

Не отрывая глаз от экрана, беру трубку и набираю номер Феликса. Звонок раздается дважды, затем отключается. Я снова нажимаю на кнопку.

— Что? — рычит он.

— Ты записал меня?

— Сейчас час ночи!

Я переключаю сигнал на другую камеру, с которой Рокко виден лучше.

— И что?

— Я ложусь спать в восемь! — кричит Феликс.

— Хватит ныть и ответь.

— Ты в курсе, что берут за ставки? Бриллианты! Чтобы играть с ними, тебе понадобятся камни стоимостью не менее полумиллиона.

— Знаю. Феликс, ты меня записал?

— Да, да, сумасшедший ты мой, я записал тебя. Игрокам запрещено самим приезжать, поэтому за тобой пришлют машину. Секретность и все такое. Ты узнаешь время и место встречи утром перед игрой.

— Хорошо. — Я снова переключаю канал связи. Рокко и несколько охранников пытаются потушить пожар. — А как у нас обстоят дела с телом, о котором я просил?

— У нас никак. Я, как проклятый гробовщик, копаюсь тут ради тебя. Скажи мне дату, когда оно тебе нужно.

— Забирай, как найдется подходящий кандидат, и храни у себя, пока я не позвоню.

— Хранить? — кричит он. — Да, где мне, по-твоему, хранить чертов труп?!

— У тебя же есть морозильник?

— А что я скажу Гваделупе, если она решит приготовить carne asada и обнаружит в морозилке гребаный труп?

— Кто такая Гваделупе?

— Моя девушка, — огрызается он.

Я от удивления вскидываю брови.

— Тебе девяносто.

— Мне семьдесят пять! И, к твоему сведению, Лупе говорит, что я не выгляжу ни на один год старше пятидесяти.

— Скажи ей: «Извини, детка, это всего лишь работа». Она поймет. И, пожалуй, отведи ее проверить глаза.

— Да катись ты к черту, Аз.

Линия обрывается.

Я беру черный бархатный мешочек, лежащий на столе рядом с ноутбуком, и достаю небольшой зеленый камушек, поднимая его к свету. У Драго Попова, безусловно, хороший товар.

— Друзья моего отца хотели узнать, почему моя жена так быстро ушла вчера вечером, — говорит он и делает шаг в ванную. — Один из них спросил, может быть, тебе не нравится их присутствие. Или мое, если уж на то пошло. Это правда?

— Нет, — выдыхаю я.

— Но мне так показалось. — Он обхватывает меня за плечо. — У меня очень плохое настроение, *bellissima*. Следи за своим поведением, иначе результат тебе не понравится.

— Непременно. — Я киваю.

— Конечно, ты так и сделаешь. — Другой рукой он достает из-за пояса брюк пистолет и целится в лампу на потолке. Выстрел гулко отдается в маленьком помещении, и светильник разбивается вдребезги, осыпаясь сверху осколками и окутывая ванную комнату полумраком.

— Нет, — шепчу я.

— Да. — Зловещая улыбка расплывается по лицу Рокко, и он выходит из комнаты, закрывая за собой дверь. Темнота окутывает меня.

Я вскакиваю на ноги и вслепую бегу к двери. Как только нащупываю ручку, в ушах раздается звук поворачивающегося замка.

— Рокко! — кричу я, чувствуя, как в груди нарастает паника. — Пожалуйста! Пожалуйста, не надо!

Ответа нет. Лишь удаляющееся хихиканье.

Закрываю глаза и опускаюсь на пол, пытаюсь взять дыхание под контроль. В самом начале нашего брака я не была такой уж послушной. В первый раз, когда Рокко запер меня в шкафу и выключил свет, я послала его на хрен. Я села на пол, ожидая, что он вернется. Проходили минуты. Потом часы. Я начала что-то слышать. Возможно, это был просто шум снизу, но мне казалось, что он находится прямо здесь. Рядом со мной. Хотя никогда не боялась темноты — даже в детстве, — оказаться в этом маленьком темном пространстве и слышать вокруг себя странные звуки было страшно. Когда на следующее утро Рокко наконец выпустил меня, я была близка к тому, чтобы сойти с ума. С тех пор он делал это еще дважды, каждый раз, когда был особенно недоволен моим поведением. Это привело меня в ужас, и возникла моя клаустрофобия.

Я начинаю дрожать всем телом — то ли от нарастающей паники, то ли от быстро остывающих плиток пола подо мной, не знаю. Возможно, и то, и другое. С меня все еще капает вода после душа, и воздух вокруг меня становится прохладным. Мышцы затекли, и я не могу заставить себя встать и поискать полотенце. Терпеть побои гораздо легче, чем это. Я обхватываю себя руками и опускаю голову на колени.

И жалею, что не сохранила пальто Алессандро. Мысль о том, чтобы вернуться в него, заставляет меня чувствовать себя немного менее холодно. Не знаю, почему я все время думаю о нем. Жизнь с Рокко заставила меня презирать мужчин вообще.

Когда я мечтаю о возможности встретить кого-то нового, если мне удастся сбежать от мужа, в горле возникает тошнотворное чувство. До жизни с Рокко размышления о партнере обычно сводились к таким вопросам как, будут ли нам нравиться одни и те же вещи? А что, если наши музыкальные вкусы слишком сильно отличаются? Я рано встаю, а что если он предпочитает поспать? Такая вот ерунда. Тогда это не казалось ерундой. А сейчас? Теперь первое, о чем думаю, это о том, будет ли он тоже бить меня?

После первых ударов Рокко я стала обращать внимание на окружающие меня пары. Время от времени замечала еле уловимые признаки того, что внешне идеальный брак был совсем не таким. Как и мой.

Закрыв глаза, представляю, как Алессандро сидит рядом со мной, его рука держит мою.
— Семьдесят три, — шепчу я.

Странно говорить вслух, когда никого нет рядом, и мой голос звучит слабо сквозь стучащие зубы.

— Семьдесят один, — продолжаю я. — Шестьдесят девять. Шестьдесят семь. Шестьдесят...

* * *

Раздается щелчок замка, и дверь открывается. Я поднимаю голову и, прищурившись, смотрю на Рокко. Свет, льющийся из спальни, очерчивает его фигуру, делая ее еще более грозной. На мгновение мне кажется, что я нахожусь у ворот ада, а выход из него преграждает Цербер.

— Одевайся, — огрызается он. — Я ужинаю с коллегой и беру тебя с собой.

Я гляжу ему вслед и, услышав, как закрывается дверь спальни, поднимаюсь со своего места в углу ванной. Тысячи иголок пронзают мои ноги, когда тащусь к комоду, стоящему у кровати. На нем стоят белые витиеватые часы, показывающие, что сейчас два часа дня. Он продержал меня в ванной, как мне показалось, несколько дней, но прошло всего шесть часов.

Я надеваю лифчик и трусы и смотрю на свое отражение в зеркале. Надо бы пронести в ванную и в шкаф отвертку или другой инструмент и спрятать их где-нибудь, чтобы в следующий раз, когда Рокко закроет меня, я могла попытаться разобрать замок. До сегодняшнего дня эта идея не приходила мне в голову. Все это время Рокко как будто удавалось не только победить мое тело и разум, но и чувство собственного достоинства. Я перестала бороться с ним и позволила ему сделать из меня послушную собаку. Бросив последний взгляд в зеркало, разворачиваюсь и ухожу в гардеробную.

Когда спускаюсь вниз, Рокко с отвращением смотрит на мою черную блузку со скромным вырезом, но его губы расширяются в улыбке, когда замечает короткую красную юбку, которая едва прикрывает мою задницу.

— Мы опоздаем. — Он хватает меня за руку и тащит к входной двери.

Мы выходим из дома, и я растерянно моргаю. На подъездной дорожке припаркованы четыре машины, возле одной из них стоит начальник первой смены охраны. Рядом арендованная машина — видимо, она приехала, пока я сидела взаперти, — и еще две машины сзади. Рокко редко берет с собой телохранителей на встречи. Большинство из них проходят с людьми, не вовлеченными в незаконную деятельность. Единственная постоянная охрана была приставлена ко мне, и это не имело никакого отношения к его заботе о моем благополучии.

Я перевожу взгляд на стоящий сзади внедорожник и сидящего за рулем мужчину. Сердце учащенно забилось, как и каждый раз, когда вижу Алессандро. Он в солнцезащитных очках-авиаторах и, кажется, смотрит прямо перед собой, но я чувствую его взгляд на себе.

— Садись, — огрызается Рокко и усаживает меня на пассажирское сиденье арендованного автомобиля.

Машина перед нами оживленно урчит и направляется к воротам. Рокко заводит машину и едет следом. Я смотрю в боковое зеркало и замечаю две последние машины позади нас. Вся ситуация напоминает сцену из кинофильма — президентский кортеж при отъезде из резиденции.

— Что происходит? — спрашиваю я.

— Кто-то пытается меня убить, вот что происходит, — рывкает Рокко.

Я достаю из сумочки солнцезащитные очки и надвигаю их на лицо, исподтишка наблюдая за Рокко. На первый взгляд, он выглядит рассерженным. Его челюсть стиснута, а лицо омрачает хмурый взгляд. Но присматриваюсь и подмечаю детали. Его взгляд то и дело устремляется на зеркало заднего вида и по сторонам. Бисеринки пота, собравшиеся вдоль линии роста волос. И, наконец, его дыхание, учащенное по сравнению с обычным.

Улыбка угрожающе тянется к моим губам, и мне едва удастся ее скрыть. Рокко Пизано, человек, который утверждает, что у него самые большие яйца в мире, напуган до смерти.

* * *

Гул нескольких десятков одновременно разговаривающих людей. Смех. Звяканье столовых приборов о тарелки.

Любой звук оставляет в висках маленькую дырку. Я подношу вилку ко рту, но есть не хочется. Горло болит, и несмотря на то, что комната хорошо отапливается, мне холодно.

— Равенна, с тобой все в порядке?

Я поднимаю глаза и фальшиво улыбаюсь женщине, сидящей слева от меня. Рокко познакомил меня с ней и ее мужем, когда мы приехали в ресторан, но не могу вспомнить ее имени.

— Кажется, я заболела, — отвечаю.

— О, мне так жаль, милая. — Она смотрит в сторону Рокко, который увлеченно обсуждает с ее мужем вопросы недвижимости. — Рокко, Равенна плохо себя чувствует. Может, тебе стоит отвезти ее домой?

— Ах? — Рокко наклоняет голову и буравит меня взглядом. — Ты заболела, *bellissima*?

— Нет. — Я быстро качаю головой. — Я в порядке.

— Уверена? Может, тебе стоит вернуться домой и немного отдохнуть? — Он наклоняется в сторону, прижимаясь губами к моему уху, и шепчет: — У меня сегодня большая игра. Убедись, что ты готова, когда я вернусь домой утром.

По спине пробегает дрожь.

Рокко часто играет в покер. Обычно он играет в «Луиджи» с другими людьми из «Коза Ностры», но эта игра не кажется ему достаточно увлекательной. Они просто поддерживают его зависимость. Однако каждые три месяца в одном из неизвестных мест за городом проводится турнир по покеру, и Рокко просто одержим этой игрой.

Игра проводится только по приглашениям, и участвующие в ней игроки скрыты. Их личности и присутствие держатся в секрете даже от конкурентов, но Рокко все равно любит похвастаться этим, особенно перед другими капо. Предыдущий турнир был сразу после нашей свадьбы. Рокко выиграл его, а когда вернулся домой — на адреналине и в полном восторге от самого себя, — разбудил меня глубокой ночью и потребовал, чтобы я умоляла его трахнуть меня. Я плюнула ему в лицо, когда он велел мне раздеться и встать на колени на пол. Он ударил меня с такой силой, что я все равно оказалась там. На следующее утро проснулась от того, что мне пришло сообщение на телефон. Это оказалась фотография крупным планом моей спящей матери с пистолетом, направленным ей в голову. Это была угроза, что случится, если я еще раз посмею послушаться его.

— Хорошо. — Я встаю, готовая выйти из-за стола.

Рокко, как всегда заботливый муж на публике, тоже встает и машет рукой Алессандро, который ждал у выхода с двумя другими охранниками. Когда Рокко целует меня в щеку, я смотрю на Алессандро, который приближается к нам с убийственным взглядом в глазах.

Похоже, он снова стал меня ненавидеть.

— Отвези мою дорогую жену домой, — говорит Рокко и гладит меня по руке, после чего садится обратно.

Алессандро молча следует за мной из ресторана к своему внедорожнику. Он не произносит ни слова, когда заводит машину и выезжает на улицу. Почти час мне удается держать себя в руках, но когда мы сворачиваем на дорогу, ведущую к особняку, в моей груди нарастает тревога.

— Пожалуйста, остановись, — прошу я.

Алессандро тут же сворачивает на обочину. Как только мы припарковались, я выхожу из машины и прислоняюсь спиной к борту. Закрыв глаза, сосредотачиваюсь на глубоком дыхании, стараясь не думать о том, что произойдет, когда Рокко вернется домой.

Я не слышу, как Алессандро подходит к машине. Но это и не важно. Даже с плотно закрытыми глазами чувствую, что он стоит передо мной.

— Знаешь, — говорю я, пока ветер овеивает мое лицо, — когда была маленькой, думала, что стану учительницей математики.

— Почему?

— Мне нравятся цифры. И дети. Наверное, так я себя и видела. — Я вздыхаю. — А ты? Где ты себя видел?

Наступает тишина, и потом он отвечает:

— В тюрьме.

В данный момент мне меньше всего хочется улыбаться, но от его ответа я все равно улыбаюсь и кривлю губы.

— Не хочешь рассказать поподробнее?

— Нет.

Конечно, нет. Я обхватываю себя руками, но сомневаюсь, что это из-за холода. Через несколько ударов сердца легкая ласка касается моего лица. Я открываю глаза и вижу, что надо мной склонился Алессандро. Его левая ладонь лежит на машине, рядом с моей головой, а тыльной стороной другой руки он прослеживает линию моей челюсти.

— Что случилось? — спрашивает он.

— Ничего. И все.

— Либо ничего, либо все. Не может быть и того, и другого. — Алессандро смотрит в мои глаза. Спокойно. Загадочно.

— Почему тебя это волнует? Я тебе даже не нравлюсь.

— Я бы сказал, Равенна, что ни «нравится», ни «не нравится» не совсем тот термин в данной ситуации.

Я вскидываю бровь в ответ на его загадочные слова.

— Нет? И что же?

— Что-то дикое. — Его лицо окутано тенью, которая подчеркивает резкие черты его лица.

— Что? — шепчу я.

Алессандро перестает прикасаться к моему лицу. Он опускает голову, пока его губы не оказываются рядом с моими, всего в нескольких дюймах друг от друга.

— Я все еще пытаюсь понять это сам, — отвечает он и прижимается ко мне.

Я бы до смерти испугалась, если бы меня прижал такой большой человек. Если учесть, что моя психика расшатана в результате насилия мужа, то я должна была бы почувствовать

угрозу от размеров и силы Алессандро. Но вместо того, чтобы бояться его приближения, я даже хочу стать ближе к нему.

Последний сон вторгается в мое сознание. В мыслях возникает образ того, как он прижимает меня к стене лифта и заставляет кричать от удовольствия. Как это будет? Так ли, как я себе представляю?

— Спрашивай, — говорит он.

— Что спросить?

— Вопрос, который я вижу в твоих глазах.

Я вздрагиваю от тембра его голоса.

— Я хотела бы узнать, будет ли это так же, как в моем сне?

— Что?

— Ты, — шепчу я.

На лице Алессандро что-то мелькает, когда он слышит мои слова, — мимолетная эмоция, которая появляется на секунду и исчезает в следующий момент. Он сжимает челюсти и делает глубокий вдох, стараясь, как мне кажется, сохранить самообладание. Наши лица находятся так близко, что чувствую, как его теплый выдох ласкает мой рот.

Я слегка приподнимаю голову. Кончик моей верхней губы касается его нижней. Это не поцелуй. Всего лишь крошечная ласка, но она поражает меня до глубины души. Я не смею пошевелиться. Даже не дышу.

Мимо проносится автомобиль, его грохот разрушает чары. Алессандро делает шаг назад.

— Нам пора идти, — говорит он. — Мне нужно кое-куда успеть, а я уже опаздываю.

Я киваю и быстро сажусь в машину.

Алессандро

Организаторы покерного турнира, конечно, позаботились о том, чтобы сохранить в тайне личности игроков.

Я выхожу из машины и смотрю в сторону скудно освещенного одноэтажного дома. Других машин поблизости нет, поэтому предполагаю, что каждый игрок должен был приехать в свое время. Мужчина, ожидающий у входной двери, проводит меня внутрь, через необорудованный холл и в небольшую комнату в левой части здания, где за столом, покрытым черной скатертью, сидит другой мужчина в костюме-тройке и черных перчатках. Видимо, это и есть инспектор.

— Проверка качества, — говорит он и постукивает ладонью по поверхности стола.

Я достаю из кармана бархатный мешочек, развязываю шнурок и позволяю содержимому высыпаться на поверхность черного дерева.

Инспектор достает небольшую лупу и, взяв один из камней, поднимает его к свету. Драгоценный камень блестит на свету так же, как глаза Равенны, когда она улыбается.

— Зеленые бриллианты. Красиво, — бормочет он, разглядывая камень со всех сторон. — Очень красиво. Это Попова?

— Да.

— Исключительное качество. — Он кладет бриллиант на небольшие весы. Проверив вес, делает пометку в блокноте в кожаном переплете и переходит к следующему.

К размеру и цвету драгоценных камней, которые будут использоваться в качестве ставок в игре, особых требований нет, лишь бы каждый из них стоил не менее двадцати пяти тысяч. Один камень приравнивается к одной фишке. При этом не имеет значения, превышает ли реальная стоимость минимальное значение. Для людей, которые посещают именно эту игру, несколько тысяч здесь и там не имеют значения.

Я перевожу взгляд на страницу, где инспектор записывает смету, и просматриваю цифры. Если Драго надул меня хотя бы на одном камне, меня не допустят к участию.

После того как ювелир проверил все двадцать моих бриллиантов, он кладет их обратно в мешочек и кивает человеку, который меня сюда проводил.

— Он хорош, — говорит он и возвращает мне мешочек. — Стивен будет вашим распорядителем на этот вечер. Желаю вам отличной игры, сэр.

Распорядитель провожает меня в отгороженное занавеской помещение где-то в глубине дома. Ниша закрыта тяжелыми черными шторами от пола до потолка, которые свисают по обе стороны от двери, образуя воронкообразный тоннель, ведущий к изогнутой кушетке и креслу, установленным в дальнем углу. В конце туннеля, прямо над креслом, расположено окно, через которое можно наблюдать за происходящим. Присмотревшись, я понимаю, что кушетка огибает круглый стол, разделенный шторами-перегородками и оконным экраном, который кажется односторонним стеклом. Я вижу снаружи, никто не видит внутри.

Я сажусь за стол, размышляя о том, кто меня окружает. Игра рассчитана на четырех игроков, судя по трем другим экранам, обозначающим места. Единственное не скрытое место дилера занято коренастым мужчиной в галстук-бабочке. Черные шторы, хотя и прочные, драпируются мягкими волнами. Их цвет напоминает мне волосы Равенны. Она словно преследует меня, куда бы я ни пошел.

Голод, который сжигает меня, когда она прижимается к моему телу, не рассеивается, хотя прошло уже несколько часов с тех пор, как я оставил ее в особняке. Провожу большим пальцем по нижней губе, вспоминая ее прикосновение в тот миг. Мне потребовалось все мое самообладание, чтобы не схватить ее тогда и не впиться в ее соблазнительный рот.

Я ожидал, что могут возникнуть проблемы, что-то может поставить под угрозу мой план мести или усложнить ситуацию на этом пути. Но не предполагал, что они возникнут в виде женщины с глазами, похожими на драгоценные камни, которая постоянно вторгается в мои мысли. Я желаю, чтобы она ушла из моих мыслей. Хотел бы я взять чертовы плоскогубцы и выковырять все мысли о ней. Но это, наверное, не поможет. Даже сейчас, через два часа после того, как я ее высадил, у меня в носу все еще стоит ее аромат.

Мой распорядитель встает справа от меня, и я сосредотачиваюсь на том, где нахожусь. Небольшая щель между окном и столом едва достигает десяти дюймов, этого достаточно, чтобы просунуть руки. Все остальное скрыто за односторонним стеклянным экраном.

Остальные три игрока уже заняли свои места, их лица скрыты, но я вижу их присутствие через щели. Предполагаю, что у каждого из них есть свой ведущий, так же как и у меня, который болтается рядом. Мужчина напротив меня кладет правую руку на стол, зажав между пальцами зажженную сигару. На указательном пальце толстый золотой перстень с красным драгоценным камнем. Рокко Пизано.

Я улыбаюсь и кладу перед собой мешочек с бриллиантами. Да начнется игра.

* * *

— Мы закончили, — говорит ведущий моему оппоненту слева.

Сквозь щель под экраном я вижу, как человек в белом костюме медленно поднимается и покидает свой уголок. Его распорядитель следует за ним. Игрок справа от меня ушел полчаса назад. Значит, остались только я и Рокко.

Я откидываюсь назад и наблюдаю за руками Рокко, которые видны под односторонним стеклом. Он так крепко вцепился в край стола, что костяшки пальцев побелели. Перед ним остался только один бриллиант. Его достаточно для ставки, но продолжить игру он не сможет. Все остальные камни, использованные до сих пор в игре, теперь мои.

Рокко хватает запястье ведущего, стоящего справа от него, и тянет ближе. Раздается шепот, затем мужчина отступает назад.

— Мы хотели бы провести чек, если вы позволите, — предлагает ведущий Рокко.

Я приподнимаю бровь. В качестве фишек разрешены только драгоценные камни, и когда они заканчиваются, то все. Переход на чеки разрешен только в том случае, если все остальные игроки согласны, а «дом» берет на себя ответственность за проведение операции. Этого практически никогда не делают по одной очень специфической причине: игрок, сделавший ставку не камнями, а чем-либо другим, теряет возможность отказаться от ставки и вынужден либо отвечать на ставку, либо ее повышать. Он должен продолжать игру до окончания раунда.

Не отрывая глаз от рук Рокко, которые снова цепляются за стол, я киваю и бросаю изумруд в центр стола.

— Разрешаю, — объявляет мой ведущий, и дилер приступает к следующей раздаче.

Получить подробную информацию о том, сколько денег находится на счетах Рокко Пизано, как легальных, так и зарубежных, оказалось нелегко. Феликсу потребовалось несколько недель, чтобы добыть для меня эту информацию. Общая сумма составила чуть более двух миллионов. Я был весьма удивлен этой суммой. Судя по тому, сколько он тратит на машины, я ожидал, что эта сумма будет в десять раз больше.

Когда приходит время делать ставку, я беру из лежащей передо мной кучки двадцать драгоценных камней и выдвигаю их вперед. Я не вижу Рокко, но могу представить себе его лицо. Пару мгновений он сидит неподвижно, затем достает чековую книжку и что-то набрасывает отрывистыми, сердитыми движениями. Ведущий принимает чек, который протягивает ему Рокко.

— Один миллион, — объявляет мужчина и кладет на середину стола фишку хауса вместо чека Рокко.

Я едва сдерживаю смех. Вот же тупой ублюдок, он не только принял мою ставку, но и удвоил. Должно быть, Рокко отчаянно пытается вернуть свои бриллианты. Я беру оставшиеся камни и выдвигаю их вперед, увеличивая общую ставку до двух миллионов.

У Рокко Пизано есть два варианта. Принять ставку, добавив еще один миллион. Или поднять ставку еще раз. Однако, согласно правилам этого турнира, новая ставка должна быть вдвое больше той, которую я только что поставил. И я знаю, что у него на счетах не осталось денег для этого. Он достает ручку и выписывает еще один чек.

— Один миллион, итого два миллиона долларов, — говорит распорядитель Рокко и добавляет на стол еще фишку.

— Ставка объявлена. Пожалуйста, открывайте карты, — объявляет дилер.

Поскольку именно я сделал последнее повышение, то должен первым показать свои карты. Похоже, что мой оппонент слишком нетерпелив, потому что бросает свои карты на

стол, и его истерический смех наполняет комнату. Я смотрю на его руку. Фулл-хаус.

Рокко все еще смеется, когда я кладу свои карты на стол, затем его смех стихает. В комнате воцаряется тишина, и только за ширмой Рокко слышен звук затрудненного дыхания.

— У нас роял-флеш, — объявляет мой распорядитель и поворачивается ко мне лицом. — Поздравляю, сэр.

Я жду, пока инспектор подойдет к дилеру и заменит фишки на эквивалентное количество камней. Затем он подбрасывает ко мне бриллианты, распорядитель собирает их и кладет в мою сумку. Я достаю четыре камня и передаю их в качестве платы организаторам турнира. Завершив сделку, мой распорядитель приглашает меня следовать за ним. Бросив взгляд на экран, где все еще сидит Пизано, я улыбаюсь и выхожу из комнаты.

На выходе из здания меня ждет машина, которая привезла меня в это место. Водитель стоит у задней двери и открывает ее при моем приближении. Я останавливаюсь перед ним и поднимаю драгоценный камень перед его лицом.

— Сэр? — спрашивает он, широко раскрыв глаза при виде блестящего камня.

— Мне нужно одолжить эту машину. — Я бросаю ему бриллиант. — Я оставлю ее на том же месте, где вы меня подобрали.

— Да, да. Конечно. — Он с нетерпением кивает, закрывает заднюю дверь и бросается к водительской, чтобы открыть ее. — Просто оставьте ключ в бардачке. У меня есть запасной.

Как только сажусь за руль, я давлю на газ и выезжаю на дорогу.

Когда приближаюсь к особняку Пизано, паркую машину за кустами, которые скроют ее от посторонних глаз, если кто-то будет проезжать мимо. Оставшееся расстояние преодолеваю пешком. Проанализировав расположение камер на стене по периметру и у ворот, а также поле их обзора, нахожу место, откуда вход виден напрямую, но попадает в слепую зону. И жду.

Через полчаса на дороге к воротам появляется свет фар.

Я знаю таких людей, как Рокко Пизано — высокомерных, самодовольных ублюдков, которые не могут смириться с реальностью, когда их кто-то обходит. Им часто нужен способ выплеснуть свою ярость, когда они сталкиваются с собственной неудачей, и, как правило, прибегают к насилию, обвиняя при этом кого-то другого. За те недели, что работаю с Пизано, я не видел, чтобы Рокко обижал свою жену, но что-то все равно не сходится. Я не могу выбросить из головы затравленный взгляд Равенны.

Разгневанный человек может прибегнуть к насилию, но испуганный, скорее всего, будет искать нору, чтобы спрятаться. Я хочу убедиться, что Рокко именно такой. Поэтому, когда его машина останавливается у ворот, ожидая, пока металлическая дверь отъедет в сторону, я достаю пистолет и целюсь в заднюю часть машины. Затем расстреливаю весь магазин в заднее стекло, крыло, задние фары — все, что только можно, но при этом избегаю попадания в Пизано.

Охранники выбегают из будки, поднимают оружие и направляются к машине, чтобы проверить своего босса. К тому времени, когда они начинают прочесывать местность вокруг ворот, я уже перебрался на другую сторону участка, где на прошлой неделе спрятал в одном из кустов веревку с альпинистским крюком.

Перелезть через стену не составляет труда, но на то, чтобы пересечь двор, у меня уходит более десяти минут, так как приходится идти зигзагами по определенной траектории, чтобы не попасть в поле зрения камер. Достигнув очередной «мертвой зоны» у западного крыла особняка, я бросаю крюк вверх, где он зацепляется за перила балкона. Когда добираюсь до

места, кожа на руках становится чувствительной от лазания по веревке без перчаток. Я подтягиваюсь на веревке и приседаю за парашютом, чтобы меня не было видно.

Стеклянная дверь закрыта, занавеска задернута, но сквозь белую ткань все равно видно. Равенна спит, свернувшись калачиком под одеялом. Я даже не знаю, когда начал называть ее Равенной, а не миссис Пизано, но теперь она именно такая. Я больше не могу называть ее Пизано. Имя этого мудака слишком грязно, чтобы она могла его вынести.

Я переключаю внимание на дверь спальни на другой стороне комнаты и вынимаю пистолет из кобуры.

Крики и суета охранников, прочесывающих территорию, приближаются. Должно быть, они движутся в эту сторону.

Какого черта я делаю — сторожу женщину, которую планирую убить? Рисковую разоблачением, потому что должен быть уверен, что этот сукин сын не причинит ей вреда? Я трясусь головой, как будто это поможет прояснить мои запутанные мысли.

Может, Феликс прав. Может, я сошел с ума, но не из-за того, что видел и совершал насилие. Спусковой крючок моего безумия — крепко спящая девушка всего в нескольких футах от меня.

помещении следит за камерами круглосуточно, но не вижу, чтобы кто-нибудь из них бросился сюда, чтобы задержать нарушителя.

Алессандро направляется вправо, к дальнему газону, скрываясь из виду. Я выбегаю из спальни в коридор. В конце коридора большое окно, и я бросаюсь к нему как раз вовремя, чтобы увидеть, как мой телохранитель перебрасывает через внешнюю стену крюк. В предраассветном полумраке его трудно разглядеть, но уверена, что перед тем, как он начал взбираться, то оглянулся на окно, где я стою. Мгновением позже он исчезает за стеной.

Как только возвращаюсь в спальню, на тумбочке вибрирует телефон.

05:47 Алессандро: «Спи».

Я смотрю на сообщение, затем набираю ответ.

05:47 Равенна: «Что ты делал на моем балконе?»

Проходит несколько минут, и он отвечает.

05:54 Алессандро: «Мой вариант спа-процедур. Как у тебя Равенна, каждую среду и субботу».

Смех бурлит в моей груди, грозя вырваться наружу. Я зарываюсь лицом в подушку и смеюсь.

* * *

Я снова задремала, наконец-то, почувствовав себя спокойнее после беспокойной ночи, проведенной в страхе перед возвращением Рокко. Когда проснулась после восьми, голова раскалывалась, а из носа текли сопли. Я редко болею, поэтому не держу в комнате никаких лекарств. Может, у кого-нибудь из горничных есть что-нибудь? Рокко запретил мне выходить из комнаты без макияжа, но ему надо было идти на встречу, о которой он говорил вчера вечером. Скорее всего, я могу быстро спуститься вниз и найти что-нибудь от головной боли. Выхожу из своей комнаты и направляюсь по коридору, когда слышу, как открывается дверь в спальню Рокко.

— Равенна!

Я глубоко вздыхаю и медленно поворачиваюсь к нему лицом. Его глаза пробегают по моей ночной рубашке, затем поднимаются вверх и останавливаются на моем лице без макияжа.

— Куда это ты собралась в таком виде? — Он делает шаг вперед.

— Хотела взять лекарства на кухне и вернуться наверх, чтобы подготовиться.

— И что я тебе говорил о том, что нельзя ходить и выглядеть как нечто, что притащила кошка?

Он хватается меня за шею, не давая возможности втянуть воздух. Я цепляюсь за его пальцы, пытаюсь вырваться, но он только их сжимает.

— *Bellissima*, не бросай мне вызов. — Он приближает свое лицо к моему. — Я не в том настроении, чтобы разбираться с твоим неповиновением. А если придется наказать, то тебе точно не понравится наказание.

Еще одно сжатие, и он отпускает мое горло. Я откашливаюсь и пытаюсь вдохнуть воздух в легкие.

Алессандро

Едва я выхожу из внедорожника, как входная дверь дома Пизано распахивается. Рокко выскакивает из дома с большой папкой под мышкой и направляется по каменным ступеням к одной из четырех машин, припаркованных у подъезда. Его пиджак расстегнут, и я вижу, что под рубашкой на нем надет бронежилет. Я оцениваю машину, в которую Рокко садится. Это не модный кабриолет, который он, похоже, любит, а крепкий внедорожник с большими тонированными стеклами. Похоже, события прошлой ночи напугали его настолько, что он решил воспользоваться бронированной машиной. Отлично. Я жду, пока свита выедет за ворота, и иду к дому.

Одна из служанок у подножия лестницы полирует деревянные перила каким-то кисло пахнущим средством. Равенны не видно, и я поворачиваю в сторону восточного крыла. Утром, вернувшись домой, я попытался вздремнуть, но никак не мог выбросить ее из головы.

Тревога поселилась внутри меня. С того момента, как спустился с балкона, у меня возникло ощущение, что должен оставаться здесь до тех пор, пока Пизано не покинет дом. И моя интуиция никогда не ошибалась.

Равенны на кухне нет. Там только экономка, складывающая продукты в холодильник.

— Где госпожа Пизано? — рявкаю я.

Экономка подпрыгивает от неожиданности.

— Еще спит.

Уже девять часов. Равенна всегда встает до моего прихода. Я поворачиваюсь, намереваясь спокойно пройти по коридору, чтобы проверить столовую и библиотеку, но в итоге бегу. Ее там тоже нет. Черт! Я уже наполовину поднялся по лестнице, собираясь в ее спальню, когда звонит телефон. Я достаю его из кармана и вижу на экране ее имя.

— Ты можешь подбросить меня до аптеки? — спрашивает она, когда отвечаю на звонок. Ее голос звучит отрывисто.

Я вцепился в перила так, что костяшки пальцев побелели.

— Зачем?

— Кажется, я простудилась.

Моя хватка ослабевает, кровь возвращается в руки и ноги.

— Я внизу, — отвечаю и убираю телефон.

В этот момент замечаю, что горничная все еще стоит у подножия лестницы. Она делает вид, что чистит дерево, но краем глаза вижу, что она смотрит на меня. Кажется, я уловил любопытный взгляд. Опаньки. Я совсем забыл о ней. Мне часто кажется, что я забываю о чем-то, когда в поле зрения появляется Равенна Пизано. Не обращая внимания на взгляд служанки, я прохожу мимо нее и встаю перед дверью.

Через десять минут Равенна появляется на верхней площадке. Я окидываю ее взглядом

— от макушки до черных каблуков туфель. Она выглядит нормально, но еще раз осматриваю ее с ног до головы, чтобы убедиться в этом. Когда она пронесется мимо меня к двери, в мои ноздри врывается ее пудровый аромат.

В машине я внимательно смотрю на нее через зеркало заднего вида и вижу темные круги вокруг глаз, заметные даже под макияжем.

— Аптека находится прямо здесь. — Равенна достает из сумочки салфетку и вытирает нос.

Я паркую машину и следую за ней. Когда мужчина за кассой оценивает ее покупки и начинает складывать их в маленький бумажный пакет, я обращаю внимание на его содержимое. Капли в нос. Обезболивающие и жаропонижающие средства. Витамин С.

Когда мы подходим к машине, Равенна спотыкается, и я протягиваю руку, чтобы ее поддержать. Ее взгляд останавливается на моих пальцах, обхвативших ее предплечье, затем перемещается вверх, пока наши взгляды не встречаются.

— Тебе нужно лежать в постели, — говорю я и отпускаю ее руку.

— Мне нужно проведать маму.

Я нахмуриваю брови. Она едва может самостоятельно стоять, и уверен, что у нее жар. Не отрывая от нее взгляда, я поднимаю другую руку и прижимаю ладонь к ее лбу, обнаруживая, что он горячий. Ее изумрудные глаза отвечают на мой пристальный взгляд, но она не отстраняется.

— Я отвезу тебя домой, — настаиваю я, но ладонь не убираю. На ней длинное темно-зеленое пальто и такой же шарф, обмотанный вокруг шеи. И то, и другое подчеркивает цвет ее глаз в этот пасмурный день.

— Хорошо, — шепчет она.

Я киваю и опускаю руку, чтобы открыть для нее дверь машины. Она смотрит на заднее сиденье, затем обходит его и открывает пассажирскую дверь, занимая место спереди. Я должен сказать ей, чтобы она села сзади.

Но я этого не делаю.

* * *

Перед тем как показались ворота, я сказал ей, чтобы она пересела.

Не знаю, откроет ли кто-нибудь рот и скажет Рокко, что видел, как она сидела рядом со мной. Я все еще не знаю, что происходит в этом доме, но не собираюсь рисковать ее безопасностью и благополучием из-за меня.

Подъехав к дому, я следую за Равенной внутрь. Она, похоже, не заметила, что я иду позади нее, и сосредоточилась на том, чтобы найти в сумочке салфетку и высморкаться. Почему у меня такое нелепое желание проследить за тем, чтобы она сразу легла спать? Я должен ненавидеть все, что связано с Рокко Пизано. Включая его жену. Особенно его жену. Но в то же время хочу знать, что она в безопасности. А она в полном беспорядке. Равенна начала подниматься по лестнице, но останавливается на третьей ступеньке и чихает. Звук напоминает маленького котенка. Трудно поверить, но даже когда она чихает, выглядит как королева. Покачивая головой, я подхватываю ее на руки.

— Что? — Равенна удивленно ахает, а затем снова чихает.

Я несую ее вверх по лестнице, не сводя глаз с дороги, стараясь не обращать внимания на всепоглощающее удовольствие от того, что она так близко. Не позволяя себе притянуть ее еще ближе к своей груди. Ее лицо совсем рядом — я чувствую, как ее дыхание овеивает мою шею. Дойдя до лестничной площадки, несую ее по коридору и опускаю на пол перед ее

дверью.

— Спасибо. В этом не было необходимости, но, — она чихает, затем поднимает на меня глаза, — спасибо.

Я наблюдаю за ней, замечая, как покраснел ее нос от того, что она вытирала его салфеткой не менее сотни раз, и как устало она выглядит. Мне хочется снова взять ее на руки, как будто от этого ей станет легче.

Но вместо этого просто киваю еще раз.

Равенна моргает, а затем улыбается. У меня перехватывает дыхание, как тогда, когда увидел ее в первый раз.

— Людям и правда нужно потрудиться, чтобы вытянуть из тебя хоть слово, Алессандро. — Она качает головой.

Шарф на ее шее развязался, и мой взгляд падает на ее горло. Точнее, на яркие красные следы на нем. В моей груди разгорается убийственная ярость. Я упираюсь ладонями в дверь по обе стороны от нее и опускаю голову так, что наши лица оказываются в нескольких дюймах друг от друга.

— Отпечатки оставил Рокко? — говорю я сквозь стиснутые зубы.

Из уст Равенны вырывается вздох.

— Когда, Равенна?

Она поворачивается, крутит ручку и исчезает в своей комнате, закрыв за собой дверь. Я сжимаю руки в кулаки и делаю глубокий вдох. И еще один. Он посмел прикоснуться к ней. Сделать ей больно. Должно быть, это произошло сегодня утром, после моего ухода.

Достав телефон, я открываю приложение для отслеживания. У меня не было возможности установить маячок на новую машину Рокко, но я поставил жучки на машины его охраны. И куда едет Рокко, туда едут и они.

* * *

С самого верхнего этажа недостроенного здания гаража мне открывается беспрепятственный вид на окрестности. Я опускаю сумку на землю и смотрю вниз на стройку на другой стороне улицы.

Рокко стоит у импровизированного стола в стороне. Напротив него сидит мужчина, похоже, начальник стройки, и смотрит на разложенные между ними чертежи. Вокруг него в радиусе десяти футов расположились люди из охраны Рокко — пять человек, не спускающих рук с кобуры.

Я приседаю рядом со своей сумкой и начинаю собирать винтовку. Не так много снайперских винтовок, предназначенных для сборки на месте. Большинство из них предназначены для транспортировки и использования в собранном виде, поскольку каждая разборка и сборка высокоточного оружия сказывается на его точности. У этого красавца ствол и оптика собраны в единое целое, поэтому он остается настроенным и готовым к стрельбе. Винтовка стоит больше, чем моя машина, но альтернативой было бы носить с собой оружие длиной в метр. Только сумасшедший мог бы так поступить. Ну, или сумасшедший, или Кай Мазур.

Никто из парней в моем старом подразделении не был вполне вменяем, но Кай Мазур — уникальный тип сумасшедшего. Он напоминал мне дрессированного кровожадного зверя, который никогда не забывал о своей дикой природе. Интересно, его нашли в долбаных джунглях, обучили притворяться цивилизованным и втокнули в программу? Кай был единственным членом команды, которого отправляли на задания до того, как ему

исполнилось восемнадцать лет. Я думаю, что наш командир Крюгер в конце концов пожалел, что взял Кая в команду, и продолжал отправлять его на самые опасные задания, надеясь, что тот не вернется. Но этот маньяк всегда возвращался. За исключением того случая, когда его взяли за то, что он прогуливался по городу с проклятой снайперской винтовкой на спине в разгар дня. Привлекать внимание местных правоохранительных органов было большим «нет» в нашем деле, но почти уверен, что Кай сделал это специально, чтобы раззадорить Крюгера.

Я заканчиваю сборку оружия и укрываюсь за недостроенной парашютной стеной. Рокко, все еще ожесточенно дискутирующий с начальником участка, наклонился над столом, положив ладони на деревянную поверхность. Я смотрю в прицел и целюсь в голову ублюдка. Так просто. Так чертовски просто покончить с его жизнью здесь и сейчас. Я представляю, как пуля проходит через его висок, и замираю от мысли, что его мозговое вещество выйдет с другой стороны, но затем опускаю прицел ниже, пока не попадаю в середину его правой руки. Руки, которая ответственна за синяки на шее Равенны.

И нажимаю на спусковой крючок.

❖ ❖ ❖ Равенна ❖ ❖ ❖

Он увидел.

Не могу поверить, что я забылась и Алессандро увидел мою шею. Я всегда замазываю синяки тональным кремом, но сегодня утром так устала, что решила прикрыть их шарфом. Нанесение макияжа на все лицо истощило все мои силы.

Я беру с тумбочки обезболивающее и жаропонижающее и выпиваю две таблетки. Голова, кажется, сейчас лопнет. Укрываюсь одеялом, закрываю глаза и засыпаю.

* * *

Стук.

Я зажмуриваю глаза и накидываю одеяло на голову.

Бах. Бах.

— Госпожа Пизано! — доносится из-за двери голос горничной.

— Я сплю, — ворчу я и отворачиваюсь к стене.

— Нино хочет поговорить с вами, госпожа Пизано. Он сказал, что это срочно.

Я приподнимаюсь. Что понадобилось от меня начальнику службы безопасности дона?

— Я буду внизу через пятнадцать минут, — отвечаю и поднимаюсь с кровати.

Быстро приняв душ и наложив новый слой макияжа, выхожу из комнаты и спускаюсь вниз. Пока спала, температура спала, и я чувствую себя немного лучше. Однако на лице это не отражается, поэтому я постаралась нанести достаточно грима, чтобы скрыть этот факт. Когда вхожу в кабинет Рокко, Нино стоит у стола. Алессандро в нескольких шагах позади него прислонился спиной к стене.

— Произошла перестрелка, Равенна, — говорит Нино.

— Перестрелка? — Я не понимаю, почему он мне это говорит. Никто никогда не рассказывает мне ничего о «бизнесе».

— Кто-то пытался убить Рокко. Это был снайпер, но он сбежал до того, как нам удалось его найти, — продолжает Нино. — Рокко находится в частной больнице. Врачи пытаются спасти его руку.

— Его руку?

— Да. — Нино кивает. — Стрелок промахнулся. Пуля попала Рокко в правую руку.

Сердцебиение подскакивает, волна эмоций захлестывает меня, но я слишком ошеломлена, чтобы разобраться в какой-то конкретной. Я перевожу взгляд с Нино на тень, нависшую над его спиной. Нет слов, которые могли бы описать взгляд Алессандро, пронзающий мои глаза. Бездонные, темно-синие глубины смотрят на меня с немигающей решимостью. В них столько ярости и злобы, но и удовлетворения. Он наклоняет голову на бок и переводит взгляд на мою шею, где синяки скрыты под несколькими слоями консилера. Потом снова вверх, пока наши глаза не встречаются.

И я понимаю.

Снайпер не промахнулся.

— Равенна, — спрашивает Нино. — Ты в порядке? Тебе нужно присесть?

Я заставляю себя отвести взгляд от Алессандро и качаю головой.

— Я в порядке, Нино.

— Сегодня свидания не разрешены, но Дзанетти может отвезти тебя к Рокко утром, — говорит он и оглядывается через плечо на Алессандро. — Иди собирайся. Я хочу, чтобы ты вернулся сюда через три часа.

— Собираться? — спрашиваю я.

— Дзанетти останется с вами в особняке, пока Рокко не выпишут.

Мне определенно следовало присесть. Я совершенно уверена, что мое сердце вот-вот выскочит из груди.

— Хорошо, — удается сказать мне. — Что-нибудь еще?

— Это все. Я дам вам знать, когда операция Рокко закончится. Не волнуйтесь, эти врачи знают, что делают, и им не впервой лечить людей из «Коза Ностры».

Я провожаю Нино взглядом, пока он выходит из кабинета. Когда он исчезает из виду, делаю глубокий вдох и встречаюсь взглядом с Алессандро, который все еще молча прислонился к стене на другом конце комнаты. Он выпрямляется и направляется ко мне. Каждый его шаг вызывает в моей груди ощущение удара молнии. Он останавливается, возвышаясь надо мной, и я поднимаю голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Это был ты? — шепчу я, глядя ему в глаза.

Алессандро ничего не отвечает. Пару мгновений просто смотрит на меня, затем поднимает руку и слегка проводит тыльной стороной по моей щеке. Прикосновение очень легкое, но все равно кажется, что меня ударило молнией. Не отрывая пальцев от моего лица, он приникает ртом к моему уху.

— Если твой муж еще раз поднимет на тебя руку, — говорит он глубоким, властным голосом, и по спине у меня пробегают мурашки, — я немедленно все исправлю.

Его прикосновение исчезает, и я на секунду закрываю глаза, оплакивая потерю его тепла. Когда снова открываю их, его уже нет.

Я убираю в комод чертеж особняка Пизано, предоставленный Феликсом, надеваю наплечную кобуру и пиджак. Поставил будильник на пять утра, чтобы успеть осмотреть восточное крыло до того, как экономка и горничные приступят к своим обязанностям в восемь.

Когда приехал с вещами вчера вечером, экономка предложила мне занять одну из гостевых комнат в западном крыле. За последние пару недель я уже подробно изучил эту часть дома, поэтому отказался. Вместо этого перешел в небольшую комнату в восточном крыле, которая, скорее всего, предназначалась для хранения вещей, но в какой-то момент ее переоборудовали для домашнего персонала. В ней единственное узкое горизонтальное окно, расположенное высоко на стене. Снаружи его не видно, особенно потому что мешают блок кондиционера и другие приборы учета. Кроме того, рядом находятся кухня и прачечная, которые я пока не успел осмотреть.

Выхожу и направляюсь по коридору в сторону прачечной, проходя мимо кухни и еще нескольких пустых спален персонала. На чертеже было указано, что под основным этажом дома находится недостроенное подвальное помещение, но на схеме не отмечен вход. Я нахожу дверь в подвал в дальнем конце прачечной, за одной из полок с чистящими средствами. Заперта.

Достаю телефон и просматриваю запись с камеры на въездных воротах. Охранники в середине своей смены ведут себя довольно вяло, машин не видно. Отложив телефон, достаю набор отмычек. Дверь в подвал имеет стандартный замок, и на ее вскрытие уходит менее двадцати секунд. Спустившись по ступенькам, оглядываю огромное пространство. Одна комната с печью и баком для воды, стоящими в углу, с трубами и электрическими проводами, идущими вдоль открытых балок. Больше ничего нет, кроме толстых опорных столбов.

Не спеша окидываю взглядом отопительный агрегат и трубы, затем стены, пока не нахожу электрический щит. После этого перехожу к опорным столбам, производя расчеты. Дом оказался меньше, чем я предполагал, но одной перегрузкой электрических цепей не отделаешься. Придется заминировать и столбы. Я делаю еще один круг, чтобы убедиться, что ничего не упустил, и возвращаюсь в прачечную.

Иду по коридору, намереваясь проверить верхний этаж, как вдруг слышу позади себя звуки на кухне. Не слишком ли рано для горничных? Взгляд на часы подтверждает, что еще нет восьми. Я разворачиваюсь и повторяю свой путь обратно, но останавливаюсь в дверном проеме кухни.

У открытого холодильника стоит женщина и что-то ищет внутри. Ее лицо скрыто за дверцей, но уверен, что никогда не видел ее здесь раньше. На ней черные леггинсы и

безразмерный серый свитер с закатанными рукавами. Босые ноги. Длинные черные волосы мягкими волнами спадают по спине.

— Кто ты и что здесь делаешь? — рявкаю я.

Она подскакивает с криком, закрывает холодильник и поворачивается ко мне лицом. У меня округляются глаза от шока.

— Доброе утро, — бормочет Равенна.

Я не могу оторвать от нее взгляд. Если бы увидел ее на улице, то, наверное, не узнал бы. Равенна в сто раз красивее без макияжа. Она похожа на ангела, спустившегося с небес. А еще она гораздо моложе, чем я думал.

— Хм... — Она склоняет голову на бок и берет черную прядь между пальцами, крутя ее. — Ты в порядке?

Нет, я не в порядке.

Меня никогда не привлекали сильно накрашенные женщины, но Равенна меня завораживала, даже когда одевалась в роскошную одежду и накладывала тонны косметики на лицо. Но увидев ее с распущенными волосами, обрамляющими ее ангельское лицо, почувствовал себя так, словно меня ударили под дых, и я не могу втянуть воздух в легкие.

— Мне нужно поехать в больницу, а потом проведать маму, — говорит она.

Я опускаю взгляд на ее горло. Синяки на ее шее сегодня имеют насыщенный фиолетовый цвет, и при виде их во мне вновь вспыхивает ярость. Это моя вина. Мне следовало остаться на этом чертовом балконе и, невзирая на последствия, убить этого ублюдка, как только он вошел в ее комнату.

— Алессандро? — Равенна делает шаг вперед и наклоняет голову.

Я осторожно протягиваю руку и откидываю ее волосы назад, чтобы лучше рассмотреть. Черные пряди ощущаются на моей ладони как шелк.

— Мне нравятся твои длинные волосы, — бормочу я.

Равенна изгибает губы вверх.

— Мне тоже нравятся твои волосы. — Она поднимает руку и несколько мгновений колеблется, затем проводит пальцами по моему затылку.

— Они очень короткие. — Она улыбается.

Я должен уйти, а не рассуждать о чертовых волосах, но не могу заставить себя двигаться.

— Привычка.

Положив руку на ее шею, я прослеживаю кончиком пальца форму каждого синяка. Ее кожа такая нежная, и, видя, что она так изуродована, мне хочется пойти в больницу, отрубить ублюдку руку и заставить его ее съесть.

— Это было в первый раз? — спрашиваю я сквозь стиснутые зубы.

— Да. — Она пожимает плечами. Сейчас ее рука лежит на предплечье, и я чувствую тепло ее прикосновения даже через ткань рубашки и пиджака.

Она лжет. Мне следовало гораздо раньше понять, что ее муж причиняет ей боль. Так много признаков, указывающих на то, что между ними что-то не так, но я был слишком ослеплен ненавистью и сконцентрирован на мести, что решил не заикливаться на них.

Я и сейчас не хочу. Не желаю переживать. Это означало бы распрощаться со своей мстостью и нарушить обещание, которое я дал себе и Натали. А этого не будет. Пусть я пока отклонялся от своего плана, но в конце выполню его полностью. Нужно погасить эти глупые чувства, которые начали зарождаться во мне, обхватывая мое ледяное сердце, словно

раскаленные когти. Я ненавижу Равенну Пизано, и моему глупому сердцу лучше помнить об этом.

Со стороны коридора до нас доносится женская возня и торопливые шаги. Пришли горничные.

Равенна быстро вырывает свою руку из моей и отходит в сторону.

— Я буду готова через двадцать минут, тебя это устроит?

Я киваю и выхожу из кухни.

Так и не произнес ни слова.

Мужчина, сидевший рядом со мной, прострелил моему мужу руку, потому что тот причинил мне боль, но Алессандро не сказал мне ни слова с тех пор, как мы сели в его машину. Но я поймала его взгляд, когда он думал, что не увижу, — косой взгляд, когда перебиралась на пассажирское сиденье вместо заднего. Прищуренный взгляд, когда рылась в сумочке в поисках новой пачки салфеток. Взгляд через отражение в боковом окне, когда пыталась найти на приборной панели кнопку, чтобы включить отопление. Я больше не могла этого выносить.

— Итак... — спрашиваю я. — Тебе нечего сказать?

Ничего. Алессандро продолжает смотреть на дорогу прямо перед собой.

— Похоже на то. — Я сморкаюсь в салфетку. — Жаль. Мне очень нравятся твои односложные ответы.

Он ворчит. Этот человек ворчит на меня.

— Извини, я не говорю на этом специфическом диалекте. Может, попробуешь еще раз?

На этот раз получаю косой взгляд, затем он снова смотрит на дорогу.

— Тебя не смущает мое присутствие, Алессандро?

Я слышу скрип кожи, когда он крепче сжимает руль. На короткое мгновение сухожилия на спине его грубых рук расслабляются. Клянусь Богом, я не понимаю этого человека. Качаю головой и сосредоточиваюсь на зданиях, мимо которых мы проезжаем. Мы почти у больницы.

— Не надо было стрелять в Рокко, — говорю я. Может быть, Алессандро боится, что дон узнает о его поступке? Накажет его за это? Обвинит меня? — Не пойми меня неправильно, я рада, что ты это сделал. Но очевидно, что теперь ты об этом жалеешь. Иначе зачем бы ты вел себя так...

Машина внезапно вильнула вправо, я вскрикиваю и хватаюсь за ручку двери так, будто от этого зависела моя жизнь. Зажмуриваю глаза, пока мы мчимся к фонарю. Я предполагаю, что мы не заметили его, потому что через долю секунды внедорожник с визгом останавливается. Дверь машины захлопывается, и я остаюсь в тишине.

Осторожно открываю глаза и смотрю на Алессандро, который проходит мимо машины и останавливается в нескольких метрах впереди на тротуаре. Словно не чувствует пронизывающего ветра, хотя на нем нет пальто. Оно по-прежнему лежит на заднем сиденье

автомобиля, там, где он его бросил, когда я решила сесть спереди.

Он слегка поворачивается, не совсем в мою сторону, но достаточно, чтобы я поймала его мимолетный взгляд, и запрокидывает голову к небу. Что он делает? Обращается за помощью к небесам? Он держит руки на поясе, и беспокойство, исходящее от него, почти осязаемо. Я наблюдаю, как он, наконец, опускает голову, почти упираясь подбородком в грудь. Затем медленно покачивает ею из стороны в сторону, и у меня создается впечатление, что в нем только что происходила внутренняя борьба.

Наконец, он смотрит на меня через лобовое стекло, наши глаза встречаются. Его глаза испепеляют меня, когда он направляется ко мне, не отрывая взгляда. Чем ближе, тем быстрее он движется. Как хищник, который увидел добычу.

Дойдя до машины, он берется за ручку и с силой дергает дверь. Холодный воздух проникает вместе в ним, когда здоровяк вторгается в мое пространство. Взгляд у него совершенно дикий, как будто он хочет убить меня на месте.

— Вот зачем, — цедит он сквозь зубы и, схватив меня за шею, прижимается своим ртом к моему.

Я не дышу. Не могу! Кажется, что даже сердце перестало биться в эти короткие секунды, пока его губы остаются прижатыми к моим. Не успеваю я ничего понять и отреагировать, как Алессандро разжимает объятия и резко отстраняется.

— Черт! — кричит он, бьет кулаком по крыше машины и захлопывает дверь.

Сердце колотится, когда вижу, как Алессандро обходит внедорожник спереди и садится за руль. Он переводит машину в режим «драйв» и выезжает на дорогу. Поджав губы и приковав взгляд к серой бетонной ленте за лобовым стеклом, он даже не смотрит на меня. Я же, напротив, не могу заставить себя отвести взгляд от его сурового профиля.

Не думаю, что поцелуй когда-либо так сильно меня потрясал, особенно такой стремительный. Или такой гневный. До замужества с Рокко у меня было всего два парня, но ни один из них не вызвал у меня таких чувств, как слишком короткий поцелуй Алессандро. Боже, я хочу, чтобы он снова поцеловал меня.

Прошлой ночью он снова приснился мне. Я стала жаждать ночных грез. На этот раз я оседлала его, а он непрестанно ласково проводил руками по моему животу, груди и дошел до горла. Мне следовало испугаться — он обхватил мою шею руками. Рокко часто держит меня так, когда принуждает к близости. Ему нравится напоминать о своей силе. Но даже во сне хватка Алессандро не испугала меня. Мое подсознание знало, что я могу ему доверять. Я кончила так сильно, что, когда проснулась, все еще дрожала от этой мысли.

Что теперь будет? Я сжала бедра вместе, не в силах побороть возбуждение.

Алессандро паркуется на больничной стоянке и обходит внедорожник спереди, чтобы открыть мне дверь. Он стоит неподвижно, взгляд устремлен куда-то в море машин. Я выхожу из машины и иду к входу для посетителей, а он следует с небольшим отставанием.

* * *

Я смотрю на белую дверь в конце больничного коридора. Мне не нужно указывать путь к палате мужа. Только у одной двери по обе стороны стоит охрана. В приемном покое я замираю перед этой дверью, кажется, на несколько часов, но знаю, что это не более чем на несколько минут.

— Пожалуйста, оставайся здесь, — говорю я Алессандро, не оборачиваясь, и иду по коридору.

Войдя в комнату, застаю Рокко в кровати с приподнятым изголовьем, чтобы ему было

удобнее. На стене напротив висит телевизор, по которому показывают новости. Монитор рядом с кроватью отслеживает его жизненные показатели — сердцебиение, артериальное давление — и время от времени издает ровный звуковой сигнал. Правая рука скрыта от глаз толстым слоем бинтов.

— Она все еще там. Пока что.

Я напрягаюсь, услышав голос Рокко, и заставляю себя посмотреть на него.

— Я уверен, что это были те сербские ублюдки. Больше никого быть не может, — продолжает он. — Но с ними скоро разберутся. Я договорился, что несколько моих ребят наведаются в их клуб и перебьют там всех.

— Дону не понравится, что ты действуешь без его разрешения, — говорю я. Глава нашей семьи очень строго следит за тем, что происходит.

— Один из них чуть не отстрелил мне руку, черт возьми! — рычит он. — Доктор сказал, что они собираются держать меня здесь не меньше трех недель. Три недели!

Я чувствую, как давление в моей груди понемногу ослабевает. Почти месяц без него.

— А потом этот ублюдок Козимо позвонил и сказал, что ему очень жаль, что так получилось, и что он возьмет на себя мои обязанности. И что очень прискорбно, что я не смогу присутствовать на завтрашней вечеринке Джанкарло, — продолжает Рокко. — Он всегда ведет себя так, будто лучше всех, хотя мы все знаем, что к нему особое отношение только потому, что он трахается с матерью дона. Меня там не будет, но ты пойдешь. И после этого расскажешь мне все, что там произойдет. Я хочу знать, кто там присутствовал и что обо мне говорили.

Глубоко вдохнув, сжимаю крепче в руке сумочку. Рокко мог бы купить мне тонны дорогих украшений и экстравагантной одежды, но я никогда не почувствую, что принадлежу к его кругу. В моей семье всегда не хватало денег, и я чувствую себя ужасно в окружении такого богатства, потому что знаю, что мама и брат едва сводят концы с концами на ее зарплату. Я ненавижу ходить на сборища «Коза Ностры».

— Равенна, ты меня слушаешь?

Прикусываю внутреннюю сторону щеки, когда всплывает воспоминание о том, как я свернулась калачиком на полу в ванной. Мысль о том, что никогда не пыталась взломать замок, чтобы выбраться оттуда, разъедает меня, как кислота.

— Я не хочу идти на эту вечеринку, — бурчу я.

Рокко смотрит на меня и наклоняется вперед. Я делаю произвольный шаг назад и упираюсь спиной в дверь.

— Да кому, черт возьми, какое дело до того, что ты хочешь! — кричит он и запускает в меня пультом от телевизора.

Я едва успеваю увернуться и избежать удара в голову.

— Ты будешь делать то, что я скажу, и следи за собой. Я попрошу Дзанетти докладывать мне о твоём поведении. Это ясно?

— Да, — задыхаюсь я.

— Хорошо. А теперь убирайся! Я не могу на тебя смотреть!

Я распахиваю дверь и выбегаю из комнаты. Мчусь по коридору, не обращая внимания на любопытные взгляды проходящих мимо людей. Только добежав до тротуара перед больницей, я останавливаюсь. Сердце вырывается из груди, и я борюсь за каждый вдох.

На мою руку опускается рука, длинные сильные пальцы слегка ее сжимают.

— Он что-нибудь сделал? — Голос Алессандро раздаётся за моей спиной.

Я закрываю глаза и качаю головой. Жалкая. Рокко лежал в постели, почти в десяти футах от меня. Он не смог бы ударить меня, но я все равно запаниковала и убежала, как трусиха. Забавно, что я всегда считала себя уверенной в себе. Никогда не уклонялась от противостояния. Однажды я поймала старшего мальчика из школы, который издевался над моим братом. И ударила его коленом в живот. И посмотрите на меня сейчас. Я в ужасе, потому что этот ублюдок повысил голос.

— Равенна.

По спине пробегает дрожь. Мне нравится, как Алессандро произносит мое имя.

Медленно повернувшись, я смотрю на его суровое лицо. Даже на четырехдюймовых каблуках мне приходится запрокидывать голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Что он сделал? — спрашивает он сквозь стиснутые зубы.

— Он ничего не сделал. — Я моргаю, чтобы не дать слезам пролиться. Я не знаю, почему мне хочется плакать. Может быть, я оплакиваю свою жалкую попытку противостоять Рокко. — Он просто накричал. Я испугалась. Это глупо.

Алессандро гневно раздувает ноздри и опускает голову, чтобы посмотреть мне в лицо. В его глазах опасный блеск, и будь на его месте любой другой мужчина, я бы, наверное, отшатнулась. Как говорится, однажды укушенный — в двойне пуглив. Но я не испугалась.

С тех пор как познакомилась с ним, Алессандро одарил меня множеством разных взглядов. Это было презрение. Злость. Раздражение. Даже ненависть, особенно вначале. Я ни разу не почувствовала от него угрозы.

— Он. Никогда. Больше не прикоснется к тебе, — произносит он тихим голосом.

Уже очень давно никто не заступался за меня. Особенно незнакомый человек или, по крайней мере, не член семьи. Не знаю, верить ли мне в это или нет.

— Ты не можешь этого обещать, — шепчу я. Если Алессандро вступит в какую-либо конфронтацию с Рокко, мой муж прикажет его убить. Или он сделает это сам.

— Да, могу, — говорит Алессандро и улыбается.

Я не в силах отвести взгляд от его рта, замороженная, насколько греховно привлекательной может быть такая злая ухмылка.

Когда мы идем к его машине, он случайно задевает тыльной стороной ладони мою. Прикусив внутреннюю сторону щеки, я придвигаюсь ближе и зацепляю мизинцем его руку.

Алессандро останавливается.

Я тоже замираю, но не решаюсь взглянуть на него. Проходит мгновение. Алессандро продолжает идти, и я следую за ним. Он не убирает мою руку.

* * *

Когда мы доходим до маминой квартиры, Алессандро, как обычно, занимает место у двери, а я иду на кухню, где мама готовит обед.

— Ты позже, чем обычно, — шепчет она, доставая лук. — Что-то случилось?

— В Рокко стреляли.

— Он мертв?

— Нет. В больнице. — Я достаю из пакета несколько морковок и начинаю чистить одну. — Сколько ты получила за браслет?

— Восемь тысяч.

Черт. А я надеялась хотя бы на десять.

— Я посмотрю, есть ли у меня ожерелье, которое не слишком приметное, и принесу его в следующий раз.

— А если Рокко заметит?

— Я просто скажу, что потеряла.

Мама бросает быстрый взгляд на Алессандро, который, кажется, очень заинтересован окном на противоположной стене, затем снова сосредотачивается на луке, который нарезает.

— Куда мы поедem, когда подсоберём деньги?

— Как можно дальше.

— Он придет за нами, Рави. Ты это знаешь.

Я на секунду закрываю глаза. Лгать маме — последнее, что хочу делать, но она никогда не согласится, если узнает правду.

Я с самого начала знала, что сбежать от мужа будет практически невозможно. У него есть средства и связи, чтобы найти меня, куда бы я ни пошла, поэтому решила, что не останусь с мамой и Витто. Устрою их где-нибудь подальше от Нью-Йорка, дам им денег, чтобы хватило на несколько месяцев, и уеду. Рокко будет искать именно меня, и я не позволю, чтобы моя семья стала сопутствующим уроном. Скорее всего, он убьет меня, когда догонит. Никто не может перейти дорогу Рокко Пизано и остаться в живых, чтобы рассказать об этом.

— Мы что-нибудь придумаем, когда придет время, — говорю я. — Где Витто?

— Все еще спит. Вчера вечером он ушел с друзьями и вернулся сегодня утром.

— С какими друзьями?

Она просто пожимает плечами, избегая смотреть мне в глаза.

— Мама?

— Я заставила его пообещать мне, что это в последний раз. Он больше не будет так делать.

— Он был с Уго? — кричу я. — Черт, мама. Они что, опять пошли в тот бар играть в карты?

— Он сказал, что они просто смотрели. Он больше не играет в карты.

— И ты ему поверила? — Я бросаю недочищенную морковь на столешницу и иду через гостиную в спальню брата.

Витто в джинсах и толстовке спит, раскинувшись на кровати. Занавески на окне задернуты, не пропуская свет. Я включаю лампу справа и, перешагивая через лежащие на полу спортивные штаны, тянусь к черному рюкзаку на столе.

— Йо, ма? — Витто сонно ворчит. — Выключи свет.

Открываю рюкзак и высыпаю его содержимое на стол. Наполовину полная бутылка газировки. Пустой пакет с закусками. Наушники. Какая-то мелочь. Еще больше мусора. И пачка денег.

— Витто, какого хрена? — кричу я.

— Рави? — Он садится и смотрит на меня искоса. — Что ты...

— Объясни!

Он смотрит на деньги в моей руке и вскакивает с кровати, хватая меня за ладонь.

— Это мое. Отдай!

— Опять играешь в азартные игры? После всего? Как ты мог?!

— Это моя жизнь! Ты не имеешь права указывать мне, что делать! — Он обхватывает мои пальцы, пытаясь их разжать.

— Но ты можешь разрушить мою?

— Да пошла ты, Равенна! — кричит он мне в лицо.

Витто хватают за шкуру. Я в шоке смотрю, как Алессандро выносит моего брата из комнаты, и бегу за ними. Витто изо всех сил пытается освободиться, дергая ногами в полуметре от земли и выкрикивая при этом ругательства. Алессандро бросает его на пол посреди гостиной и указывает на диван.

— Сядь.

— Какого хрена, чувак? — кричит Витто. — Кто, по-твоему...

Алессандро делает шаг вперед.

— Сядь. Живо.

Мой брат опускается на диван и скрещивает руки на груди.

— А теперь извинись перед сестрой.

Витто бросает косой взгляд на Алессандро, затем поворачивается ко мне и поджимает губы.

— Рави, прости меня.

Я качаю головой и сажусь на диван рядом с ним. Алессандро возвращается на свое место рядом с входной дверью, но не сводит взгляда с моего брата. Моя мама все еще на кухне, руками она держится за стойку, голова низко опущена. Я не вижу ее лица, но знаю, что мама плачет по тому, как вздрагивает ее тело.

— Ты должен остановиться, Витто. Это не игра. — Я беру его руку в свою и бросаю взгляд на Алессандро. Он все еще наблюдает за нами. — Ты знаешь, что случилось в прошлый раз.

— Но все закончилось хорошо, Рави. Ты теперь живешь в хорошем месте. У Рокко куча денег, и он всегда покупает тебе модную одежду. У тебя прекрасная жизнь и...

— Заткнись, Витто, — рычит моя мама из кухни.

— Но это правда, мам. Если бы не я, она не была бы богатой. Мне придется подождать еще как минимум пару лет, прежде чем мне разрешат вступить в «Коза Ностру» и начать зарабатывать деньги, как Рокко.

Мама врывается в гостиную и хватается моего брата за капюшон толстовки, дергая его.

— Ты что ни разу не задумывался, почему твоя сестра носит солнечные очки почти каждый раз, когда приходит сюда? — кричит она ему в лицо.

— Мама, не надо. — Я хватаю ее за предплечье. — Пожалуйста.

— Что правда, Витто? — продолжает она кричать, а по ее щекам катятся слезы. — Потому что она не хочет, чтобы мы видели синяки! Рокко бил ее с самого начала. Ты наломал дров, и ей приходится за это расплачиваться! И ты продолжаешь это делать.

Витто смотрит на маму, потом поворачивается ко мне.

— Рави? Это ведь неправда? Тебе нравится Рокко. Ты сама мне об этом говорила.

Я прижимаю к глазам ладони и качаю головой. Мама обещала, что никогда не скажет моему брату правду.

— Господи, мать твою, — задыхается Витто. — Я убью его. Я убью его!

Он вскакивает с дивана и бежит к входной двери.

— Витто! — Я вскакиваю, чтобы остановить его, но в этом нет необходимости.

Когда мой брат добегает до двери, Алессандро заключает его в медвежьи объятия. Витто бьется, трясет головой направо и налево, пытаясь ударить Алессандро головой. Но мой защитник просто стоит на месте, прожигая меня глазами, полными ярости.

— Оставайся здесь, — говорит он и открывает дверь, вынося моего брата на улицу.

— Отпусти меня, сука! — Парень извивается, брызжа слюной.

Я опускаю его на землю и прижимаю к стене коридора.

— Успокойся.

— Я не могу, черт побери, успокоиться! Этот сукин сын бил мою сестру! Я его убью!

— Ты никого не убьешь.

— А ты подожди и увидишь! — кричит он и пытается освободиться. Я еще немного надавил на него.

— А ты хочешь, чтобы твоя сестра смотрела, как тебя сажают в тюрьму? Или, что еще хуже, присутствовала на твоих похоронах? Потому что, поверь мне, нет ничего более мучительного, чем видеть, как гроб с твоим родным человеком опускают в землю.

Парень перестает дергаться и наклоняет голову, чтобы посмотреть на меня.

— Сейчас ты успокоишься, вернешься в дом и обнимешь свою сестру. Скажешь ей, что любишь ее и что в будущем ты больше не будешь создавать проблем.

Парень смотрит на меня, потом кивает.

— А что насчет Рокко? Если он снова...

— Рокко Пизано уже много лет назад подписал себе смертный приговор, — говорю я. — Он больше не тронет твою сестру.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты не можешь никого ударить, если у тебя нет рук. И потому что я убью его прежде, чем у него появится шанс снова к ней приблизиться. — Я опускаю ребенка. — Иди в дом. Скажи Равенне, что я буду ждать ее здесь.

Он поворачивается ко мне и сужает глаза.

— Ты серьезно хочешь убить его?

— Да.

— Надеюсь, он будет страдать.

На моем лице появляется легкая улыбка.

— Очень.

Витто, уже не тот вспыльчивый подросток, что был несколько минут назад, бросает на меня взгляд человека, понимающего всю серьезность ситуации, и уходит в дом. Я прислоняюсь спиной к стене напротив двери квартиры, прислушиваясь к тихим словам, но не подхожу ближе, чтобы слышать их более отчетливо. Я едва держусь на волоске, и если еще хоть раз услышу о том, как этот сукин сын причинил ей боль, ворвусь в больницу и отрежу голову этому мудаку.

Равенна выходит спустя несколько минут, ее взгляд прикован к ветхому полу.

— Мне жаль, что тебе пришлось стать свидетелем этого, — бормочет она.

Я поднимаю ее подбородок рукой. Ее глаза встречаются с моими. Грустные. Затуманенные слезами.

— Почему ты вышла замуж за Рокко? — спрашиваю я. — Ты любила его?

С ее губ срывается страдальческий смех.

— Моему брату пришла в голову шальная мысль — сыграть с Рокко в покер. Витто проиграл. А я пошла в оплату долга.

Я пристально смотрю на нее. Ходили слухи, что Рокко выиграл свою жену в карты, но думал, что это не более чем сплетни.

— Кто знает? — спрашиваю я сквозь стиснутые зубы.

— Что Рокко избивал меня? Кроме мамы, никто. Может быть, один из охранников, который видел синяки.

— Как его зовут?

Глаза Равенны удивленно распахиваются.

— Зачем?

Зачем? Затем, что я хочу найти того гаденьша, который видел, что ей причиняют боль, и ничего не сделал. Я зажмуриваю глаза, пытаюсь выкинуть эту мысль из головы. Она — моя цель. Тот факт, что над ней издевались, не должен иметь для меня никакого значения. Я не буду подвергать свой план дальнейшей опасности из-за нее. Она ничего для меня не значит.

Я нежно поглаживаю ее по щеке. Кожа под моими пальцами такая мягкая, словно пуховые перья.

— Равенна, назови мне его имя.

— Федерико.

Лысый парень из второй смены, который работает на воротах. Я киваю.

— Кто-нибудь еще?

— Нет. Рокко очень четко предупредил, что будет с моей мамой и братом, если я кому-нибудь расскажу. — Она опускает плечи. — Мама продает одежду и украшения, которые я ей даю. Еще через несколько месяцев у меня будет достаточно денег, чтобы мы втроем смогли сбежать. Но пока этого не произошло, я должна терпеть.

Я приподнимаю ее подбородок.

— Терпеть?

— Ты думаешь, я слабая? Просто позволяю этому случиться и ничего не делаю? — Равенна качает головой. — Я сопротивлялась. Когда Рокко ударил меня в первый раз, я попыталась разбить о его голову настольную лампу. Он ударил меня так сильно, что я не могла есть твердую пищу до конца недели.

Как от взрыва гранаты, я чувствую, как сотрясается моя каменная крепость. Дрожь расшатывает фундамент моего плана мести. Да, вначале я считал ее слабой, несерьезной, трофейной женой, чьи интересы сводятся к покупке одежды и шествию с видом святой королевы. Она и меня обманула. Или, лучше сказать, я позволил себя обмануть, потому что так было легче ее ненавидеть. Она с самого начала пыталась бороться с этим сукиным сыном, а когда не смогла сделать это с помощью силы, прибегла к хитрости. Одна.

— Ты далеко не слабая, Равенна. — Я глажу ее по щеке тыльной стороной ладони, в то время как еще один огромный кусок моей крепости отламывается и рассыпается в облако пыли.

* * *

По возвращении в особняк я провожаю Равенну до парадной двери, разворачиваюсь и, изобразив непринужденную прогулку по территории, направляюсь к караульному помещению. Вблизи старого дуба имеется «мертвая зона». Зная, что камеры здесь не помещают, я останавливаюсь и достаю телефон.

Переключить несколько каналов без ноутбука не получится, но могу настроить один с помощью программы на телефоне. Я выбираю камеру с видом на караульное помещение, запускаю фиктивную запись, которую подготовил несколько дней назад, и переключаюсь. Теперь никто не увидит, как я проскользну в дверь в нужный момент.

Я жду, укрывшись в тени возле внешней стены караульного помещения, недалеко от пешеходных ворот, которые находятся рядом с главными. Через окно вижу, что происходит внутри.

Федерико и еще один охранник сидят перед мониторами за столом, заваленным контейнерами с фастфудом. Пятнадцать минут спустя другой человек выходит из караульного помещения и направляется к деревьям, вероятно, чтобы отлить. Федерико остается, его внимание сосредоточено на стене мониторов перед ним. Я проскальзываю внутрь и подхожу сзади. Закрыв ему рот левой ладонью, я одновременно обхватываю его шею другой рукой, надавливая на обе сонные артерии.

Это не «вулканское» защемление нервов и не как в кино, когда противник мгновенно теряет сознание. В реальности нужно удерживать давление на обе точки не менее семи секунд, чтобы перекрыть приток крови к мозгу. Когда тело Федерико обмякло, я зажимаю ему нос и хватаю гамбургер из одной из коробок на вынос, запихивая его глубоко в горло. Он довольно быстро приходит в себя и начинает дергаться, задыхаясь, но я закрываю ему рот и нос. Через несколько мгновений он перестает бороться и снова обмякает. На этот раз навсегда. Я смотрю на рвотные струйки, вытекающие изо рта Федерико по подбородку, а затем выскользываю из караульного помещения.

Когда возвращаюсь к особняку, то бросаю взгляд на второй этаж и на последнее окно слева. Свет в комнате Равенны не горит, но вижу ее силуэт за плотной шторой. Я останавливаюсь, достаю телефон и набираю ее номер. Она отходит от окна, а спустя несколько мгновений возвращается. Равенна отодвигает занавеску в сторону и стоит с телефоном в руке.

Гудки прекращаются, когда Равенна берет трубку, но она ничего не говорит. Я слышу только ее тихое дыхание.

— Завтра в шесть утра, — говорю я. — В библиотеке. Надень что-нибудь удобное.

Несколько секунд молчания, и она шепчет:

— Для чего?

— Потому что в нем будет лучше двигаться. — И потому что я позабочусь, чтобы она больше никогда не чувствовала себя незащищенной.

Я заканчиваю разговор и наблюдаю за ней. Издалека свет от фонаря на подъездной дорожке бросает отблеск на лицо Равенны. Она смотрит на меня, потом кивает. Занавеска опускается. Мгновение спустя Равенна скрывается из виду.

Я должен был убить ее, как только переступил порог этого дома. Но этого не сделал. А теперь уже не в состоянии это сделать.

••••• Равенна •••••

Войдя в библиотеку, смотрю на высокие деревянные книжные полки, закрывающие все стены. Впервые попав в эту комнату, я удивилась количеству томов в кожаных переплетах, заполняющих красивые старинные полки. Каждая полка заставлена книгами одного цвета.

Я не сразу поняла, что книги здесь не потому, что мой муж любит читать, а потому что они придают комнате красивый вид. Рокко любит, чтобы в этой комнате подавали коктейли для его друзей, дабы те охали и ахали при виде роскошного помещения. Единственное, что важно для мужа, — это мнение окружающих. Когда нет гостей, единственные, кто посещает библиотеку, — это я и одна из горничных, которая убирает кабинет два раза в неделю.

Алессандро сказал, что придет в шесть часов, но до сих пор его нет, хотя часы на левой стороне комнаты показывают десять минут седьмого. Я понятия не имею, зачем он меня сюда позвал. Решив вернуться в свою комнату, поворачиваюсь и наталкиваюсь на широкую мужскую грудь. Я запрокидываю голову вверх и встречаюсь со взглядом Алессандро.

— Извини, я опоздал, — говорит он. — Произошел инцидент.

— Инцидент?

— Вчера вечером один из охранников подавился едой. Нино приехал с заменой.

— Охранник мертв?

— Да. — Алессандро кивает, затем проходит мимо меня и направляется к большому окну, выходящему в сад.

Я недоуменно гляжу вслед удаляющейся фигуре. Алессандро всегда выглядит так грозно, во что бы ни был одет. Конечно, дело не только в его телосложении. Его замкнутость и холодная отстраненность окружают его, как вторая кожа. Даже в темно-синих спортивных штанах и белой футболке, плотно обтягивающей широкие плечи и большую спину, Алессандро выглядит так, будто может побороться с десятком мужчин и не вспотеть. Пока я любовалась его мускулистым телом, он подходит к окну и задергивает шторы.

— До прихода персонала осталось меньше двух часов, — произносит он, глядя на наручные часы. — Нам лучше начать.

— Что начать?

Алессандро останавливается прямо передо мной.

— Твой первый урок самообороны, — говорит он, и не успеваю я обдумать это заявление, как он обхватывает меня обеими руками за шею.

Я замираю. Он не причиняет мне боли, и его хватка в основном ослабла, но я все еще не могу пошевелиться.

— Освободись.

Я недоуменно гляжу на него.

— Сейчас же, Равенна.

— Ты весишь больше меня в два раза, — бормочу я.

— Наверное, в три раза, но это не важно. Я не прошу тебя вырубить меня. Просто освободись из моего захвата.

— Почему?

Он наклоняется, приближаясь к моему лицу.

— Потому что зная, что можешь вырваться, ты сохранишь спокойствие. А освободившись, возьмешь ситуацию под контроль.

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Руки Алессандро остаются на моей шее, и мне нравится, что они там.

— Даже если я освобожусь от руки Рокко, он все равно поймает меня. И тогда будет только хуже.

— Посмотри на меня.

Когда открываю глаза, Алессандро придвигается еще ближе, и лбом практически касается моего.

— Я уже говорил тебе. Твой муж больше никогда не поднимет на тебя руку. — Он так близко, что я чувствую его дыхание на своей коже. — Дело не в Рокко. Дело в тебе, Равенна. Чтобы ты никогда не чувствовала себя беспомощной и всегда могла защитить себя. А теперь постарайся вырваться.

Я смотрю на его хмурое лицо и темно-синие глаза, затем обхватываю руками его запястья, отталкивая их в сторону. Ничего не происходит. Ни на дюйм.

— Ты пытаешься противостоять мне в силе, — говорит он. — Большинство мужчин будут крупнее и сильнее тебя.

— И что тогда?

— Нужно бить по моим слабым местам. Большие пальцы. — Он убирает правую руку с моего горла и кладет ее на макушку моей головы. — Отступи назад правой ногой. Затем наклонись. — Он толкает мою голову вниз и направляет ее под свою левую руку. Его хватка на моей шее исчезает. — Ты свободна.

— Твоя хватка была слабой.

— В следующий раз не будет. Еще раз.

Он снова обхватывает пальцами мое горло, но его хватка остается слабой.

— Нога. Наклонись. Всем телом, Равенна, а не только головой. Еще раз.

Я продолжаю тренироваться, но все равно плохо концентрируюсь на самом движении. Всё внимание сосредоточено на руках Алессандро на моей шее. Его пальцы в моих волосах, он направляет меня, когда я не опускаюсь достаточно низко. Близость его тела.

— Тебе нужен перерыв? — спрашивает он после двадцатого или около того раза.

Да. Нет. Не знаю. В голове туман, и не могу понять, то ли это от того, что я повторяю одно и то же движение снова и снова, то ли от того, что он так близко. Думаю, последнее. И я хочу больше его прикосновений.

— Давай повторим еще несколько раз, — выдыхаю я.

Алессандро кивает и кладет руки мне на шею. Я не делаю движения, чтобы наклониться. Вместо этого поднимаю руки и обхватываю пальцами его запястья. Или, по крайней мере, пытаюсь это сделать. Его запястья толще, чем мои лодыжки.

— Мы уже выяснили, что такой подход не сработает, Равенна.

— Я помню, — отвечаю и удерживаю его взгляд. Алессандро переводит взгляд на мои губы. Боже, как же я хочу снова почувствовать его губы на своих — так сильно.

Он ослабляет хватку на моей шее и поднимает руки, обнимая ладонями мое лицо. Его выражение лица совершенно не читается, в отличие от опасного взгляда его глаз. Внешне он кажется невозмутимым из-за того, что мы находимся так близко друг к другу, но я вижу правду в его пылающем взгляде. Под его пристальным взором пульс у меня учащается вдвое. В его темно-синих глазах плещется желание сожрать меня заживо — большая, голодная, дикая кошка, готовая наброситься. И я не стану возражать.

Я провожу руками по его предплечьям, наслаждаясь напряженными мышцами под ладонью. Он меняет позицию, и мое сердце учащенно забилося.

— Давай попробуем что-нибудь другое, — резко произносит он. В следующее мгновение я оказываюсь прижатой спиной к его спине, а его руки обхватывают меня. — Это называется «медвежья объятия сзади». Что бы ты сделала?

Я раскачиваюсь вправо и влево, но это не помогает. Его руки по-прежнему крепко обхватывают меня.

— Я больше и сильнее и нахожусь в выгодной позиции, у меня нет слабых мест, которыми ты можешь воспользоваться. Я контролирую все твое тело. Ты должна сделать так, чтобы мне было сложнее. Что ты можешь сделать?

— Я не знаю.

— Широко расставь ноги и смести центр тяжести тела вперед.

— Да, вот так. Теперь ты можешь топнуть ногой. Или ударить меня по яйцам.

Я смотрю на него через плечо.

— Почему бы сначала не попробовать это? — Алессандро наклоняет голову, пока его рот не касается моего уха. — Потому что, расширив свою позицию, ты усложнишь мне задачу повалить тебя на пол и прижать к себе.

Знаю, что он не причинит мне вреда, но то, что я беззащитна, должно меня хоть немного пугать. Но это не так. Вместо того чтобы испугаться, я прикусываю губу и откидываюсь на его грудь, представляя, каково это — быть прижатой к его телу. Будет ли это ощущение как в моем сне?

Алессандро зарывается носом в мои волосы и вдыхает. Он прижимается ко мне все крепче, но теперь меня обхватывает только его левая рука. А правой рукой он медленно проводит по моим шортам для йоги, спускается вниз по животу и еще ниже.

— Я не понимаю, Равенна, как женщина может так сильно меня одурманить. — Он скользит ладонью по моему лобку и ниже, заставляя меня судорожно хватать воздух. Мне так хочется повернуться, но его объятия слишком сильны. — Годы планирования. Все насмарку.

Он ласкает меня между ног пальцами. Жестко. Тонкая ткань моих шорт почти не защищает. В трусиках собирается влага. Я раздвигаю ноги и хватаюсь за его предплечье, прижимаясь к его руке. Алессандро переходит на мою шею, прикусывая чувствительную кожу.

— С того момента, как увидел тебя, Равенна, ты, как чума, захватила мой разум, — говорит он рядом с моим ухом и целует его. Он зол. Разочарован. Я слышу это по голосу, и он совершенно не похож на то, как нежно его губы покусывают мою кожу. — Запудрила мне мозги так, что я уже не могу нормально соображать.

Я стону, когда он хватается за пояс моих шорт, спустив их вместе с трусиками. И снова скользит пальцем между моими складочками. Медленно. Так медленно, что это похоже на наказание.

— Мне снятся сны о тебе, — лепечу я, сгибая колени и пытаюсь втянуть в себя побольше его пальца. Он прижимается твердым членом к моей спине, и я вздрагиваю от этого прикосновения. — Знаю, что это неправильно, но не могу запретить себе мечтать о тебе.

Он вводит в меня палец, а затем добавляет еще один, растягивая меня.

— Расскажи мне о своих снах, Равенна.

— В них всегда ты. Овладеваешь мной. Поглощаешь меня.

Глубокое урчание вырывается из его горла, и на следующем вдохе я чувствую его язык на своей коже.

— Как?

— Всеми возможными способами, — выдыхаю я.

Алессандро замирает, и в течение нескольких мгновений я чувствую лишь движение его груди у себя за спиной. Он ругается. Зубами покусывает мое горло, обдувая горячим дыханием мою кожу, заставляя меня дрожать. Убрав руку, он разворачивает меня, и я оказываюсь прижатой спиной к стене.

— Этого не должно было случиться, — говорит он, приподнимая меня за задницу. Его голос хриплый. Напряженный.

Я обхватываю его ногами за талию и беру его лицо в ладони.

— Я знаю, — отвечаю и прижимаюсь к его рту.

Он прикусывает мою нижнюю губу и сосет ее, одновременно упираясь в меня членом. Как и все мое тело, мои пальцы дрожат, когда скольжу ими по его коротким волосам. Я так долго представляла себе эти ощущения, и они превосходят все мои самые смелые мечты. Мы только целуемся, а я уже близка к тому, чтобы сгореть.

— Ты знаешь, почему я здесь? Почему согласился на эту работу? — спрашивает он, осыпая поцелуями мою шею. Он говорит с хрипотцой. В его голосе слышится обвинение.

Я просовываю руку между нашими телами, дергаю за шнурок на его трениках и освобождаю его член.

— Почему? — спрашиваю, чувствуя головку его твердого члена у своего входа.

Алессандро проводит губами по моему подбородку ко рту и останавливается, как только достигает цели.

— Я пришел сюда, чтобы отомстить твоему мужу, — признается Алессандро мне в губы и медленно погружается в мое истекающее влагой лоно. — И ты, Равенна, была моей мезтью.

В его словах столько негодования. Я должна почувствовать угрозу. Он только что признался в своем намерении покончить с моей жизнью, но и мое тело, и разум игнорируют этот факт, слишком увлеченные тем, что требуют его губы.

Алессандро отступает, затем снова входит в меня до упора, прижимаясь ко мне всем телом. Я едва дышу, мои внутренние мышцы судорожно сжимаются вокруг его члена. Он не шевелится, просто стоит, а его член внутри меня.

— Я ненавижу тебя, Равенна Пизано, — рычит он мне в лицо и снова входит в меня.

Я с трудом дышу, зрение затуманивается, а тело сотрясает дрожь. Я хватаюсь за его плечи и кричу, пока он вбивается меня, как будто хочет выправить это утверждение на моих костях. Но я отпускаю его и плыву по волнам наслаждения.

— Скажи мне, Равенна, — раздается хриплый голос Алессандро рядом с моим ухом. — А твой муж трахает тебя вот так?

Я впиваюсь зубами в его шею.

— Почему тебя это волнует?

— Почему тебя это волнует? — шепчет она, и от этих слов у меня в голове начинается хаос.

Почему меня это волнует? На задворках сознания раздается громоподобный звук: от созданной мной крепости отваливается еще один огромный кусок. Я пытаюсь поймать его, вернуть, но осколок лишь рассыпается в небытие.

— Ответь мне! — рычу я в это ангельское лицо, взволнованное и покрытое испариной.

Мне нужно знать. Одна мысль, что этот засранец трахает ее так, сводит меня с ума. Вердикт о моей вменяемости еще не вынесен.

Равенна хватает меня за шею, впиваясь длинными ногтями в кожу.

— Рокко — импотент, — хрипит она. — Он никогда не...

Я замираю на мгновение, пока пытаюсь осмыслить услышанное. Чертов Рокко Пизано никогда ее не трахал. Я запутываюсь пальцами в длинных черных прядях на затылке Равенны и погружаюсь в нее. Равенна стонет, и я прижимаюсь к ее рту, глотая столь сладкий, восхитительный звук ее удовольствия, чтобы сохранить его для себя.

Придерживая ее голову рукой, я вхожу в нее, наконец, собираясь с мыслями о неделях разочарования и бессонных ночей, которым она меня подвергала. Я говорю себе, что мой неумолимый темп — это наказание. Ее? Мое? Я хочу уничтожить ее за то, что она заставила меня предать свою клятву. Разрушить все, ради чего я жил последние восемь лет. Я заставляю себя поверить в это, в то время как в моем сознании бушует ураган, разрушая все планы мести и оставляя от неё жалкие обломки. Их так много, что я никогда не смогу собрать их и вернуть на место.

Я продолжаю вколачиваться в своего ангела с волосами цвета воронова крыла — женщину, которую я поклялся убить, — повторяя в уме одну и ту же мантру.

Я ненавижу ее. Ненавижу ее.

И все же не могу убрать руку с затылка, не могу рисковать тем, что ей будет хоть немного больно, пока мы стораем в безумии.

Равенна сжимает мои руки, ее ногти впиваются в мою кожу, она дрожит от удовольствия. Я ускоряюсь, вглядываясь в ее лицо. Пот попадает мне в глаза, жжет, но смахнуть его я не решаюсь, даже моргнуть не смею. Я должен увидеть ее, когда она кончит. Желание стать свидетелем ее оргазма — первобытное и неумолимое. Равенна выгибает спину, с ее губ срывается упоительный крик, а ее мышцы сжимаются вокруг моего члена. Последним толчком я погружаюсь в нее и с ревом выплескиваю свое семя. Звук гортанный и прерывистый, крик одновременно триумфа и поражения.

Закрыв глаза, я прижимаюсь лбом к ее лбу. Что я наделал?

Мягкие, соблазнительные губы касаются моих. Теплое дыхание овеивает мое лицо. Я отвечаю на поцелуй, хотя не должен. Но ничего не могу с собой поделать. Каждое касание наших языков, каждая ласка — рай и ад одновременно. Наслаждение и боль.

Одна часть меня хочет остаться вот так навсегда, с ней в моих объятиях. Но другая часть кричит от злости, называя меня предателем. Борьба за власть двух половинок бушует в моей душе, разрывая ее на части. Боль почти физическая, она сжимает меня в своих объятиях до тех пор, пока одна из сторон не одерживает победу.

Я отпускаю волосы Равенны и отстраняюсь от ее губ.

— Этого больше не повторится, — говорю я, опуская ее на пол.

не так. Я зашла в его комнату, передала вещи, которые он просил принести, и ушла. Это длилось меньше пары минут, но все равно это было недостаточно быстро, и мне не терпелось поскорее уйти оттуда.

Когда закончила с этой работой, Алессандро отвез меня в торговый центр, где я купила еще одежду, а затем к маме, где оставила ей вещи, купленные для госпожи Нателло. Когда мы вернулись в дом, Алессандро скрылся в своей комнате, пока не пришло время отправляться на эту чертову вечеринку.

Он поднимает глаза, и на какую-то мимолетную секунду наши взгляды встречаются, но быстро их отводит. Это больно. Особенно потому что я никогда не чувствовала себя так, как сегодня утром, окруженная его телом, его горячим дыханием на моем лице и с членом во мне. Я чувствовала себя... свободной. Как будто никто и ничто не могло добраться до меня или причинить мне боль. Его присутствие было непроницаемой стеной, укрывающей и защищающей меня от бед.

Я должна стыдиться того, что изменила своему мужу, но не стыжусь. Если бы могла повернуть время вспять, то сделала бы это снова и снова. Я хочу вновь почувствовать Алессандро рядом с собой, и дело не только в сексе. Дело в нем. С того дня, как мы встретились, чувствовала тягу к нему. Мне казалось, что и он что-то чувствует ко мне. В своей жалкой потребности быть любимой я позволила себе увидеть то, чего никогда не существовало. Он просто хотел трахнуть жену своего босса в качестве мести.

— Равенна, дорогая?

— Прости. — Я быстро отвожу взгляд от своего телохранителя. — Я потерялась в мыслях.

— Это понятно. Ты, наверное, волнуешься за Рокко. Врачи сказали, когда он сможет вернуться домой?

Желчь подкатывает к горлу при этой мысли.

— Через несколько недель.

— Ой, так долго? Ты, наверное, скучаешь по нему. Вы такая красивая пара. — Она улыбается и начинает говорить что-то еще, но тут где-то в зале раздаются крики.

Я поворачиваюсь к группе, собравшейся за одним из столиков, и как раз вовремя, чтобы увидеть, как пожилой мужчина замахивается кулаком на другого парня.

— Я так и знала, что с этим человеком жди беды, — произносит рядом со мной Элеонора, кивая в сторону парня помоложе, который уклонился от удара и теперь отвечает ударом ногой в живот своего оппонента.

— Кто это? — спрашиваю я.

— Дамиан Росси. Его брат — дон в Чикаго. — Она ухмыляется. — Ортензия говорит что он просто монстр в постели.

— Ему разрешили приехать сюда? — спрашиваю я. Членам других семей «Коза Ностры» строго запрещено появляться в Нью-Йорке без разрешения нашего дона.

— У Аджелло какой-то крупный бизнес с его братом. Должно быть, Дамиан получил разрешение, которое, я уверена, скоро отменят. Тот человек, который пытался его задушить, — муж Ортензии.

Охранники подходят к Дамиану Росси, пытаясь его усмирить. В этой суматохе преданный муж что-то кричит и лезет в пиджак. Что происходит дальше, я не вижу, потому что перед глазами материализуется солидная гора мышц, скрытая черным костюмом. Раздается выстрел.

Две огромные руки обхватывают меня, и вот уже мои ноги болтаются над полом, когда Алессандро несет меня через всю комнату. Я не вижу, куда он идет и что происходит, потому что мое лицо и тело прижаты к его лицу. Я слышу только крики и еще один выстрел где-то позади Алессандро. А он тем временем невозмутимо продолжает шагать к своей цели. Я понимаю, что в его работе такое случается часто, но разве не надо бежать, когда вокруг стреляют?

— Мы идем на прогулку? — бормочу я ему в грудь.

— Нет.

— Тогда, может быть, ты сможешь идти быстрее?

— Ни одна пуля не попадет в тебя, Равенна.

Конечно, не попадет, когда я вся закрыта его телом!

— Может, и попадет! — огрызаюсь я.

— Шансы на это невелики.

Позади нас хаос в комнате, кажется, утих, потому что теперь слышно только тихое бормотание. Не сомневаюсь, что гости вечеринки уже перешли от истерик к сплетням. Размеренные шаги Алессандро замирают, он опускает меня на пол, но при этом крепко обнимает.

— Не двигайся, — говорит он, наконец отпуская меня и поворачиваясь, чтобы осмотреть комнату.

Я не вижу ничего, кроме его до смешного широкой спины, поэтому наклоняюсь немного в сторону, чтобы оглядеть комнату. Дамиана Росси оттаскивают несколько парней. Он выглядит разъяренным, но невредимым. Другой мужчина, муж Ортензии, скорчился на соседнем стуле, прижимая к подбородку пакет со льдом. Остальные гости собрались в небольшие группы по три-четыре человека, переговариваются между собой и машут официантам, чтобы те принесли еще выпивки. Типично.

— Все безопасно, — говорит Алессандро.

Я даже не смотрю на него, оглядываясь по сторонам и направляясь к бару, где Элеонора стоит с Пьетро. Ощущение того, что я крепко обнимаю Алессандро, не исчезает. Я хочу большего. Это как мгновенная зависимость, которую может насытить только он. Я презираю это.

— Джин с тоником, — говорю я бармену и занимаю место справа от Элеоноры.

Если бы здесь был мой муж, у него бы точно случился приступ. Жену Рокко Пизано никогда не увидят ни с чем, кроме вина. Ну, к черту Рокко. И к черту жену Рокко. Я сама по себе, у меня есть свои предпочтения и недостатки. И я ненавижу вино. Муж изо всех сил пытался подавить меня, и я ему это позволила. С каждым унижительным замечанием, с каждым ударом позволяла себе замыкаться все сильнее и сильнее, пока от меня не осталось почти ничего. Только после того, как меня трахнул, а потом оттолкнул мой телохранитель, я пришла в себя.

— Боже мой, это было ужасно, — восклицает Элеонора. — Одна из пуль повредила потолок. Думаю, нам больше не разрешат арендовать это место.

— Скорее всего, нет. — Яжимаю плечами, беру фужер, который бармен поставил передо мной на подставку, и делаю большой глоток.

— Мне нужно найти Джанкарло. Может быть, он сможет образумить менеджера. Пьетро, ты можешь составить компанию Равенне?

— Конечно. — Пьетро кивает. — Равенна, ты как, держишься?

— По сравнению с моей свадьбой это просто мелкая ссора.

— Да, я помню ту ночь.

— Я тоже. Очень хорошо.

Во время свадебного банкета напали ирландские наемники, когда все были на улице и смотрели фейерверк. Несколько человек погибли, и Рокко пришлось до утра разбираться с властями. Он пришел домой в ярости и попытался меня трахнуть. Потом он меня избил.

— Нино сказал мне, что Рокко потерял одного из своих охранников ночью. Федерико, верно? Бедолага, так подавиться едой.

Фужер выскальзывает у меня из рук и разбивается об пол. Мой взгляд устремляется на Алессандро, который снова притаился у стены. Его поза неподвижна — спина прямая, взгляд устремлен на Пьетро.

— Равенна? С тобой все в порядке? — спрашивает Пьетро.

— Я в порядке, — шепчу я.

Это просто совпадение? Не может быть. Он спросил у меня имя охранника, который знал, что Рокко ударил меня в ту самую ночь. Сердце подпрыгивает в груди. Может быть, он все-таки что-то чувствует ко мне? Стоп. Я должна перестать думать о нем. Сегодня утром он ясно дал понять, что чувствует ко мне.

— По-моему, ты не в порядке, Равенна. — Пьетро кладет руку мне на плечо.

Я замираю, не в силах пошевелиться. Даже без Рокко рядом меня все равно охватывает паника при мысли, что кто-то заметит и расскажет моему мужу. Этот человек превратил меня в одну из собак Павлова.

— Хочешь, я отвезу тебя домой?

Я не желаю, чтобы Пьетро отвозил меня домой. Я хочу, чтобы это сделал Алессандро.

— Да, это было бы неплохо. Спасибо. — Я улыбаюсь.

Я паркуюсь рядом с машиной Пьетро у особняка Пизано и до боли в руках сжимаю руль, наблюдая, как он провожает Равенну к парадной двери. Только когда Пьетро возвращается в свой автомобиль и выезжает с подъездной дорожки, позволяю себе выйти из машины. Иначе я бы свернул ему шею. Я надеялся, что секс с Равенной поможет мне избавиться от одержимости ею, но от этого стало только хуже.

Я никак не могу разобраться в себе, когда речь идет об этой женщине. Я могу ее ненавидеть, но судя по моему члену, это не так. То, что она заставляет меня чувствовать, никогда не испытывал раньше. Даже с Натали. Я любил свою жену. Но с Равенной... больше не могу отрицать свою потребность в ней. Она въелась в мою кожу, как татуировка, выжглась в моей душе. С каких пор ее защита стала важнее, чем убийство для воплощения моего плана? Спасая одну женщину, я предаю другую, нарушаю клятву, данную на ее могиле. Но лишить Равенну жизни? С таким же успехом могу приставить к своей голове пистолет.

Я поднимаюсь по каменным ступеням и направляюсь внутрь особняка. Уже почти

полночь, поэтому никого нет, и я иду по коридору к своей спальне. Зайдя внутрь, снимаю пиджак и кобуру, достаю чертежи дома и раскладываю схему на маленьком письменном столе, притулившись в углу. Мне нужно сделать что-то, что заставит меня перестать думать о Равенне.

Два часа спустя, совершив очередную, девятую по счету ошибку в обозначении слабых мест первого этажа, я бросаю ручку через всю комнату и отодвигаю бумаги подальше.

Выйдя из комнаты, ступаю по пустому фойе и поднимаюсь по лестнице на второй этаж. Уже глубокая ночь, и, кроме тиканья старинных часов на лестничной площадке, в доме тишина. Поворачиваю налево и шагаю по коридору, останавливаясь перед дверью в спальню Равенны. Ручка холодная под моей ладонью, я осторожно поворачиваю ее и чуть-чуть приоткрываю дверь. Равенна спит, ее длинные волосы разметались по подушке. В ногах спуталось мягкое белое одеяло.

Подхожу к кровати и убираю прядь, упавшую Равенне на лицо и шею. Еще недавно представлял себе, как перерезаю это нежное горло и смотрю, как льется ее кровь. Но сейчас? Сейчас от одной мысли о том, что кто-то может причинить ей хоть какую-то боль, становлюсь совершенно безумным.

Когда получил эту работу и пришел сюда, казалось, что все будет так просто. У меня была цель и способ ее достижения. Но я не рассчитывал, что Равенна Пизано и ее грустные зеленые глаза разрушат все к чертям.

Мне нужен другой способ. Что-нибудь, что отвлечет меня от Равенны. И мне нужно двигаться дальше по своему плану. Пересмотр и адаптация — меня этому учили. Ни один план не выживает после контакта с врагом. Значит, пора меняться.

Для того чтобы испортить строительный бизнес Рокко, потребуется сосредоточенность и несколько дней подготовки, но сейчас я слишком взвинчен, чтобы справиться с чем-то, требующим того и другого. Мне нужно пролить кровь. Немедленно! Похоже, настал момент, когда отец Рокко должен умереть. К сожалению, Пизано не будет присутствовать при этом.

У меня не было возможности изучить дом Элио Пизано, и я не знаю, как передвигаются ребята из службы безопасности. Судя по тому, что видел, когда сопровождал туда Рокко и Равенну, сигнализация там самая обычная, но вся территория хорошо охраняется. Было бы слишком рискованно пытаться проникнуть туда без достаточной разведки патрулей. Но это не важно.

Бросив последний взгляд на спящую Равенну, натягиваю на нее одеяло и бесшумно выхожу из комнаты.

* * *

Дом Элио Пизано расположен между двумя другими домами. У того, что слева, горят садовые фонари, но лужайка вокруг дома справа окутана темнотой. Подойдет.

Воспользовавшись незапертой садовой калиткой, я захожу на территорию соседского дома и крадусь вдоль забора, соединяющего его с домом Элио Пизано, приближаясь к клену, растущему над разделительной полосой. Его ветви прогнулись под моим весом, когда я поднялся и стал осматривать окрестности.

У главных ворот стоят два охранника, но по внешнему периметру их нет. Однако внутри ограды территорию патрулируют по меньшей мере пять человек, и еще больше стоят у входной двери. Камер наблюдения нет, кроме той, что у ворот, которые, похоже, являются единственным входом на территорию.

Я спускаюсь с дерева и иду вдоль забора до места, которое выбрал в качестве точки

входа, достаю из рюкзака захватный крюк и веревку. Во время моих миссий с подразделением Z.E.R.O. мы всегда использовали современные штурмовые крюки, работающие под давлением, но они предназначены для захвата очень высоко расположенных объектов и, как правило, слишком громкие. Для обычных стен домов требуется оборудование старого образца.

Мне понадобилось три попытки, пока крюк не зацепился. С помощью веревки я взбираюсь на гладкую стену, сбрасываю крюк на землю с другой стороны и спрыгиваю вниз.

Двор в основном хорошо освещен, но вокруг растут деревья и декоративные кустарники. Используя их для прикрытия, двигаюсь к неохраняемой двери в задней части дома. Я уже почти дошел до нее, когда охранник огибает угол и останавливается перед входом. Когда через пять минут он не уходит, я, используя тень и листву, добираюсь до угла здания. Охранник стоит ко мне спиной и смотрит в телефон. Я приближаюсь к нему сзади, закрываю его рот ладонью, а другой рукой обхватываю его шею. Мужчина корчится и пытается освободиться, но я сжимаю руку сильнее и сворачиваю ему шею.

Оттаскиваю тело за куст и лезу в рюкзак, чтобы достать глушилку сигнализации, совместимую с охранной системой, которую обнаружил в доме Элио Пизано. Через минуту я уже внутри.

Планировка дома похожа с особняком Рокко — огромное фойе и такая же декоративная деревянная лестница, фрески на потолке. Бросив быстрый взгляд по сторонам, убеждаюсь, что поблизости никого нет. Лестница скрипит под моими ботинками, когда поднимаюсь на второй этаж, а затем поворачиваю налево. Все четыре спальни с этой стороны пусты, поэтому, услышав шаги и скрип половиц, я направляюсь в другую сторону. Прижимаюсь спиной к стене и достаю нож.

На лестничную площадку выходит человек в костюме дворецкого. Не знаю, какое дело у него в три часа ночи, но сегодня ему не повезло. Хватаю его за лацканы пиджака и одновременно провожу ножом по шее. Кровь заливает мою руку, а тело несколько раз дергается. Я переносю мертвого дворецкого в одну из пустых спален и продолжаю поиски.

В дальней спальне я нахожу Элио Пизано. Он раскинулся посреди кровати с балдахинном, в одних боксерах, и храпит. Достав из кармана тактического жилета небольшую коробочку со шприцем, я подхожу к кровати.

Несколько мгновений просто наблюдаю за отцом Рокко, предвкушая, что произойдет дальше, затем закрываю ему рот ладонью и ввожу иглу в шею. Глаза Элио распахиваются, и я наслаждаюсь паникой, охватившей его. Он вскидывает руку, хватаясь за мое предплечье, но тут же она падает обратно на грудь. Как и замирает все его тело.

Я убираю руку от его рта и наблюдаю за его выпуклыми глазами, уставившимися на пустую иглу для подкожных инъекций в моей руке.

— Удобный маленький коктейль, — говорю я, убирая шприц обратно в коробку. — Военные иногда используют его. Он парализует тело, и человек не может ни двигаться, ни говорить.

Я отстегиваю нож от бедра и кладу острие лезвия на кончик его большого пальца.

— Хочешь знать, что самое интересное? Он не заглушает боль. — Я улыбаюсь и отрезаю часть мякоти от его пальца.

Только однажды я видел, как человек кричит, глядя на меня. Это случилось более десяти лет назад, когда Кай ушел в самоволку после выполнения задания, а Крюгер решил его проучить. Он накачал Кая тем же коктейлем, который я только что использовал против

Элио, и нанес ему несколько ударов ножом. Но есть одно очень большое различие между тем временем и сейчас. В глазах Кая стоял крик ярости. В глазах Элио — только ужас.

— Давай я расскажу тебе одну историю. — Я провожу ножом по руке и предплечью Элио, делая неглубокий надрез острием. Достаточно, чтобы причинить сильную боль, но при этом не вызвать кровотечения. — Это история о женщине, которая гуляла утром по району, потому что ей нравился запах цветущих деревьев в весеннее время.

Я останавливаюсь, когда дохожу до его локтя. У человека существуют определенные места на теле, где нервы, расположенные близко к поверхности, более чувствительны к боли. Кончики пальцев. Колени. Свод стопы. Голень. Локти. Я втыкаю кончик ножа прямо в локтевой нерв.

— Мужчина на спорткаре проехал на красный свет и сбил женщину, когда она переходила улицу, — продолжаю я, вращая нож в его плоти. — Он был пьян и превысил скорость в два раза. И скрылся с места происшествия, ни разу не оглянувшись.

В нос ударяет запах мочи. Когда поднимаю взгляд, глаза Элио налиты кровью, а лоб покрыт тонким слоем пота. Я наклоняюсь над ним и провожу ножом по его шее, оставляя за собой тонкий красный след.

— А папаша водителя — новоиспеченный капо, пытающийся произвести впечатление на нового дона Нью-Йорка, — так хорошо все скрыл, что мне потребовались годы, чтобы найти преступника.

Я провожу острием ножа по его шее, делая неглубокий надрез, затем вниз и останавливаюсь прямо над сердцем. Зажав нож, наклоняю голову, чтобы мой рот оказался рядом с его ухом.

— Этой женщиной была моя жена, — шепчу я. — Пока ты умираешь в луже собственной крови и мочи, подумай о том, что я сделаю с твоим сыном.

Я крепче сжимаю нож и вонзаю его в сердце до самой рукоятки.

Равенна

Меня будит звук поворачиваемой дверной ручки и скрип деревянного пола под легкой поступью. Я открываю глаза, но не решаюсь пошевелиться. На мгновение мне кажется, что это Рокко, который пришел, желая навязаться мне. Потом вспоминаю, что его здесь нет. Сажусь в кровати, прижимая к груди одеяло, и замечаю Алессандро, сидящего в кресле у балконной двери. Судя по блеклому свету, проникающему в окно, сейчас, должно быть, раннее утро. Он не выглядит выспавшимся, а его необычный наряд не оставляет сомнений.

— Что ты делаешь в моей комнате? — спрашиваю я, осматривая его черные брюки-карго и рубашку с длинными рукавами. Черный военный жилет перекинут через спинку кресла. Кроме как в библиотеке, на уроках самообороны, я никогда не видела его в чем-либо, кроме костюмов.

Алессандро молчит, лишь пристально смотрит на меня.

— Уходи, — выпаливаю я. — Ты получил то, что хотел вчера. Больше такого не повторится. Уходи.

Его ноздри раздуваются, и с губ срывается гортанный стон. Я опускаю взгляд на его руки. Он вцепился в ручки кресла, его тело напряжено. Рукава рубашки закатаны до локтей, открывая напряженные мышцы предплечий. На тыльной стороне правой кисти и пальцах темно-красные пятна.

— Это кровь?

— Да, — говорит он сквозь стиснутые зубы. — Я пытался отвлечься.

— Что это за отвлечение, после которого у человека руки по локоть в крови?

— Убийство.

Я растерянно смотрю на него, ожидая, что от ужаса у меня по спине побегут мурашки. Но нет. При мысли о том, что мой муж дома, мне хочется убежать и спрятаться, но то, что Алессандро сидит всего в нескольких футах от меня после того, как он, очевидно, оборвал чью-то жизнь, нисколько меня не пугает. Единственное, что меня пугает, — это желание забраться к нему на колени и верить, что от этого все станет лучше.

— И зачем тебе понадобился такой экстремальный способ отвлечься? — спрашиваю я.

— Чтобы перестать, Равенна, думать о тебе. — Он встает с кресла и за пару шагов доходит до изножья моей кровати. — Боюсь, это не сработало.

Он хватается за край одеяла. Ткань выскальзывает у меня из рук, когда он тянет ее и отбрасывает в сторону. Во сне ночная рубашка задралась до пояса, оставив на всеобщее обозрение мои кружевные голубые трусики. Дыхание учащается, когда взгляд Алессандро медленно путешествует по моему телу и останавливается на моем рте.

— Тебе нравится Пьетро? — спрашивает он, не отрывая взгляда от моих губ.

— Он дружил с моим отцом и всегда был добр ко мне.

Алессандро поднимает глаза, встречаясь с моими.

— Давай я спрошу по-другому. Ты хочешь, чтобы он жил?

— Да.

— Тогда, пожалуйста, не проси его больше отвезить тебя домой.

Его взгляд снова скользит вниз и останавливается между моих ног.

Я прикусываю губу и откидываюсь на спинку кровати, запустив руку в трусики.

— Почему тебя волнует, кто отвезет меня домой?

— Мне все равно, — рявкает он, хватая меня за лодыжки и притягивая к краю кровати.

От ощущения его кожи на моей, когда он медленно скользит ладонями по моим ногам, у меня по всему телу бегут мурашки. Они следуют за его ласками, когда он зацепляет пальцами мои трусики и встречается с моим взглядом. Его глаза словно темные омуты, в глубине которых зарождается буря.

— Скажи мне остановиться, — произносит он прерывистым голосом.

Я поджимаю губы и приподнимаю бедра в знак приглашения.

В его глазах что-то вспыхивает. Буря стихает лишь на долю секунды, позволяя мне заглянуть в сокровенные тайны. В одно мгновение они были там, а в следующее исчезли, вновь затуманенные страстью и желанием. Я не успела понять, что это такое, его секреты остались под замком.

Сняв с меня кружевные трусики, Алессандро опускается на колени и зарывается лицом мне между ног.

При первых же касаниях его языка к моей плоти у меня вырывается стон. Я никогда раньше не занималась оральным сексом, даже не думала об этом. Прикосновение очень нежное. Необычно. Я не думала, что буду чувствовать себя комфортно, позволяя мужчине

столь интимные ласки.

Еще одно медленное движение, и я чувствую, как язык Алессандро проникает в мое лоно. Я скольжу пальцами по его коротким волосам и раскрываюсь шире, чтобы дать ему больше доступа.

— Быстрее, — хнычу я.

Он не обращает внимания на мою просьбу и продолжает в том же темпе, медленно вводя и выводя язык. Мучая меня. Ладонями он ласкает мои бедра, моя кожа горит везде, где он прикасается. Когда доходит до моих лодыжек, он раздвигает мои ноги, открывая меня еще больше.

— Я несколько дней представлял себе, как сделаю это, — говорит он между ласками. — Пробую тебя. Проверяю, так ли ты сладка, как я предполагал.

— И как? — спрашиваю я, совершенно потрясенная своими словами.

— Да. Даже слаще, чем в моих фантазиях. Запретный плод, за который я отправлюсь в ад, раз уж решился попробовать его на вкус. — Его дыхание обжигает мою кожу, когда он вдыхает мой аромат. — Я обречен.

Дрожь зарождается в основании моего позвоночника, а затем накрывает меня, как волна, когда он лакомится мной, каждая ласка его языка чуть быстрее предыдущей. Он проводит левой рукой по моему бедру и вводит в меня палец, продолжая терзать меня ртом. Я выгибаюсь дугой, затаив дыхание. Влага собирается между моих ног и стекает по его лицу, а я дрожу. Алессандро продолжает слизывать мои соки, вводя палец еще глубже.

— Кончи для меня, мой ангел с изумрудными глазами, — шепчет он между облизываниями и прижимается губами к клитору, посасывая его.

Россыпь белых звезд мелькает, как фейерверк, за моими закрытыми веками. Алессандро продолжает неистово ласкать клитор, и в тот момент, когда я начинаю терять сознание, вводит в меня еще один палец.

Я кричу.

Громко и неистово. Пронзительный крик страсти, но и свободы. Восторженный крик освобожденной души, наконец-то, сбросившей с себя оковы.

Алессандро целует меня между ног и вынимает пальцы, затем встает. Я все еще вздрагиваю от оргазма, когда он поднимает с пола одеяло и накрывает меня. Затем поворачивается и направляется к двери.

— Куда ты идешь? — спрашиваю я.

Он останавливается, положив руку на ручку, но не оборачивается.

— В мой личный ад, Равенна.

выясним, что происходит, — говорит он. — Провожать меня не надо.

После ухода Нино я возвращаюсь в свою комнату, чтобы переодеться и надеть новые трусики. Но стоя перед ящиком с нижним бельем, меня охватывает необычное желание взбунтоваться. Я опускаю взгляд на трусики и бросаю их обратно, закрывая ящик. Раз уж мне придется встретиться с мужем, то сделаю это, сохранив свидетельство своего влечения к другому мужчине.

Я выбираю персиковые брюки и пиджак — единственный наряд, который мне действительно нравится. Рокко предпочитает, чтобы я одевалась в яркие цвета, такие как черный и красный. Он позволил мне оставить этот комплект только из-за больших золотых пуговиц на пиджаке, на которых изображен логотип торговой марки.

Моя сумочка лежит на комод, и, когда беру ее, меня охватывает отвращение. У других женщин в сумочках хранятся самые важные вещи. Документы. Бумажник. Телефон. В моей сумочке только маленькая косметичка, которую я уже успела возненавидеть, и две пачки салфеток. Мои документы заперты в сейфе Рокко, а деньги мне не положены. Телефон обычно оставляю на тумбочке. Какой смысл носить его с собой, если я не могу позвонить никому, кроме мужа? Сумочка — это еще одно напоминание о том, что он у меня отнял. О том, что я позволила ему забрать у себя. Я перевожу взгляд с сумочки на зеркало над комодом. Смотрю на свое отражение, разглядываю серьги с крупными бриллиантами, блеск камней и сверкающее золото. Длинные волосы собраны в высокий идеально тугий пучок, лицо скрывает сильный макияж.

— Кто ты? — шепчу я. Женщина в зеркале похожа на меня, но у нас нет ничего общего.

Ответа, конечно, нет. Я долго всматриваюсь в незнакомку, пытаюсь найти больше сходства, чем просто черты лица, но не могу. Благодаря моему мужу-ублюдку я потеряла себя.

Бросив последний взгляд на свое отражение, хватаю со стула пальто, одновременно свободной рукой вытаскивая шпильки из прически.

По пути к лестнице равномерное цоканье моих каблуков отдается вместе с тонким звоном шпилек о пол, которые вытаскиваю одну за другой. Дойдя до верхней площадки, я вижу, что к моей комнате ведет дорожка из маленьких черных заколок.

Алессандро стоит у подножия лестницы с грозным видом. Сегодня утром он набросился на меня, как голодный человек, впервые за несколько недель принявший пищу, а потом ушел. Я не могу перестать думать о его прощальной фразе. Он сказал, что возвращается в свой личный ад. Что он имел в виду? Я — жена его врага, но в его голосе не было ни злорадства, ни удовлетворения, ни триумфа. Он выглядел побежденным. Здесь происходит что-то еще.

Я перевожу взгляд с глаз Алессандро на его губы. Он все еще чувствует мой вкус? Придет ли он сегодня снова в мою комнату? Я до сих пор помню, его рот на себе. Меня потряс не только сам сексуальный акт. А то, как он прикасался ко мне — как будто я ценная, любимая женщина. Алессандро сказал, что ненавидит меня. Даже планировал убить меня. Его ласки говорят об обратном.

Я знаю как никто другой, как ведет себя жестокий, злой человек. Я чувствую их даже сквозь улыбки и притворство. А с Алессандро, даже несмотря на его жестокие слова, мой инстинкт самосохранения не сработал. Даже когда он держал меня за горло во время демонстрации самообороны. Наоборот, меня охватил восторг. Что-то меня так и манит дать такому мужчине как Алессандро власть над собой. При желании он мог бы легко свернуть

мне шею, но вместо этого от его прикосновений я чувствовала себя в безопасности. Защищенной. И это меня возбуждало.

Потому что знаю, что он не тронет ни волоска на моей голове.

* * *

— Какого хрена ты вышла из дома в таком виде? — вопит Рокко с кровати. — Ты же не чертова простолюдинка, которая разгуливает с растрепанными волосами!

Я засовываю руки в карманы пальто, чтобы он не видел, как они дрожат, и делаю глубокий вдох.

— Мне нужно тебе кое-что сказать.

— Да мне плевать! — орет Рокко и откидывается на подушку кровати с красным лицом, указывая рукой на дверь ванной комнаты. — Иди в ванную и приведи свои волосы в порядок!

— С моими волосами все в порядке, — говорю я. — Нино попросил передать тебе кое-какую информацию.

— Какую информацию?

— Твой отец умер.

Рокко замирает, и на его лице отражается множество эмоций. Шок. Отрицание. А затем — едва заметное волнение, которое он изо всех сил пытается скрыть.

Отношения моего мужа с отцом всегда были неоднозначными. С одной стороны, он почитал Элио и неустанно искал его одобрения, а с другой — презирал отца за то, что тот никогда не проявлял к Рокко уважения. На людях Элио всегда хвастался тем, что Рокко — один из самых доверенных людей дона, но за закрытыми дверями охотно выговаривал сыну, что тот недостаточно хорош, чтобы стать младшим боссом.

— Как он умер? — спрашивает он.

— Его убили вчера вечером у себя дома.

У Рокко округляются глаза в неверии.

— Ты лжешь!

— Нет.

Лицо Рокко становится еще более красным, его ноздри раздуваются, а вена на шее пульсирует. Он хватается свой телефон на кровати и бросает его в меня, как капризный ребенок. Я вовремя замечаю его намерение и делаю шаг в сторону, в результате чего телефон ударяется о дверь и падает на пол. Не сводя глаз с возмущенного лица Рокко, я приседаю и поднимаю телефон.

— Это последний раз, когда ты так делаешь, — говорю я. — Я больше не буду твоей грушей для битья. В следующий раз, когда ты поднимешь на меня руку, я отправлюсь прямиком к дону.

— Ах ты, хитрая сучка! Я тебе покажу.

Я со всей силы швыряю в него телефон и радуюсь, что он попал ему в грудь. Рокко хватается за край кровати, кричит и трясет перила. Я просто поворачиваюсь и выхожу из комнаты.

Алессандро сидит в приемной на другом конце длинного коридора, но при виде меня встает.

Я останавливаюсь, поворачиваюсь к нему лицом и поднимаю глаза.

— Могу ли я завтра утром получить еще один урок самообороны?

Алессандро сужает глаза. Он взирает на меня несколько секунд, а затем медленно

кивает.

Алессандро

Мы выходим из больницы и направляемся к моей машине на парковке, когда слишком быстро едущий мотоцикл останавливается в нескольких ярдах перед нами. Мотоцикл полностью черный, если не считать заметного рисунка на его корпусе — белого черепа с крупным крестом на лбу. Черт. Я хватаю Равенну за запястье и тяну ее за спину.

— Не высовывайся, — говорю я, не сводя глаз с байкера. — Подтверди, Равенна, что ты все поняла.

В течение короткого времени длится молчание, после чего она отвечает:

— Да.

Байкер слезает с мотоцикла и снимает шлем. Я смотрю на него, пока он медленными, размеренными шагами приближается к нам и встает передо мной.

— Дзанетти. Твой покупатель остался доволен товаром? — спрашивает он ровным и спокойным голосом с акцентом.

— Он выполнил свою задачу, — отвечаю я. — Драго, что ты здесь делаешь?

Драго Попов бросает взгляд на здание больницы, нацелившись на окно Рокко Пизано.

— Мне нужно кое с кем свести счеты.

Значит, он знает, что Рокко стоит за нападением на его клуб. Прекрасно, черт возьми.

— Боюсь, это невозможно.

— Почему?

— Этот счет записан на меня. — Я смотрю на сербского лидера и знаю, что он понимает, что произойдет, если покусится на человека, которого я должен убить. Мимо нас спешат люди, заходя и выходя из больницы, но никто не обращает внимания на наш разговор.

— Личный долг? — спрашивает он.

— Да.

— У тебя есть сроки погашения?

— В течение недели.

Попов бросает еще один взгляд в сторону окна Рокко, затем кивает и возвращается к своему мотоциклу.

— У тебя семь дней, Дзанетти. И это касается только его. К другим участникам нападения на мою собственность и моих людей это не относится. — Он надевает шлем, садится на мотоцикл и уезжает.

— Кто это был? — спрашивает Равенна у меня за спиной.

— Неприятности.

Равенна слегка касается тыльной стороны моей руки, проводя по ней кончиком пальца, а затем цепляется мизинцем за мой. Я закрываю глаза и глубоко вздыхаю, надеясь, что это поможет подавить желание заключить ее в свои объятия. Ничего подобного.

Сегодня утром, вернувшись в свою комнату, я несколько часов смотрел в потолок,

мысленно внося изменения в план. Задумка, чтобы в течение нескольких недель издеваться над Рокко, рассыпалась в прах. Идея привязать его к стулу и мучить в свое удовольствие исчезла. Нужно найти способ проникнуть в его больничную палату и покончить с ним там. Его смерть будет слишком быстрой, и это меня бесит, мне хочется ударить по чему-нибудь, но другого выхода нет. Я не могу ждать, пока его выпишут. Чтобы мне хоть как-то сойти с ума, Рокко Пизано должен умереть как можно скорее. И тогда я уйду. Могу попытаться рационально обосновать это решение, найти себе оправдание, но это не изменит истины — я убегаю.

Десять лет я выполнял самые опасные секретные задания. В меня стреляли столько раз, что сбился со счета. Дважды меня держали в плену и пытали. В последний раз мне удалось сбежать самому, и едва добрался весь окровавленный на базу. И, кроме того, меня пару раз чуть не разнесло на куски от гранаты. Потом годы работы в «Коза Ностра». Я бы тоже не назвал это безопасной работой. Число убитых мною людей на сегодняшний день исчисляется трехзначным числом. Более пятнадцати лет насилия и смерти, и я ни разу не бежал с поля боя.

До сих пор.

И убегаю не от более грозного противника, а от женщины с изумрудными глазами. Чья хрустальная глубина затягивает меня в омут, и у меня нет сил сопротивляться захвату.

— Пошли, — говорю я и иду к своему внедорожнику, стоящему на другом конце парковки, крепко держа Равенну за мизинец.

Она шагает рядом со мной, и ветер развеивает ее шелковистые черные пряди в воздухе.

Алессандро

— Ты не стараешься вывернуться, — говорю я и ослабляю хватку на волосах Равенны. Быстро взглянув на наручные часы, понимаю, что у нас еще остается немного времени до того, как через час придет домашний персонал. — Еще раз.

Мы уже двадцать минут отрабатываем приемы защиты от нападения со спины. Каждый раз, когда хватаю ее за волосы, хотя делаю это осторожно и знаю, что не причиняю ей вреда, меня это убивает. Это одно из самых распространенных нападений на женщину, и очень важно, чтобы Равенна научилась защищаться от него. Рокко больше никогда не причинит ей вреда, но в любом случае ей полезно пройти эту подготовку. В мире полно мудаков.

При одной этой мысли во мне разгорается убийственная ярость. Ей не нужно ни от кого и никогда защищаться.

— Алессандро?

Я погружаю пальцы в ее волосы, но вместо того, чтобы намотать на кулак, пропускаю их сквозь шелковистые пряди. Равенна. Ей подходит это имя.

Она оборачивается, и пряди выскальзывают из моей хватки, причиняя почти физическую боль в груди от потери столь малой близости. Что делать, когда Рокко умрет, а мне придет время уходить? Я провожу по линии ее подбородка. Что, если кто-то снова посмеет причинить ей боль, а меня не будет рядом?

— Я скоро уеду, — сообщаю я.

Равенна вдыхает, но ничего не говорит, встречаясь взглядом с моими глазами.

— Ты не должна волноваться, — продолжаю я. — Даже когда меня не окажется рядом, ты будешь в безопасности. Всегда. Я позабочусь об этом.

— Интересно. А всех, кого ты ненавидишь, тоже оберегаешь?

— Нет. — Я скрежещу зубами. — Только тебя.

Равенна

Я слежу за водоворотом эмоций в глазах Алессандро. Я слишком заиклилась на его жестоких словах и поведении, полагая, что ему на меня наплевать. А стоило бы больше внимания уделять его глазам. Легко лгать словами и поступками, но глаза всегда говорят правду. И сейчас в его глазах нет ненависти. Ее не видно уже давно. Среди гнева и разочарования затаилась другая эмоция. Это отчаяние. Не знаю, что творится в его

непробиваемой голове и каковы причины его лжи.

— Это ради меня или ради тебя? — спрашиваю я.

— Что? — Он скользит большим пальцем к уголку моего рта, проводя по форме губ.

— Ложь, Алессандро. Она для меня или для тебя?

Он замирает и весь напрягается от моих слов.

— Для меня, — угрюмо отвечает Алессандро.

Я хочу оставить его наедине с его ложью, но не могу заставить себя отвернуться. Не пройдет и недели, как он убьет моего мужа. Может, я и пропустила учебу в колледже, но далеко не дура. Разговор, который он вел с байкером, сказал мне достаточно, чтобы сложить два и два.

Я должна радоваться тому, что скоро Рокко будет мертв, потому что наконец стану свободной. Но вместо радости от этого многообещающего будущего я чувствую лишь ужас. Если Рокко не станет, то и Алессандро тоже.

— Знаешь что? — Я подхожу ближе, прижимаюсь к нему. Доказательство его безразличия давит мне на живот. — И ты, и твоя ложь могут идти к черту.

Я поворачиваюсь, намереваясь уйти от него так же, как он ушел от меня, когда он обхватывает меня за талию, притягивая к себе.

— Я уже в аду, Рави. — Проникает свободной рукой за пояс моих штанов и ласкает пальцами между моих ног. — И причем очень давно.

У меня вырывается стон, и я хватаюсь за его предплечье, когда пальцем он скользит по моим складочкам, дразня, проникая глубже с каждым движением. Перемещая большой палец к клитору, он слегка надавливает на него.

— Мое падение началось в тот момент, когда я увидел тебя. — Еще одно поглаживание по моей плоти, а затем он отрывает меня от пола и несет через всю комнату. — И с каждым взглядом, с каждым нежным прикосновением я все больше погружался по спирали в бездну.

Он останавливается перед мягким креслом рядом с книжным стеллажом, опускает мои ноги на мягкую обивку, а его палец остается глубоко внутри меня. Его дыхание обдувает мои волосы и щекочет затылок, когда он вдыхает мой запах. Другой рукой он снимает с меня штаны вместе с трусиками.

Я хнычу, когда он вынимает палец, но стону, чувствуя его огромный член у попки. Трясущимися руками хватаюсь за книжную полку передо мной, упираясь в нее для надежности.

Алессандро целует меня в спину. Мучительно медленно скользит губами по позвоночнику, до самых лопаток. Дыхание сбивается от каждого благоговейного прикосновения, и я жду, что будет дальше.

Прижимаюсь лбом к книжной полке и шире расставляю ноги. Алессандро проводит шероховатыми ладонями по моей груди, затем по животу, спускаясь к лобку. Каждая клеточка моего тела гудит, закручивается в пружину и готова вырваться на свободу. Все, что мне нужно, — это почувствовать его внутри себя. Когда Алессандро, наконец-то, вводит член, я едва не кончаю в тот же момент. Мои внутренние мышцы сжимается вокруг его члена, и меня бьет дрожь, не давая стоять на ногах. Я отпускаю книжную полку и обхватываю пальцами правое запястье Алессандро, направляя его руку к моему горлу.

— Я хочу, чтобы ты держал меня так, — шепчу.

Если бы это был кто-то другой, кроме него, мне было бы стыдно даже попросить. Боюсь, что подумают, что я — несчастная женщина, больная на всю голову и умоляющая,

чтобы с ней обращались так же, как ее жестокий муж.

Алессандро замирает позади меня.

— Почему?

— Потому что твоя рука на моем горле и уверенность в том, что ты никогда не причинишь мне вреда, заводит меня. Я чувствую себя в безопасности.

Он не двигается еще несколько мгновений, но затем его большие пальцы обхватывают мое горло.

— Вот так?

Он держит меня слишком слабо, едва-едва. Хотелось бы, чтобы хватка была немного посильнее.

— Рави, я задал тебе вопрос, — говорит он у самого моего уха.

— Мне нужно, чтобы ты сжал немного сильнее. Пожалуйста. — Я вздыхаю, потом прикусываю губу. — Ты думаешь, я сошла с ума, раз прошу такое?

— Никогда больше, Равенна, не говори так. — Он крепче сжимает мою шею, заставляя меня стонать. — Лучше?

Приятная дрожь пробегает по моему телу. Я киваю.

— Хорошо. Пока ты не просишь меня сделать тебе больно, я буду давать тебе все, что ты захочешь. Но у нас должны быть определенные правила. Если станет невмоготу и тебе захочется освободиться от моей руки, ты сразу же скажешь мне об этом.

— Хорошо.

— Хорошая девочка. — Алессандро целует раковину моего уха и продолжает неспешно двигаться.

Член у него большой, и даже если Алессандро двигается медленно, я все равно задыхаюсь от каждого толчка. С его рукой на моей шее ощущения становятся еще более захватывающими. Мои ноги дрожат, вот-вот подкосятся, и я изо всех сил держусь за книжную полку, чтобы не упасть. Когда он полностью заполняет меня, я закрываю глаза, и дыхание вырывается из моих легких.

Алессандро замирает, правой рукой по-прежнему удерживая меня за горло, а другой рукой скользит вверх и по бедру.

— Неудобно? — спрашивает он, нежно потирая мой бок.

— Немного, — шепчу я. Ощущения более сильные, когда он берет меня сзади.

— Я сделаю так, чтобы было лучше.

Он снова опускает руку вниз и пальцем скользит между моими складочками. Неторопливыми и контролируемыми движениями обводит клитор, а другой рукой ласкает мою шею. У меня учащается дыхание, и с каждым вдохом сильнее чувствую его член.

Круговые движения вокруг клитора становятся все быстрее, а каждый толчок — еще глубже. Пальцы на моей шее повторяют тот же ритм, и я никак не могу решить, на чем сосредоточиться. Я теряю всякую способность к рациональному мышлению.

Алессандро медленно входит в меня.

— Все хорошо?

Я не могу ответить, потому что тону в ощущениях.

— Рави?

— Боже, да, — выдыхаю я. — Еще.

Он входит в меня до упора, и я готова взорваться.

— Это не должно быть так хорошо, — шепчет он рядом с моим ухом. — Я не могу

описать эти невероятные ощущения, когда утопаю в твоём тепле, слышу твои стоны, чувствую твой пульс под пальцами. Их ни с чем не сравнить, и я схожу с ума от этого, Рави.

Он снова входит в меня, одновременно щипая за клитор и слегка сдавливая горло. Я кричу, и звезды вспыхивают за веками, когда кончаю.

Держа руку на моей шее, он продолжает двигаться, пока я парю на волнах невесомости.

Алессандро

Равенна обвивает руками мою шею, когда я несу ее через фойе к лестнице.

— Камера на входной двери, — бормочет она мне в шею.

— Она покрывает только пять футов вокруг входа.

— Откуда ты знаешь?

— Взломал канал камеры наблюдения.

Она молчит несколько мгновений, словно обдумывая мой ответ, а затем слышу приглушенный смех.

— Я думала, это птичьи какашки.

— Что?

— Когда увидела, как ты ходишь зигзагами по газону. Подумала, что ты пытаешься избежать птичьих какашек, а ты, наверное, избегал камер.

Я слегка изгибаю губы в улыбке.

— Умная девочка.

Достигнув спальни Равенны, заносу ее в ванную и опускаю рядом с душевой кабинкой. Свет не горит, я щелкаю выключателем на стене, но ничего не происходит.

— Рокко выстрелил в светильник, — говорит Равенна, и голос ее звучит непривычно кротко.

Я поднимаю глаза к потолку, затем осматриваю небольшое помещение, пока мой взгляд не останавливается на полированной латунной ручке на приоткрытой двери. Не сразу понимаю, что с запорным механизмом что-то не так. На корпусе есть кнопка поворота, а на внутренней ручке ее нет. Более того, на ручке нет отверстия, позволяющего в случае необходимости разблокировать замок. Этот комплект не обеспечивает ни приватности, ни безопасности, и ни один грамотный мастер не станет устанавливать его на дверь.

Я поворачиваю голову в сторону Равенны.

— Лифт.

— Да, — говорит она, глядя в пол.

Преодолеваю расстояние между нами и беру ее лицо в свои ладони. Приподняв ее голову, вижу, что она закрыла глаза.

— Посмотри на меня.

Она только качает головой.

— Мне так стыдно, что позволила ему сделать меня такой. — В ее голосе слышатся нотки самобичевания.

— Пожалуйста, посмотри на меня.

Равенна распахивает глаза.

— Ты воительница, — произношу я. — Ты вышла на поле боя без оружия и сражалась с гораздо более сильным противником голыми руками.

— Я не сражалась. Единственное, что я делала, — это искала способ сбежать.

— Так поступают, когда попадают в плен к врагу. — Я наклоняюсь, чтобы наши лица оказались на одном уровне. — Ты — воин. Я хочу услышать, Равенна, как ты это скажешь.

— Я воин, — бормочет она.

— Чертовски верно, ты воин. И не смей думать иначе. — Я прижимаюсь к ее губам, скрепляя это заявление.

Она обвивает руками мою шею, притягивая меня ближе. Не разрывая поцелуя, я хватаю ее под попку и поднимаю, чтобы усадить на ванную. Член такой твердый, желание снова овладеть ею сводит с ума. Неважно, что занимался с ней сексом всего десять минут назад, я жажду большего.

Равенна обхватывает меня ногами за талию и берется за футболку, пытаясь стянуть ее через голову.

— Не здесь, — шепчу ей в губы. Мы не будем ничего делать в месте, овеянном плохими воспоминаниями. Я поднимаю ее и несу в спальню.

Возле кровати Равенна расцепляет ноги вокруг моей талии и встает на край. Волосы у нее в полном беспорядке, пряди спутались и растрепаны. На ней белый топ и серые шорты, вывернутые наизнанку. Думаю, она не заметила, как надела их шиворот-навыворот. Мне нравится видеть ее такой.

Я снимаю футболку. В глазах Равенны замечаю блеск, когда видит татуировки на моей груди, и меня озаряет мысль: мы никогда не видели друг друга голыми. Между нами так много барьеров, но я могу легко разрушить этот. Быстро сбрасываю с себя остатки одежды и встаю перед ней, давая возможность ей налюбоваться мной.

Равенна медленно скользит взглядом по моей груди и прессу и останавливается на моем полностью твердом члене. Прикусывает нижнюю губу и зажимает ее между зубами, снова встречаясь со мной взглядом. Мне требуется все мое самообладание, чтобы не наброситься на нее немедленно. Она стягивает топ через голову, открывая кружевной белый бюстгалтер, обнимающий ее упругую грудь, темно-коричневые ареолы которой видны под тканью.

— Я должен видеть тебя всю, — бурчу я и заведя руку ей за спину, расстегиваю бюстгалтер, потом берусь за пояс шорт и спускаю их по ногам.

Затем белые кружевные трусики, и не спеша, дюйм за дюймом, я снимаю их. Когда Равенна полностью раздета, отступаю и люблю ее совершенством. Моя самая сокровенная фантазия воплощается в жизнь. Я скольжу взглядом по ее нежной шее и влекущим грудям, затем по узкой талии и широким бедрам, вплоть до кончиков пальцев ног. Даже ее ноги чертовски совершенны.

— Ты не можешь быть настоящей. — Я провожу кончиком пальца по ее ключицам, затем между грудями и останавливаюсь между ее ног. — Задержи дыхание.

Я жду, пока она вдохнет, затем ввожу два пальца в ее лоно. Равенна стонет и хватается за мою свободную руку, направляя ее к своему горлу. Я глажу нежную кожу ее шеи не спеша, в такт пылкой ласке ее сладкой плоти. Она дрожит под моими прикосновениями, острыми ногтями впиваясь в кожу моего предплечья. Я практически уверен, что кончу на месте, если в ближайшее время не войду в нее, но отгоняю это желание. Сейчас все для нее.

— Я все еще снюсь тебе? — спрашиваю и просовываю пальцы еще глубже.

— Да планирую, — отвечает он. — Дон быстро догадается, кто это сделал, и придет задавать тебе вопросы. Расскажи ему все, кроме того, что ты знала, что я собираюсь убить Рокко.

— Ты думаешь, Аджелло придет за тобой?

— Да.

Кончиками пальцев провожу по его щеке.

— Что он сделал? Почему ты хочешь убить Рокко?

Алессандро застывает и несколько минут не произносит ни слова.

— Это произошло в пятницу утром, чуть больше восьми лет назад, — наконец говорит Алессандро. — Я только что вернулся с задания и проехал всего один квартал от своего дома по дороге в штаб-квартиру. Я мог бы сразу вернуться домой и отчитаться позже, но не хотел, чтобы жена увидела на мне всю кровь.

У меня заныло в груди, когда смотрю на его профиль. Его жена?

— Она думала, что работаю охранником, а на самом деле я убивал людей для правительства, — продолжает он. — Странно, что попытка защитить любимого человека может привести к его гибели. Если бы я отправился напрямик домой, она, возможно, осталась бы жива. Это было мое последнее задание, и мы планировали уехать в тот же день.

— Что случилось? — с придыханием спрашиваю я.

— Пьяный водитель, превысив скорость почти в два раза, проехал на красный свет. Он просто оставил ее раненую на улице и скрылся с места происшествия. — Он поворачивает голову и встречается с моими глазами. — Твой муж.

Его голос тихий и угрюмый, но слова взрываются в голове, как будто он их выкрикнул. Рука, лежащая на щеке Алессандро, начинает дрожать. Я открываю рот, чтобы что-то сказать, но не нахожу слов. Единственное, что могу сделать, — это смотреть на его лицо с жесткими чертами, высеченными в граните.

— Я потратил годы на поиски виновного. Отец Рокко так хорошо все скрыл, что я узнал имя водителя только несколько месяцев назад. — Он убирает прядь волос, упавшую мне на лицо, обнажая шею. — Я намеревался разрушить жизнь Рокко Пизано по кусочкам, а в качестве последнего шага перед тем, как покончить с ним полностью, хотел заставить его смотреть, как убиваю его жену.

Алессандро не сводит с меня глаз, перемещая руку к моей шее и проводя кончиком пальца чуть ниже уха.

— Око за око, — шепчет он, медленно двигая пальцем по моему горлу до другого уха. — Его жена за мою.

Никогда не думала, что тишина может физически угнетать, но когда он смотрит в мои глаза, я чувствую, как она давит на меня со всех сторон. Звуки отсутствуют настолько, что кажется, будто кто-то выключил звук в фильме.

Алессандро перестает касаться моей шеи. Он целует подушечку пальца, прижимает его к моему горлу, к тому месту, где собирался ее перерезать.

Встает с кровати и надевает трусы, открывая мне вид на свою голую спину в татуировках. Зрелище жуткое: куча обугленных черепов, охваченных пламенем, а на вершине кучи — человек, висящий на веревке, голова его склонилась, оранжевое пламя лижет его ноги. Над изображением, поперек лопаток, начертано латинским шрифтом: «Oculum Pro Oculo».

Око за око.

Я моргаю, пытаюсь остановить слезы, но они все равно текут. Сколько раз, видя меня, он вспоминал о том, чего лишил его мой муж? Столько боли и обиды.

Не могу поверить, что я попросила его взять меня с собой. Где-то в глубине души знала его ответ еще до того, как он его озвучил, но все равно надеялась, что скажет «да». Я бы с радостью отправилась за ним куда угодно. Я так сильно люблю его, что неважно, любит ли он меня в ответ. Единственное, на что надеялась, что в конце концов он полюбит меня.

Теперь, после того, что он мне только что рассказал, понимаю, что эта надежда тщетна. Как он мог полюбить кого-то, кто олицетворяет собой столь сильное отчаяние?

Алессандро тянется за футболкой, брошенной у изножья кровати, и в этот момент кожаный шнурок на его запястье развязывается и соскальзывает на пол. Я заметила этот браслет в первый же день знакомства и сочла его необычным. Других украшений он не носит.

Он подбирает кожаный шнурок с висящим на нем маленьким кулоном в виде плюшевого медвежонка и направляется к двери.

— Это принадлежало твоей жене? — шепчу я.

Он останавливается на пороге и несколько долгих мгновений просто стоит, перед тем как ответить:

— Да.

Дверь за ним захлопывается с тихим щелчком. Я закрываю рот рукой, отчаянно пытаюсь подавить всхлип, но он прорывается независимо от моих усилий.

Прислоняюсь спиной к боковой стенке беседки, откуда хорошо видно окно второго этажа. Уже за полночь, но свет в комнате Равенны еще горит.

Мы не разговаривали со вчерашнего утра, после того как я рассказал ей о Натали. За все время мы общались только по смс, в первом она спросила, могу ли я отвезти ее к маме, а во втором, после того как мы вернулись в особняк, сказала, что до конца дня больше никуда не поедет. В обоих поездках она сидела на заднем сиденье машины.

Свободное время я использовал для того, чтобы съездить в больницу и проверить охрану, поискать пути в палату Рокко Пизано. И не нашел. За дверью круглосуточно дежурят два человека. Во всех коридорах установлены камеры, за которыми следит сторонняя компания с брандмауэром, более сложным, чем тот, который я смог взломать, и не позволяющим мне проникнуть в их сетевые системы. Проникнуть внутрь, чтобы убить этого ублюдка, невозможно.

Единственный способ уничтожить его — выстрел в окно. Я обшарил соседнее с больницей здание в поисках места с прямым видом на палату Рокко и нашел одно на последнем этаже. У него идеальный угол наклона к кровати. Осталось только достать винтовку и совершить задуманное. Я мог бы сделать это сегодня, но вместо того, чтобы выполнить задание, вернулся сюда, чтобы осмотреть еще одно окно. Несколько часов я стоял в тени, глядя на свет в спальне Равенны.

Я скучаю по ней. Скучаю по мелочам, например, когда она цепляется мизинцем за мой. По ее тонкому поддразниванию. По тому, как держу ее в своих объятиях. Вчера вечером едва не сдался и не пошел в ее спальню. Меня передернуло, как будто по телу прошел электрический ток, и все из-за желания обнять ее, вдохнуть ее пудровый аромат и коснуться ее мягких черных прядей. Я сходил с ума и едва сдерживал себя.

Я скучаю по Равенне, хотя она рядом.

Я говорил ей, что ненавижу ее. Несколько раз. Но на самом деле все не так. Не думаю, что когда-либо ненавидел по-настоящему. Я ненавижу себя.

Потому что влюбился в нее.

Сердце потерянного, одинокого паренька, которым я был, любило Натали, наши чувства зародились в стремлении выжить, будучи бездомными подростками. Я хотел защитить Натали, и это чувство постепенно переросло в заботу, а затем в любовь. В такую любовь, которая начинается как маленький лесной ручеек и постепенно перерастает в реку. Большую и непоколебимую, идущую своим путем. Целесообразная. Естественная.

Мои чувства к Равенне Пизано не похожи на лесной ручеек. Они словно чертов водопад. Неожиданные. Свирепые. Страсть, желание и прекрасное безумие. Я жажду ее больше, чем обреченный на смерть человек своего следующего вдоха.

Алессандро встает, и матрас подпрыгивает. Я не вижу его, так как все еще смотрю в противоположном направлении, но слышу его удаляющиеся шаги.

— Мне кажется, я никогда не боялась тебя, — шепчу.

Его шаги затихают.

— Даже после того, как я признался в намерении тебя убить?

Я переворачиваюсь в постели, а он стоит у двери спиной ко мне.

— Помнишь ли ты тот день в лифте? Когда лифт перестал работать и погас свет?

— Да, помню.

— Ты понял, что у меня паническая атака, и играл со мной в игру с цифрами.

— И что?

— Алессандро, я провела несколько месяцев с человеком, который находил огромное удовольствие в том, чтобы мучить меня. Как психологически, так и физически. Психологические пытки, может, и не оставляют видимых шрамов, но раны, которые они наносят, гораздо страшнее. — Я пригвождаю его взглядом. — Ты меня почему-то ненавидел. Я не знала тогда почему, но видела это в твоих глазах. Ты мог бы просто смотреть, как я схожу с ума, и молчать. Но ты этого не сделал, несмотря на свою ненависть ко мне.

Алессандро смотрит в пол.

— Я так старался тебя ненавидеть. Поверь мне. Но в итоге я возненавидел себя.

Я чувствую боль и стеснение в груди. Эта боль настоящая, а не какой-то отголосок в сердце. Если бы все было иначе, я бы попыталась бороться за него. Но с призраками невозможно бороться. Понятно, что он очень любил свою жену. И, вероятно, любит до сих пор. Эта любовь поддерживала его в течение восьми лет, пока Алессандро планировал свою месть. Мне невыносимо быть его утешительницей. С другим мужчиной я, может быть, и смирилась бы. Но не с Алессандро. И не могу смириться с тем, что он станет ненавидеть себя за то, что был со мной.

Есть вопрос, который преследует меня с тех пор, как Алессандро рассказал мне о своей жене. Я боюсь ответов на него, но не могу и дальше выносить неизвестности.

— Когда был со мной, ты представлял себя с ней?

Алессандро оглядывается через плечо.

— Нет, — говорит он, захлопывает дверь и выходит из комнаты.

Мягкий звук защелки кажется таким окончательным.

Равенна

«Я беру стакан с минеральной водой, который мне подал официант, и делаю глоток, притворяясь, что слушаю женщину, сидящую рядом со мной. Она — невестка одного из силовиков «Коза Ностра», но я не помню, кого именно и как ее зовут. Не знаю точно, зачем я пришла на этот бранч. Это были какие-то поминки, организованные миссис Нателло, и я могла их пропустить. Но пришла, потому что мне нужно отвлечься.

Если Алессандро придерживается сделки, которую он заключил с человеком в больнице, у него осталось всего три дня, чтобы убить Рокко и уехать из города. Зная, что мой муж скоро умрет, я должна была бы беспокоиться. Но я ничуть не взволнована. Если и остались какие-то следы сочувствия, которые Рокко не смог из меня выбить, то они исчезли в тот момент, когда Алессандро рассказал мне о своей жене и о том, что с ней сделал мой муж. И все же, не считая всего остального, жизнь этого человека до сих пор под вопросом. Так неужели я плохой человек, раз меня не волнует, что теперь станет с Рокко?

Я перевожу взгляд на солярий миссис Нателло и восхищаюсь видом за стеклянными панелями, которые согревали нас и защищали от мороза. Конечно, летом отсюда должна быть видна зеленая лужайка. Сейчас же предстаёт белоснежный пустой газон, железный забор, окружающий участок, и дорога на другой стороне. Пейзаж и ненастная погода соответствуют настроению в моей душе.

Мой взгляд падает на группу мужчин в глубине комнаты. Алессандро и несколько телохранителей стоят на страже. Как обычно, его поза неподвижна, но глаза постоянно в движении, он оценивает ситуацию, как ястреб. Остальные охранники переговариваются между собой, не обращая внимания на то, что происходит с гостями вечеринки.

Госпожа Нателло не пользуется большой популярностью, так что эта встреча — событие довольно низкого уровня с точки зрения иерархии «Коза Ностра». Здесь нет громких имен. В основном силовики и их жены, но я заметила трех мужчин, которые иногда работают с Рокко. Похоже, они скорее служащие, чем бизнесмены. Рокко избегает использовать солдат дона Аджелло, когда ему нужно решить какую-то свою проблему так, чтобы об этом не узнала вся семья в Нью-Йорке, особенно босс.

Казалось бы, мелочь, но Алессандро ведет себя так, словно ждет появления врага на поле боя. Он ничего не оставляет на волю случая. Мне это в нем нравится. Он стоит на своих принципах и не позволяет никому их нарушить. А что, если бы все его внимание было направлено на меня? Что бы я чувствовала, если бы он был моим? Не только телом, но и душой. Если бы мы встретились в другой жизни, у нас мог бы быть шанс. В этой жизни мы встретились слишком поздно. Его сердце уже занято другой.

Я щипаю себя за переносицу, кожу покалывает, будто мой разум пытается что-то сказать мне. Неужели Алессандро действительно уйдет сегодня? Боже, как же мне будет его

не хватать.

Алессандро поворачивается, и находясь в противоположных углах банкетного зала, мы сталкиваемся взглядами на кратчайший миг. С тех пор как он вышел из моей комнаты сегодня утром, я избегала встречаться с ним глазами. Потому что боль невыносима. Как сейчас — пульсирующая боль в груди, когда думаю, не нашли ли это последний взгляд.

Подходит миссис Нателло и спрашивает, понравилась ли мне закуска. На ней платье, которое я купила в прошлом месяце и отдала маме продать ей. Платье стоило четыре тысячи долларов, но миссис Нателло заплатила маме только половину этой суммы.

— Равенна, дорогая, я никогда раньше не видела тебя с распущенными волосами. Вот так сюрприз, — говорит миссис Нателло.

— Душа хотела перемен, — беззаботно пожимаю плечами я.

Она фальшиво улыбается и наклоняется ближе ко мне.

— Знаешь, я видела в новой коллекции клатч от Шанель. Он прекрасно подойдет к моему новому пальто.

Я замечаю неискреннюю улыбку на ее губах. Сколько раз мама продавала ей одежду? Миссис Нателло знает, что я покупаю эту одежду, но ни разу не спросила меня, почему жена Капо пытается получить деньги таким способом. Временами мне кажется, что безучастные наблюдатели хуже мучителей.

— Даже не сомневаюсь. — Я допиваю воду и ставлю стакан на приставной столик позади себя.

Одарив миссис Нателло такой же фальшивой улыбкой, отправляюсь в солярий. Та сумма, которая мне требовалась, чтобы сбежать от Рокко, была астрономической, но теперь, когда он умрет, денег у меня станет более чем достаточно. Я подожду, пока все успокоится, а потом отвезу маму и Витто туда, где нет влияния «Коза Ностра». Не хочу рисковать тем, что братец попадет в их руки.

Я нашла менее людное место на другой стороне солярия, за столами с едой и креслами, где собралось большинство гостей, но Пьетро заметил и устремился ко мне. Я зря пришла на этот бранч. Не хотела ни с кем общаться, но все же это лучше, чем оставаться в своей спальне. Там я думала обо всем, что сказал мне Алессандро. Его слова снова и снова звучали в моей голове. И из всего калейдоскопа событий, произошедших между нами, одна мысль не давала мне покоя. Когда мы занимались любовью, он был со мной.

Снова он.

Я сжимаю руки в кулаки и приказываю себе не смотреть на Равенну и Пьетро, которые разговаривают в конце фуршетного стола. Не могу. Мои глаза, как магнитом, притягиваются к ним, и не в силах отвести от них взгляда.

Их беседа носит дружеский характер. Пьетро — человек, который всегда поступает по правилам, поэтому никогда бы не стал флиртовать с замужней женщиной. Но я видел, как он смотрел на Равенну. Как только она овдовевает, он сделает свой ход.

Я сжимаю кулаки сильнее, ногти впиваются в ладони. По всей вероятности, стоило бы радоваться за нее. Этот культурный, прямолинейный ублюдок мог бы ей подойти. Равенна будет с ним счастлива. Пьетро, возможно, и высокомерный, утонченный сукин сын, но более чем способен ее защитить. И все же... У меня ноют руки врезать ему, а в груди поднимается гнев. Она принадлежит мне! Никто не может защитить ее, кроме меня!

Я глубоко вздыхаю и начинаю считать до десяти. Решение принято. Мне пришлось выбирать между клятвой отомстить и ею, и я выбрал первое. Я должен отпустить Равенну.

Когда Пьетро кладет руку на спину Равенны, мое самообладание испаряется. Я пересекаю комнату и останавливаюсь прямо за спиной Равенны. Настолько близко, что наши бедра почти соприкасаются.

— Убирайся, — бормочу я Пьетро.

Он поднимает голову и вздергивает бровь.

— А, сторожевой пес Рокко. А я уже начал волноваться.

Я склоняю голову так, чтобы она оказалась на одном уровне с головой Пьетро.

— Я сказал, чтобы ты убрался.

Равенна пальчиками берет меня за руку и слегка сжимает.

— Рада была тебя видеть, Пьетро. Передай привет своей сестре. — Равенна снова стискивает мою руку, затем быстро ее отпускает. — Алессандро, не проводишь меня в дамскую комнату?

Я следую за Равенной через французские двери, которые открываются внутрь главного дома. Мы входим в комнату, на стенах которой висят портреты с собаками и стариками в причудливых одеждах. Равенна минует пару, беседующую у старинных часов, и идет в широкий коридор, ведущий в заднюю часть дома. На полпути она останавливается и поворачивается ко мне.

— Что это было? — восклицает она шепотом.

Я скриплю зубами.

— Я просто выполняю свою работу.

— Алессандро, не думаю, что тебе нужно ее выполнять. И мы оба прекрасно знаем почему.

Да, я знаю. Тыльной стороной ладони ласкаю ее щеку. Сегодня на ней минимум косметики, только тени для век. Ее шелковое платье такого же изумрудно-зеленого цвета, как и ее глаза. Трудно не вспомнить о ней, когда я вижу этот цвет.

Равенна подставляет голову под ласку и обхватывает пальцами мое запястье.

— Когда ты уезжаешь?

— Сегодня вечером.

Она кивает, и одинокая слезинка сбегает по ее щеке и исчезает под моим большим пальцем.

— Береги себя, Алессандро. — Она обходит меня и направляется обратно по коридору.

Я закрываю глаза и обнимаю ее сзади. Вдыхаю ее запах и зарываюсь лицом в ее волосы. Вокруг ещё слышна музыка и разговоры из солярия, но я отгораживаюсь от них и наслаждаюсь ее объятиями.

Равенна проводит рукой между нами и прижимает ее к моему болезненно твердому члену. Я могу умом сопротивляться ей, но тело предаёт всякий раз. Стоит Равенне приблизиться ко мне, как я жажду обладать ею. Притягиваю ее ближе и вдыхаю ее аромат еще раз.

Не могу поверить, что мы занимаемся сексом в чужом кабинете. На двери нет замка, любой может войти и увидеть нас. Я — замужняя женщина, которая трахается со своим же телохранителем, пока муж находится в больнице. Меня накрывает паника. Хватаю Алессандро за запястье и быстро перемещаю его руку к своему горлу. Паника отступает, когда он касается сильными пальцами моей шеи.

— Не убирай руку, — шепчу я.

Алессандро кивает и прижимается своими губами к моим. Он скользит языком в моем рту, то быстрее и жестче, то медленнее, но все равно требовательно.

— Я сделаю все, что ты захочешь, Рави.

Его член растягивает меня внутри. Это так приятно. Я чувствую себя свободной. Смотрю Алессандро в глаза, когда он входит в меня, желая запечатлеть его лицо в своей памяти. Он смотрит на меня так же пристально, наши дыхания смешиваются, и вдруг желание заплакать переполняет меня, когда понимаю... это прощание.

— Давай сядем в твою машину, бросим все и убежим, — с дрожью в голосе предлагаю я.

Алессандро сжимает зубы, и в его глазах мелькает боль. Я знаю, чего прошу от него. В глубине его души царит смятение, он ускоряет темп, вбивается в меня как сумасшедший. *«Пожалуйста, выбери меня»*, — мысленно умоляю я.

— Я не могу... — Его голос звучит надломленно.

Весь мир теряет краски, и я провожу пальцами по коротким волосам Алессандро. Дрожу от нарастающего внутри меня давления. Удовольствие и боль. Словно одно без другого не может существовать.

— Равенна.

Когда Алессандро трахает меня до потери сознания, мое тело восторгается, а душа кричит. От неистовой дрожи едва удерживаю ноги, сцепленные за его спиной.

— Равенна, посмотри на меня.

Я запрокидываю голову и пытаюсь вцепиться в его слишком короткие волосы. В лучшем случае царапаю ногтями кожу его головы.

— Сильнее. Пожалуйста.

И следующим толчком Алессандро отправляет меня за грань и присоединяется ко мне в свободном падении. Я стону от восторга, дыхание учащенное и неровное. Алессандро находит мои губы, клеймя их, так же как заявляет права на меня, отмечая своим семенем. Мне не хочется возвращаться в этот мир, и я решаю ещё немного понежиться в тепле его объятий.

— Рави?

Я прикусываю изнутри щеку и заставляю себя встретить его взгляд. Каждая его ласка — это нож в мое сердце, продлевающий эту агонию. Больше не могу это выносить. Это разрушает мою душу.

Я вновь обретаю самообладание и умоляю:

— Могу попросить тебя сделать кое-что для меня?

Он наклоняет голову в сторону и гладит мою щеку.

— Все, что угодно, — отвечает он. — Ты же знаешь.

Да, все, что угодно, только не он сам.

— Уходи сейчас, Алессандро.

Он все еще держит руку на моем горле.

— Я оденусь и вернусь на вечеринку, — с трудом сдерживая дрожь в голосе, говорю я. — Через час меня кто-нибудь отвезет домой. Тебе хватит этого времени, чтобы забрать свои вещи из особняка?

Он опускает голову и прислоняется лбом к моему.

— Да.

— Хорошо, — едва сдерживая эмоции, отвечаю.

Алессандро не двигается, гладит меня по щеке большим пальцем и молча смотрит на меня. Смех снаружи нарушает тишину. Возможно, несколько гостей направились в ванную комнату. Они могут заглянуть сюда, но мне не хочется волноваться. Я обхватываю запястье Алессандро, отводя его руку от своей шеи.

— Я люблю тебя, Алессандро, — шепчу. — Прошу, береги себя.

Он на мгновение закрывает глаза и отступает назад. Убирает руку от моего лица. Затем застегивает молнию на брюках и направляется к выходу из комнаты. У двери он останавливается, мое сердце учащенно забилося, и во мне затеплилась слабая надежда.

— Прости меня, Равенна, — произносит он.

И уходит, не оглядываясь.

Алессандро

Я смотрю на солярий через лобовое стекло внедорожника и ищу в небольшой толпе зеленое платье. Уже трижды заводил машину и через несколько минут выключал зажигание.

Равенна сказала, что любит меня. Я едва не умер на месте, услышав эти слова, и все равно ушел. Хотя мог бы остаться с ней. Феликс легко бы нашел киллера, который занялся бы Пизано, и никто не связал бы меня с его смертью. Я мог бы позвонить Феликсу прямо сейчас и забрать Равенну с вечеринки.

Но зверь, пожиривший мою душу последние восемь лет, глубоко впился зубами в мою плоть и требует, чтобы я лично привел смертный приговор Рокко в исполнение. Этот зверь жаждет крови, которую я давно обещал ему, и не потерпит замены.

Я смирился со своей участью, но не готов уйти. Пока не готов. Я должен вернуть Равенну домой в целостности и сохранности. Только тогда смогу позволить этому зверю получить свою месть.

До меня доносится рев приближающейся машины, который становится все громче. Это не машина. Выхлопные газы звучат резко и слишком громко. Смотрю на другую сторону подъездной дорожки и вижу припаркованный там большой черный мотоцикл.

Достав из наплечной кобуры пистолет, выхожу из машины и спешу через дорогу по хрустящему снегу.

— Что ты здесь делаешь? — кричу я, останавливаясь перед мотоциклистом.

Драго Попов поднимает визор шлема и оглядывает меня.

— Собираюсь рассчитаться.

— Мы же договорились. — Я поднимаю пистолет и направляю его ему в лицо. — Убирайся отсюда. Сейчас же.

— Наша сделка, Дзанетти, касается только Рокко Пизано, на других его подручных, причастных к убийству моих людей, она не распространяется. По моим данным, трое из них сейчас находятся внутри.

Сзади на большой скорости приближаются еще несколько мотоциклов. Я оборачиваюсь в сторону солярия. Два мотоцикла остановились на дороге за железным забором, окружающим дом. Нехорошее предчувствие нарастает, переходя в панику. Я уже перебегаю дорогу, когда мотоциклисты достают пистолеты и начинают стрелять по стеклянной стене.

Крики людей смешиваются с выстрелами. Но в моей голове все это один сплошной грохот. Он пронзает мой мозг с такой силой, что кажется, будто голова сейчас взорвется.

К тому времени, когда достигаю разрушенных стен солярия, выстрелы прекращаются, сменяясь звуком мотоцикла вдалеке. В воздухе стоят крики и вопли.

Повсюду валяются осколки стекла, опрокинутые столы и стулья. На полу два трупа в лужах крови. Я сразу узнаю в них людей Рокко. Третий головорез лежит на фуршетном столе.

Я лихорадочно оглядываю гостей, сгрудившихся на полу у опрокинутых столов. Женщин не менее тридцати, но не вижу Равенну.

Белое платье. Розовое. Черное. Еще одно черное. Желтое. Но нет зеленого. Где она? Я наступаю на руки и ноги людей. А мне на все наплевать. Ко мне подходит мужчина и тянет за руку. Я хватаю его за грудки и отбрасываю на стул, и продолжаю искать, как сумасшедший. Красное. Черное. Золотое. Остановливаясь посреди зала и пытаюсь успокоиться. И терплю грандиозную неудачу.

— Равенна, — реву я во всю мощь своих легких.

Истерические крики внезапно обрываются, и на меня устремлены десятки глаз. На другом конце комнаты из-за опрокинутого стола виднеется голова со спутанными черными волосами.

— Я в порядке, — отзывается Равенна, вставая.

О Боже. Кажется, Равенна не пострадала, но мне нужно убедиться в этом самому. Я не обращаю внимания на людей и спешу к ней. Как только добегаю до Равенны, хватаю ее под подмышки и ставлю на ноги перед собой. Провожу ладонями по ее рукам, осматриваю грудную клетку, поворачиваю ее спиной и проверяю спину.

— Алессандро, — бормочет она.

— Тебя не задело стекло? — спрашиваю, прощупывая ее голову. — Дай мне посмотреть на твои ноги.

— Я не пострадала.

Я поворачиваю ее лицом к себе, опускаюсь на колени и кладу руку ей на голень. Лишь осмотрев ее полностью, перевожу дух. Поднимаю ее левую ногу и снимаю блестящую черную туфлю. Может быть, в нее попал осколок?

— В туфле ничего нет, Алессандро.

Я качаю головой, стаскиваю другую туфлю и кладу ладонь на подошву. После осмотра рука дрожит, в голове окончательно проясняется — Равенна в безопасности. Странное ощущение и смесь эмоций захлестывают меня.словно кто-то расстрелял в мою грудь полный магазин крупнокалиберных пуль. Страх и гнев. Облегчение. Чувство вины.

Стены моей каменной крепости дрожат как никогда, а разум наполняется громовым раскатом. *Она могла погибнуть.* Раскаты грома настолько мощные, что чувствую их вибрацию в своих костях. *Я мог потерять ее.*

решение. Знаю, что он должен убить Рокко, и мне плевать, сколько людей станет преследовать нас. Я пойду с ним на край света.

— Да, — вздыхаю я.

Алессандро достает мобильный телефон и кому-то звонит.

— Феликс, — говорит он, когда звонок соединяется. — Мне нужен киллер. Объект находится в больнице в Нью-Йорке. Под усиленной охраной, поэтому нужен снайпер — выстрел через окно. Я пришлю координаты и набросок подходящего места с прямой видимостью на цель.

— Ты издеваешься, Аз? — отвечает ворчливый голос на другом конце. — Насколько я знаю, ты — чертов снайпер, и ты уже там.

Алессандро берет мой подбородок пальцами и прижимается губами к моим.

— Если я сделаю это сам, пострадает дорогой мне человек, — говорит он мне в губы.

Мое сердце пропускает удар. Я поднимаю дрожащую руку и кладу ее на щеку Алессандро.

— Что случилось с твоим планом? — спрашиваю я. — Ты годами планировал месть. Ты мечтал сделать это лично, разве нет?

— Мечтал. Но теперь у меня другие мечты. — Он бросает телефон на приборную панель. Человек на другом конце телефона все еще говорит, но Алессандро продолжает: — И все они связаны с тобой, Рави. Если Аджелло будет преследовать меня, я не стану подвергать тебя опасности. Никакая награда того не стоит.

Слеза течет по моей щеке, но на этот раз это слезы радости, а не печали. Я знаю, что значит для него месть.

— И все же я пойду с тобой, — шепчу.

— Я не позволю этому случиться. Равенна, то, что я чувствую к тебе, превосходит все мои прежние чувства. Это как прекрасный огонь, который горит во мне, освещая тьму, которая так долго тлела в моей душе. Я хочу остаться в этом свете навсегда, если ты мне позволишь.

Я тяжело сглатываю и киваю.

— Я отвезу тебя в особняк. Соберешь свои вещи. Только то, что необходимо. Позвони маме и попроси ее сделать то же самое.

— Мы возьмем с собой маму и Витто?

— Мы уезжаем сегодня вечером. Мне нужно кое-что сделать перед отъездом, но это займет пару часов.

— Хорошо, хорошо.

Алессандро убирает руку с моего лица и заводит машину. Когда выезжаем на подъездную дорожку, он смотрит на мои руки на коленях, кладет ладонь мне на бедро и цепляется мизинцем за мой.

Мы уже на полпути к дому, когда Алессандро сворачивает на север. Я ничего не говорю о смене направления и продолжаю наблюдать за ним в профиль, поглаживая его ладонь кончиками пальцев.

Через полчаса или около того он поворачивает налево и едет по улице, ведущей к кладбищу. Мы въезжаем в ворота, Алессандро паркует внедорожник на бордюре у участка и оборачивается ко мне.

— Я ненадолго. — Он подносит мою руку ко рту и целует в середину ладони. — Хочешь пойти со мной?

— Да, но только если ты сам этого захочешь, — тихо отвечаю.

— Я хочу, — кивает он.

Мы выходим из машины, Алессандро берет меня за руку и ведет по широкой гравийной дорожке через кладбище. Я смотрю на наши переплетенные пальцы, немного нервничая от того, что ждет нас впереди. Мы шагали по узкой дорожке, не произнося ни слова, пока не дошли до белого мраморного надгробия. Рядом с ним посажена молодая березка, ее тонкие голые ветви навевали грусть. Я смотрю на белый ствол и не решаюсь взглянуть на Алессандро. Но краем глаза замечаю, как он протягивает свободную руку и гладит поверхность камня.

Он выпускает мою руку, и я на мгновение закрываю глаза и глубоко вздыхаю. Что увижу, когда открою их? Он скажет мне, что передумал?

Я набираюсь смелости и смотрю правде в глаза.

Алессандро стоит рядом со мной и развязывает узел кожаного ремешка на левом запястье. Затем кладет шнурок с амулетом-медведем на надгробие и снова берет меня за руку.

— Прощай, Натали, — говорит он грубым голосом и целует меня в макушку. — Пойдем, детка.

* * *

Часы на комоде показывают пол-одиннадцатого, отражаясь на окне, за которым ночь.

На полу лежит небольшой рюкзак, заполненный лишь наполовину. Я не хочу брать с собой ничего, купленного на деньги мужа, поэтому взяла только леггинсы, несколько топиков и нижнее белье. Все остальное, что я привезла с собой, Рокко выбросил. Своей куртки у меня нет, есть только дорогое пальто, которое выбрал для меня Рокко, поэтому я оставила пиджак Алессандро.

Услышав шаги в коридоре, я вскакиваю с кровати и бегу к двери с мобильным телефоном и рюкзаком. В коридоре темно, единственный свет исходит от люстры над лестничной площадкой в конце коридора, которая освещает фигуру в нескольких шагах передо мной.

Сумка и мобильный телефон выскальзывают из рук и с шумом падают на пол.

— Куда-то собралась, bellissima?

Я замираю, не в силах пошевелиться, ноги словно приросли к полу. И даже не могу говорить.

— Мне недавно позвонили. — Рокко делает шаг вперед. — И рассказали о званном ужине, на котором моя жена, очевидно, целовалась со своим телохранителем. Надеюсь, это неправда?

Слова не идут на язык, могу лишь стоять и смотреть на мужа. Рокко наотмашь бьет меня по лицу с такой силой, что я отлетаю к стене.

— Ах ты, чертова шлюха! — рычит Рокко и хватает меня левой рукой за шею. — Я убью тебя! А потом найду этого лживого ублюдка и сдеру с него кожу живьем!

— Он ушел. И не вернется, — задыхаясь и, наконец, выйдя из ступора, беру его за запястье и пытаюсь стряхнуть его руку, но безуспешно.

«Ты пытаешься противостоять мне в силе», — раздается в голове голос Алессандро.

Я смещаюсь, ныряю под руку Рокко и одним быстрым движением поворачиваясь всем телом. Он ослабляет хватку, и я убегаю. Моя спальня совсем рядом, поэтому забегаю внутрь, наваливаюсь всем телом на дверь и пытаюсь ее закрыть. Но Рокко следует за мной и

распахивает дверь. Я отшатываюсь, едва не потеряв равновесие. Мне некуда бежать. Я собираюсь забежать в ванную, но тут меня сильно дергают за волосы, и боль пронзает голову. Я кричу.

— Мне нравится, когда ты пытаешься бороться, сучка, — смеется Рокко и тянет меня за волосы.

Я хватаю его за кулаки. Мне так больно, что слезы хлещут из глаз, но заставляю себя крутануться, как учил меня Алессандро. Рокко вскрикивает, выкручивая мне запястье, но продолжает держаться за мои волосы. Благодаря его размеру и силе, он даже одной рукой подавлял мои попытки освободиться.

Нужно бить по слабым местам.

Я смотрю на правую руку Рокко и радуюсь, что не получу удара, по крайней мере, пока он цепляется за мои волосы. Его раненая рука туго обмотана толстым бинтом, и он держит ее подальше, защищая. Я бью по ней предплечьем, вкладывая в удар как можно больше силы. Рокко завывает, отпуская мои волосы, и прижимает раненую руку к груди, едва не падая при этом вперед.

Бежать. Мне нужно бежать. В ванную — но это тупик, и нет замка, чтобы закрыться от мужа. Я обхожу кричащего Рокко и выбегаю из спальни. В коридоре подхватываю телефон и рюкзак и мчусь к лестнице.

Чертова подъемная дверь не закрывается.

Я снова поднимаю ее и отодвигаю канистры с топливом в сторону, чтобы переложить черный мешок с подарком Феликса. Один из его парней доставил его на прошлой неделе и помог мне спрятать его в холодильнике в задней части склада. Больше он мне не пригодится, и нам придется сделать остановку где-нибудь вдали от дороги, где смогу его сжечь.

Я уже очистил квартиру от всего, что может связывать мое прошлое с Рокко Пизано. Когда люди поймут, что мы с Равенной уехали, а ее муж вскоре после этого будет найден мертвым, не хочу, чтобы эти два события связали между собой. Шансы на то, что «Коза Ностра» сможет выследить киллера, которого нанял Феликс, ничтожно малы, но не собираюсь оставлять никаких зацепок.

Ворота, наконец-то, закрываются. Я еще раз оглядываю пустой склад, проверяя, не пропустил ли чего-нибудь, затем достаю из кармана колоду карт. Карты перевязаны резинкой, их края пожелтели и обтрепались от времени. Это та самая старая колода, которой меня учил играть в покер мой старик, и часть того немногого, что я сохранил из детства. По какой-то причине так и не смог заставить себя ее выбросить.

Телефонный звонок нарушает ночную тишину. Я засовываю карты обратно в карман и сажусь за руль, снимая телефон с приборной панели. На экране высвечивается имя Равенны. Наверное, ей интересно, почему я так долго не звоню. Не могу сдержать улыбку, представляя, как она стоит у окна и ждет меня, поэтому быстро нажимаю на кнопку ответа на вызов и прижимаю телефон к уху.

— Он здесь, — раздается в трубке судорожный шепот Равенны.

Я замираю, лед стынет в жилах.

Щелчок.

Звонок прерывается.

— Я еду, Рави, — говорю я, хотя она меня не слышит, и выхожу на улицу с замиранием сердца.

Склад находится в двадцати минутах езды от особняка Пизано. Я давлю на газ, не обращая внимания на то, что стрелка на циферблате поднимается почти до ста тридцати миль в час, и стараюсь подавить нахлынувшую на меня волну паники. Автомобили, мимо которых проезжаю, становятся лишь отблесками света — в одно мгновение они есть, а в другое — их уже нет. Чем я ближе, тем сильнее мой страх, когда представляю, что этот ублюдок может сделать с Равенной. Только понимание того, что от моего спокойствия зависит жизнь любимой женщины, не дает мне окончательно сойти с ума.

Я паркуюсь вне поля зрения охраны. Скорее всего, Рокко отдал приказ охранникам остановить меня, а мне нельзя рисковать тем, что они предупредят своего босса о моем

приезде. Я достаю набор ножей, спрятанных под сиденьем, и выхожу из машины.

Осмотрев территорию, замечаю одного охранника у входа в ворота, за его спиной висит «M16». Другой — внутри караульного помещения, следит за мониторами. Я крадусь от дерева к дереву, пока не оказываюсь достаточно близко, чтобы метнуть один из своих ножей. Он попадает в шею сторожа, и тот падает на колени. Его приятель в караулке вскакивает со стула и выбегает наружу. Я запускаю в него два клинка. Первый вонзается ему в грудь, второй — чуть ниже адамова яблока. Я перерезаю им горло и забираю ножи, затем возвращаюсь назад и расправляюсь с тремя парнями, стоящими за стеной по периметру. Не обращая внимания на камеры вдоль границы участка, быстро расправляюсь с парнями Рокко, пуская пулю в голову каждому. Глушитель на моем пистолете гарантирует, что никто в особняке ничего не услышит.

В прихожей горит свет, но, похоже, никого нет. Я бегу к лестнице, когда справа от меня раздается сильный грохот. Изменив направление, мчусь к восточному крылу дома и к какофонии бьющегося стекла.

— Ну, сучка, жду не дождусь, когда доберусь до тебя! — кричит Рокко из кухни. — Я убью тебя голыми руками!

Я вбегаю внутрь.

Рокко стоит посреди комнаты, в его левой руке пистолет, но, по крайней мере, в данный момент он им не стреляет. Вокруг него разбитые тарелки и бокалы. Равенна замерла у кухонной стойки, спиной к стене, но лицом к ублюдку, в правой руке кухонный нож, в левой — бокал для вина. Ее волосы падают на лицо в беспорядке, она смотрит на Рокко со смесью страха и решимости в глазах, готовая запустить в него бокалом.

При виде ее, такой маленькой и испуганной, но стоящей перед своим обидчиком и готовой бороться за себя, у меня в душе расцветает гордость. Но теперь я здесь, и ей больше никогда не придется ни от кого защищаться. Равенна наклоняет голову, ее взгляд встречается с моим. Волосы соскальзывают с ее лица, открывая огромный красный след на левой щеке.

Я много раз слышал термин «слепая ярость», но никогда не испытывал его сам. До этого момента. Все начинается с полного спокойствия, но затем ярость и злость взрываются, как сверхновая, заполняя все мои внутренности. Я делаю шаг вперед, оказываясь позади Рокко, и обхватываю его шею правой рукой, а другой — за левое запястье. Мой взгляд устремляется на Равенну, и я со всей силой сжимаю руку Рокко. Пистолет выпадает из его руки, и Рокко бьется в моих руках, пытаюсь освободиться. Я завожу вторую руку ему за шею, зажав его голову удушающим приемом. Это очень эффективный тактический прием, позволяющий мне оказывать давление на обе стороны его шеи одновременно. Я чувствую его затрудненное дыхание, когда он борется за воздух, его лицо приобретает отвратительный фиолетовый оттенок, но никакие звуки не проникают в мои уши. Еще несколько секунд — и он готов.

Слишком легко. И слишком быстро.

По какой-то причине вспоминаю старую колоду карт в кармане, и кривая усмешка появляется на моем лице. Я отпускаю руку, и Рокко Пизано падает на пол.

Равенна

Лицо Алессандро, смотрящего на лежащего на полу Рокко без сознания, приобретает очень странное выражение. Он вроде бы контролирует себя, но взгляд его дикий. Он встречается с моими глазами, и свирепость в них исчезает, сменяясь беспокойством.

— Рави, детка? — Он делает шаг ко мне, потом останавливается. — Ты в порядке?

— Да, — отвечаю я. Мой голос и ноги дрожат, но это от адреналина.

Алессандро делает еще шаг и приседает передо мной.

— Я не причиню тебе вреда, Рави.

— Почему я должна думать, что ты обидишь меня? — бормочу я в замешательстве. — А почему ты присел?

— Пытаюсь сделать себя менее пугающим в твоих глазах, детка.

— Я не боюсь тебя, когда ты стоишь или... как сейчас. От слова совсем.

На его губах заиграла улыбка.

— Тогда, может быть, ты бросишь нож?

Я опускаю взгляд и понимаю, что все еще сжимаю в вытянутой руке нож для стейка.

— Ой... прости, — охаю я и опускаю руку.

— Можно я тебя обниму? Пожалуйста? — спрашивает он и заглядывает мне в глаза.

С суровым лицом и с крепко сжатой челюстью, он словно пытается сдержать себя. Я на мгновение растерялась от его поведения и вопроса, но потом меня осенило. Он боится, что я в шоке и тоже считаю его угрозой. Глупый человек. Я бросаю нож на пол и кладу руку ему на щеку.

— Да, — разрешаю я.

Алессандро вскакивает и поднимает меня.

— Прости, — говорит он мне в губы, прижимая меня к себе так сильно, что едва могу дышать. — Я должен был быть здесь.

— Все в порядке. У меня появился шанс опробовать те приемы, которым ты меня научил, — бормочу я и прикусываю его нижнюю губу.

— Пока я жив, Рави, тебе больше никогда не придется использовать эти приемы. Клянусь своей жизнью. — Он скользит губами по моему подбородку к синяку на щеке. — Ты собралась?

— Да.

— Мне нужно только кое-что доделать, и мы уходим. Поняла?

— Да.

— Хорошо. — Он медленно опускает меня на пол, затем берет мое лицо между ладонями. — Подожди здесь, пока я не вернусь за тобой. Пожалуйста.

Я киваю.

Алессандро снова целует меня в губы, а затем направляется к Рокко. Он хватается моего мужа за ворот пиджака и тащит его из кухни. Я жду у стола несколько секунд, а затем бросаюсь за ними.

Перебегаю через прихожую в кабинет и заглядываю внутрь через открытую дверь. Рокко все еще без сознания, Алессандро усаживает его на один из больших стульев в стиле барокко у стены, прямо под огромной картиной, написанной маслом. Рокко заказал эту картину вскоре после нашей свадьбы. Композиция представляет собой группу мужчин, сидящих за покрытым сукном столом и играющих в карты на безупречно белой поверхности. Чем-то она мне напоминает «Тайную вечерю» да Винчи.

Алессандро отодвигает журнальный столик перед Рокко и берет из угла комнаты еще одно кресло. И ставит его по другую сторону стола, лицом к Рокко.

— Пизано, пора просыпаться, — бросает Алессандро, садясь в кресло и кладя пистолет на стол.

Глаза Рокко распахиваются. Какое-то мгновение он просто смотрит на Алессандро, затем вскакивает со стула и левой рукой тянется к пистолету.

Алессандро оказывается быстрее. Выхватывает оружие и стреляет в бедро Рокко.

— Это заставит тебя сидеть спокойно.

Рокко падает обратно на стул, крича во всю мощь своих легких. Алессандро не обращает внимания на его вопли и кладет пистолет обратно на стол. Затем лезет в карман и достает колоду карт.

— Я убью тебя на хрен, кусок лживого дерьма! — ревет мой муж между рыданиями, брызжа слюной. Его лицо покраснело то ли от ярости, то ли от боли.

— Я знаю, что тебе нравится играть по высоким ставкам, — произносит Алессандро, перетасовывая карты. — Раз уж на этот раз у нас нет на руках красивых камней, сыграем на что-нибудь другое. Как насчет частей тела?

Глаза Рокко вспыхивают. Он откидывается на стуле, смотрит на Алессандро, и удивление на его лице перерастает в страх.

— Отпусти меня, — предлагает Рокко. — Отпусти меня, и я ничего не скажу Аджелло. Но если ты убьешь меня и дон узнает об этом, тебе конец, Дзанетти.

— Мне плевать. Ты посмел прикоснуться к той, кого я люблю, и заплатишь за это. Плевать я хотел на последствия.

Я прикусываю нижнюю губу. Он все-таки решил отомстить. Возможно, именно поэтому попросил меня остаться на кухне. Чтобы я не знала.

— Она моя жена, ты, ублюдок! — огрызается Рокко. Он, очевидно, решил, что Алессандро говорит обо мне, а не о своей покойной жене.

— Ты имеешь в виду свою будущую вдову? — Алессандро качает головой и начинает раскладывать карты. — Да. Я влюбился в твою будущую вдову с того самого дня, как переступил порог твоего дома. А теперь заткнись и играй. А то я решу испортить тебе вторую руку, и тогда ты вообще ничего не сможешь держать.

Я подношу дрожащую руку к губам. Он делает это ради меня. Последние сомнения, которые еще оставались в моем сердце, исчезают, и я решаюсь поверить в то, что мечты, которые когда-то имела и считала сгоревшими в прах, сбудутся.

Закутавшись поплотнее в пиджак от костюма Алессандро, я подкрадываюсь ближе, но прячусь за одной из книжных полок. Мне хочется подбежать к нему и поцеловать, но не смею отвлекать его и рисковать тем, что Рокко достанет пистолет.

Я думала, что в покер можно играть только с тремя и более людьми, но, похоже, ошибалась. Алессандро сдает по две карты каждому из них, лицом вниз, затем кладет на стол еще три карты, лицом вверх.

— Я пас, — усмехается Рокко, посмотрев на свои две карты.

— В моей игре нет паса, Пизано, — отвечает Алессандро, выкладывая на стол еще две карты лицевой стороной вверх. — Мы также пропустим пару шагов, чтобы сэкономить время. Теперь посмотрим, что мы имеем.

Рокко смотрит на карты, затем переводит взгляд на пистолет. Я вижу это в его глазах в тот момент, когда он решает его достать. Его тело напрягается, он слегка наклоняется вперед. Я открываю рот, чтобы предупредить Алессандро, но в этом нет необходимости. Алессандро выхватывает оружие и направляет руку вправо. В следующее мгновение воздух пронзает выстрел.

Мой муж вскрикивает и прижимает руку к кровоточащему плечу.

— Больно? — спрашивает Алессандро, опуская пистолет, но Рокко продолжает выть.

— Я спрашиваю, больно? — Алессандро наклоняется над столом и сжимает пальцами забинтованную руку Рокко.

Звук, сорвавшийся с губ Рокко, скорее животный, чем человеческий.

— Да!

— Я рад. Давай продолжим.

Я прячусь за книжной полкой и наблюдаю, как они играют еще три раунда. Каждый из них завершается попаданием пули в тело Рокко. В правый бицепс. Левая нога. Другое бедро. Лужа крови растекается по креслу Рокко. Он едва может сидеть прямо. Даже всхлипывания утратили свою пылкость, и только хныканье раздается время от времени. Кажется, что время тянется бесконечно, но прошло всего пять минут.

Алессандро снова сдает карты. Рокко раскачивается на стуле и падает вперед, ударяясь головой о деревянную поверхность стола. Карты рассыпаются, одна за другой падают на пол. Алессандро выхватывает пистолет и хватая Рокко за волосы, поднимая его голову вверх.

— Игра окончена, ублюдок. — Он стреляет прямо в лоб Рокко.

Кровь и мозги брызжут повсюду, покрывая все вокруг жутким месивом.

Алессандро отпускает голову Рокко, и та падает на деревянный журнальный столик. Последняя карта, оставшаяся на столе, соскальзывает вниз и медленно переворачивается в воздухе, прежде чем упасть на лужу крови у ноги Алессандро. Туз червей.

Я выхожу из своего укрытия за книжной полкой и делаю шаг в комнату. Алессандро поднимает голову и замирает, как только замечает меня. Его рубашка спереди забрызгана кровью, на лице и правой руке тоже кровь.

— Господи, Рави. Как долго ты там стоишь?

— С самого начала. — Я делаю еще шаг вперед, затем бросаюсь к нему.

Когда добегаю до него, то прыгаю в его объятия, не сомневаясь, что он поймает меня. И он ловит. Обхватываю его голову, судорожно перебирая пальцами короткие волосы, и прикипаю к его рту.

— Я люблю тебя, — шепчу ему в губы.

Он прижимает меня к своей груди так крепко, что мне становится трудно дышать.

— Не думаю, что «люблю» полно описывает то, что я чувствую к тебе, Рави, — говорит он между поцелуями. — Хотелось бы мне найти слова, чтобы это выразить. Это как прекрасное пламя, охватившее мое сердце и превратившееся в пылающее безумие. Все остальное ничтожно перед его светом.

— Тогда давай сгорим вместе, — предлагаю я и царапаю ногтями кожу на его шее.

Алессандро с низким рычанием пронесет меня через всю комнату и кладет на большой

письменный стол в центре комнаты. Затем стягивает с моих плеч пиджак, срывает с меня оставшуюся одежду, пока я не оказываюсь на столе совершенно голой.

— Такая красивая. — Он кладет руку мне на шею, поглаживая кожу большим пальцем, и чувствую, как мгновенно становлюсь влажной. — И наконец только моя.

Он держит ладонь на моем горле, а другой рукой проводит по моей спине, кончиком пальца прочерчивая линию по груди и животу, а затем вводит его глубоко в меня. Я стою, чувствуя его палец внутри себя.

— Ну и как тебе, Равенна, быть только моей? — спрашивает он, слегка сжимая мою шею.

Я глубоко вздыхаю и наслаждаюсь рукой на моей шее.

— Слово я, наконец-то, свободна.

Алессандро смотрит на меня темно-синими глазами, вынимает палец из моего влагища и подносит руку ко рту. Его взгляд не отрывается от меня, пока он слизывает мои соки со своей плоти.

— С каждым разом твой нектар становится все слаще, — говорит он, глядя на меня, как голодный зверь, собирающийся напасть. — Мне очень трудно решить, хочу ли я сначала полакомиться тобой своим членом или ртом.

По телу пробегает дрожь. Я кладу руки на воротник его окровавленной рубашки и рывком дергаю. Две верхние пуговицы падают на пол, а он опять скользит рукой к низу моего живота, искусно лаская мою жаждущую плоть. Я снова тяну его за рубашку, отрывая очередную пуговицу и оголяя его грудь, покрытую татуировками. В ответ на это Алессандро чуть крепче сжимает мою шею и проникает в меня кончиком пальца.

Странно, но все происходящее кажется таким медленным, в то время как каждая наша встреча была взрывной. Тем не менее я наслаждаюсь сдержанностью на лице Алессандро. Вижу едва сдерживаемое бешенство в его глазах и понимаю, что он изо всех сил старается не погрузить в меня член прямо сейчас.

Снова падает пуговица, и его палец проникает чуть глубже.

— Похоже, тебе нравится мучить меня, Рави, — хрипит он.

— Я вижу, ты мне подыгрываешь. — И невольно улыбаюсь.

Его палец входит полностью, заставляя меня ахнуть. Руки дрожат, когда расстегиваю две последние пуговицы и перехожу к молнии на его брюках.

— Рави, детка, я хочу, чтобы ты двигалась быстрее, — просит он, надавливая большим пальцем на клитор. — Или я потеряю контроль.

— Я бы с удовольствием посмотрела на это, — дразню я, спуская штаны с его бедер.

С губ Алессандро срывается рык. Его палец мгновенно исчезает из моего влагища, а рука отпускает мою шею. Я издаю разочарованный крик, быстро переходящий в визг, когда он обхватывает меня за талию и разворачивает к себе.

— Детка, согни ноги и встань коленями на стол, — говорит он, пока держит меня на руках.

Я, может быть, и невысокая, но уж точно не худенькая, а от того, как он меня держит, словно куклу, уже такая мокрая, что даже неловко. Но я киваю и подчиняюсь, когда он медленно опускает меня на стол.

— Наклонись вперед и раздвинь ноги, чтобы я мог лучше рассмотреть твоё сладкое местечко.

Я прижимаюсь лбом к деревянной поверхности, отчего по спине, где Алессандро

проводит ладонью, пробегает электрический ток.

— Смотри, как мы хорошо подходим друг другу, — шепчет он, лаская рукой мою шею. — Сделай глубокий вдох, Рави.

Я хватаюсь за край стола и вдыхаю, а Алессандро проникает внутрь. Его член заполняет меня, так сильно растягивая, что у меня уже нет сил терпеть. Мои стоны переходят в крики экстаза, когда он начинает медленно покачивать бедрами.

Это кошунство. Я стою на коленях на столе, рядом со своим мертвым мужем, и меня потрясаяще трахает человек, который его убил. В двух шагах от еще теплого тела нашего врага.

Мне все равно. Господи, помоги мне, но мне плевать.

Я начинаю дрожать, и с каждым разом, когда Алессандро входит в меня, все ближе к пропасти. Давление нарастает под его уверенным ритмом, пока не чувствую, что становлюсь невесомой, и взрываюсь в экстазе.

* * *

— Камера... — предупреждаю я, когда Алессандро несет меня к лестнице.

— Неважно. Никого не осталось в живых, чтобы посмотреть видеозапись.

Я крепко обнимаю его за шею и целую в щетинистую щеку.

— А что случилось с парнями из охраны?

Он останавливается на середине лестницы и смотрит на меня.

— Они представляли для тебя угрозу, поэтому их нейтрализовал. Я не буду извиняться за это.

Действительно немногословный человек. С этим заявлением он продолжает подниматься по лестнице.

Когда мы добираемся до моей спальни, Алессандро усаживает меня на кровать, а сам подходит к ее изножью и встает на колени на пол.

— Что ты делаешь? — Я растерянно взираю на него.

— Там, внизу, я потерял контроль над собой. — Он берет меня за лодыжку и подносит ногу к своему рту, целуя ступню. — Рави, детка, закрой глаза.

Я закрываю глаза и сосредотачиваюсь на его губах, нежно целующих мою ногу.

— И что это? — шепчу я.

— Это... — Он переходит к другой ноге, целуя и там свод стопы. — Это я поклоняюсь тебе.

Алессандро медленно скользит ладонями по моим ногам, дюйм за дюймом, затем осыпает их мелкими поцелуями — один на правой ноге, затем на левой, и так по кругу. Когда добирается до развилки между бедер, чувствую, как матрас прогибается под его весом.

— Не открывай глаза, — говорит он грубым голосом, — и не подглядывай.

Он целует меня в низ живота, а ладонями ласкает внутреннюю сторону моих бедер.

Я прикусываю нижнюю губу и сжимаю пальцами простыню. Его руки скользят вверх к лобку, а губами он движется вниз. Поцелуй и ласка. Поцелуй и поглаживание. Я гадаю, что первым достигнет моей сердцевины — его руки или рот, и сладкое предвкушение только усиливает мое возбуждение.

Его губы прижимаются к клитору в то же мгновение, когда его пальцы приближаются к моему входу.

— Вдохни поглубже, — приказывает он.

Мне даже не нужно напоминать, потому что его губы смыкаются вокруг клитора в тот

самый момент, когда он вводит в меня палец, и я стону. Влага стекает между ягодиц, а теплый язык Алессандро лижет клитор, его движения уверенные, но медленные. Постепенно он вводит палец все глубже и глубже. Мое и без того чувствительное влагалище болит от потребности, желая большего, но Алессандро неумолим, продлевая сладкую пытку. Неспешные, методичные движения языка, а затем второй палец погружается внутрь. Ноги дрожат, сердце бешено бьется. Я отпускаю простыню и хватаю любимого за волосы, притягивая его голову к себе.

Алессандро прижимается губами к клитору и начинает его сосать. Мурашки пробегают по спине, до самого основания черепа. Я выгибаюсь дугой и стону, когда возбуждение нарастает.

— Пожалуйста, — задыхаюсь я. — Я сойду с ума

— Не сойдешь, — бормочет Алессандро между бедер и продолжает лизать клитор, в то время как шершавыми пальцами скользит по мне, погружаясь с каждым разом все глубже и глубже.

— Алессандро! — кричу я, теряя самообладание.

Он вводит пальцы полностью и сосет клитор с такой силой, что в следующее мгновение ярываюсь на миллион кусочков.

Я все еще вздрагиваю, когда он в последний раз лижет меня и поднимает голову.

— Рави, детка, я еще не закончил.

— Что? — лепечу я.

Быстро поцеловав меня внизу, он встает и начинает снимать с себя одежду.

— А ты думала, что я удовлетворюсь только ртом? — Он переползает по моему телу и ставит локти по обе стороны от моей головы, наклоняясь ко мне и захватывая меня в свои темно-синие омуты. — Я никогда не смогу насытиться тобой.

Он не сводит с меня взгляда, пока входит в мое горячее лоно. Я вздрагиваю.

— Болит? — спрашивает он.

— Немного.

Обхватив меня, Алессандро поворачивает нас, и я оказываюсь на нем сверху. Я медленно вращаю бедрами, наслаждаясь тем, как он чувствует себя подо мной. Его член заполняет меня полностью, и каждое малейшее движение зажигает все мои нервные окончания. Я упиваюсь тем, как его рука поднимается по моему животу и груди и обхватывает мою шею.

— Мне так жаль, — неожиданно произносит он, и его голос звучит надломленно.

— Из-за чего?

Алессандро не отвечает, лишь смотрит на меня со странным выражением в глазах. Я наклоняюсь немного вперед, и Алессандро кладет другую руку мне на щеку.

— Я люблю тебя, Равенна. Больше, чем что-либо или кого-либо в своей жизни, — шепчет он. — Пожалуйста, помни об этом.

Я не понимаю, почему он говорит так... грустно. Рокко больше нет. Мы, наконец-то, свободны.

— Что происходит?

— Ничего, детка. — Он улыбается краешком губ. — Я просто хотел, чтобы ты знала. Вот и все.

Я продолжаю объезжать его, восхищаясь ощущением его тела под своим, а он все смотрит мне в лицо, и все это время на его губах играет грустная улыбка.

Натянув одеяло на голое плечо Равенны, я сажусь на край кровати и смотрю на телефон в руке. Пока лежал рядом с Равенной, а ее голова покоилась у меня на груди, в голове прокручивалось несколько сценариев. Ни один из них не был хорош, и каждый вариант казался хуже предыдущего. В тот момент, когда убил Пизано, я понял, что в этой ситуации возможен только один выход.

Я нахожу нужное мне имя в списке контактов и набираю номер. Уже далеко за полночь, но он ответит. В это время никто не звонит дону, если это не экстренный случай.

— Что случилось? — раздается голос Сальваторе Аджелло.

— Рокко Пизано мертв.

— Его убили сербы?

— Нет. Я.

Наступает мертвая пауза, после чего дон снова говорит:

— И ты звонишь, чтобы признаться?

— Нет. Я позвонил, чтобы сказать, что Равенна не имеет к этому никакого отношения.

Она не должна пострадать.

Я работаю непосредственно на дона уже много лет, и он достаточно хорошо меня понимает, чтобы знать, что не стану убивать никого без причины. Особенно капо. Но это не меняет того факта, что я сделал это без его одобрения. Я пошел против дона и предал семью. Наказание за это — смерть. Я не могу бежать и не могу лгать ему. К тому же он наверняка уже в курсе, что произошло на званом обеде, включая наш с Равенной поцелуй на глазах у всех.

Аджелло снова молчит, отчего у меня нарастает паника в душе. Чтобы обезопасить Рави, я бы не побрезговал убить и его. Но не уверен, что у меня когда-нибудь появится такая возможность.

— Пожалуйста. — Я закрываю глаза и сжимаю телефон в руке.

— Он это заслужил?

— Он заслуживал гораздо большего, чем в итоге получил.

Еще пауза. Возможно, она длится считанные секунды, но мне кажется, что это целая вечность.

— Ты у Рокко дома? — спрашивает Аджелло.

— Да.

— А тело?

— В его кабинете.

— Хорошо. Слушай меня очень внимательно, Дзанетти. У тебя четыре часа, чтобы прибраться за собой, затем забирай свою женщину и уходи через пять часов. Ты понял?

Он нас отпускает?

— Ты понял, Дзанетти?

— Почему? — спрашиваю я.

— Ты спас жизнь моей жене. Теперь я дарю тебе твою, так что мы квиты. Если еще раз увижу тебя в моем городе, ты мертв.

— Мы уедем через четыре часа.

— Хорошо. Не забудь замести следы, потому что если кто-нибудь свяжет тебя с этим гребаным бардаком, я дам своим людям зеленый свет, чтобы они пришли за вами обоими.

Он отключается, не оставляя мне сомнений в том, что говорит серьезно.

Я кладу телефон и смотрю на него, пока в уме идет напряженная работа. Через минуту набираю другой номер.

— Мне нужно еще одно тело, — говорю я, как только Феликс отвечает на звонок.

— Что?! Ты с ума сошел? Ты знаешь, сколько времени...

— Хватит болтать, Феликс. Это срочно.

— Вопрос жизни и смерти?

— Да. Мне нужно тело женщины, с чёрными волосами, двадцати лет. Место доставки — Нью-Йорк, я пришлю тебе адрес.

— Хорошо. На следующей неделе кого-нибудь для тебя найду.

— Мне нужно тело через три часа, Феликс. Ни минутой дольше. И мне нужна машина.

Я обрываю звонок и выхожу из комнаты, чтобы взять свой ноутбук и чертежи особняка.

* * *

Спланировать пожар в доме, который будет выглядеть как утечка газа, и стереть все свидетельства моего участия в нем за два часа — практически невозможно, но у меня нет выбора. Даже если утечка газа не подтвердится, это не будет иметь значения, пока все верят, что Рокко, Равенна и я погибли при пожаре.

Я еще раз проверяю чертежи, разложенные на полу рядом с кроватью, затем гляжу на Равенну. Она все еще крепко спит.

— У меня все получится, Рави.

Схватив ноутбук, открываю программу видеонаблюдения, просматриваю архивные файлы и нахожу запись с камеры у ворот, на которой видно мою машину, когда уезжал сегодня. Запись сделана сразу после четырех часов дня. Я редактирую полуминутный ролик, заменяя его фиктивным видео с закрытыми воротами. Затем перехожу к моменту, когда я пробрался на территорию и убил двух охранников на посту. Изменяю и эту часть, а также несколько кадров, где камеры зафиксировали, как я расправляюсь с остальными охранниками.

На редактирование всех компрометирующих кадров у меня уходит почти два часа. Так как у меня уже было несколько сохраненных записей, сделанных в разное время суток, мне оставалось только найти подходящие и отредактировать записи в журнале, а затем соединить их. В результате получилась чистая непрерывная запись, на которой видно, как мы с Равенной приезжаем в особняк в середине дня, а Рокко появляется в половине десятого. После этого переключаю все камеры между входной дверью и воротами так, чтобы они показывали неподвижное изображение в течение следующих двух часов.

Первый этап завершен. Пора спускаться вниз, чтобы подготовить сцену для второго этапа.

* * *

чтобы выйти на улицу.

Алессандро стоит у незнакомого черного автомобиля и открывает для меня водительскую дверь. На шее у него противогаз, а в другой руке он держит бутылку с торчащей из нее тряпкой.

— Подъезжай к воротам и жди меня, — говорит он. — Я скоро буду.

— Что ты собираешься делать?

— Похоже, ребята, которые устанавливали новую печь для Рокко, плохо сработали. Там серьезная утечка газа.

— Когда это случится?

— Где-то минут через двадцать. — Он натягивает на лицо противогаз и направляется вглубь особняка.

Последний раз я водила машину год назад, когда одолжила ее у Мелании, чтобы отвезти маму к врачу, поэтому мне нужно сосредоточиться на управлении. Подъехав к воротам, я решаю остановиться на повороте дороги, что позволяет мне видеть и вход в поместье, и парадные двери особняка. Когда гляжу через заднее стекло, Алессандро нигде не видно. Бутылка с тряпкой, которую он держал в руке, осталась на проезжей части, где стоял внедорожник.

Следующие двадцать минут я переводила взгляд с часов на приборной панели на заднее стекло, ожидая, когда Алессандро выйдет. Мое терпение подходит к концу, и я уже подумываю вернуться и поискать его, когда открывается входная дверь и из нее появляется Алессандро.

Он небрежно шагает по дороге, затем останавливается и снимает маску. У меня звонит телефон. Я отвечаю на звонок, не сводя глаз с Алессандро, который прижимает телефон к уху.

— Рави, детка, закрой ушки, — раздается его голос в трубке.

— Хорошо, — шепчу я и наблюдаю, как он убирает телефон и нагибается, чтобы взять с земли бутылку с зажигательной смесью.

Мое сердце пускается в галоп, когда он поворачивается лицом к дому и достает что-то из кармана брюк. Я слишком далеко, чтобы разглядеть, что это, но по усюку пламени, вырвавшемуся из его руки, понимаю, что это зажигалка «Зиппо». Он подносит бутылку к пламени, поджигает тряпку и запускает ее в окно дома на первом этаже, разбивая стекло.

Алессандро уже бежит к машине, когда в воздухе раздается громовой раскат. Как будто я смотрю сцену из голливудского фильма, мои глаза прикованы к огромной фигуре Алессандро, появляющейся из облака дыма, а пламя за его спиной поднимается к ночному небу, отбрасывая оранжевое сияние на все в округе.

Я дергаю за ручку двери и выхожу из машины, желая убедиться, что с ним все в порядке, но у меня нет ни единого шанса, потому что как только Алессандро добегаем до меня, то притягивает к себе и прижимается ко мне губами.

— Как думаешь, будет немного странно, если я попрошу тебя выйти за меня замуж в ту же ночь, когда ты стала вдовой? — бормочет он мне в губы.

— Не знаю. Может быть? — Я смеюсь.

— Какая разница? Мы все равно официально мертвы. — Он отстраняется и встречается со мной взглядом. — Рави, малышка, ты выйдешь за меня замуж?

Я зажимаю его нижнюю губу между зубами и прикусываю ее.

— Да.

Два года спустя, недалеко от Ле-Пюи-ан-Веле, Франция

Раздается сигнал.

Я замираю с рукой на полпути к тостеру.

Это один из сигналов тревоги, сигнализирующий о нарушении периметра. У меня повсюду стоят датчики движения, создающие четыре concentрических круга безопасности вокруг нашего участка. Срабатывание означает, что кто-то пересек одну из границ датчика и приближается к нам.

Я смотрю в сторону задней террасы, где жена готовит завтрак, что-то насвистывая про себя. Ее мать и брат обещали зайти попозже, но для них еще слишком рано.

Бип. Бип.

Два гудка означают, что нарушители достигли второго рубежа. Судя по тому, как быстро едут, они, наверное, на машине.

— Рави, — зову я, открывая ящик и доставая пистолет. — Детка, поднимись вверх.

Равенна оглядывается через плечо.

— Что-то не так?

— Похоже, у нас незваные гости.

Забор вокруг участка и камеры — это, конечно, полезные меры безопасности, но я бы никогда не стал устанавливать их вокруг нашего дома. Моя жена больше никогда не будет чувствовать себя пленницей, за каждым шагом которой следят. А тот, кто желает ей зла, должен сначала пройти через меня, чтобы добраться до нее.

Равенна оставляет тарелки на столе и идет на кухню. Ее длинные волосы каскадом ниспадают по спине, как мерцающий черный занавес, и слегка подпрыгивают при каждом шаге. Она огибает барную стойку, отделяющую гостиную от кухни, и встает рядом со мной.

Бип. Бип. Бип.

— Пожалуйста, — говорю я и киваю в сторону лестницы, ведущей на чердак.

Она только улыбается мне и лезет в большую декоративную вазу на стойке, откуда достает один из моих пистолетов и взводит курок.

— Нет, — рычу я.

Бип. Бип. Бип. Бип. Бип.

Черт. Они пересекли последнюю границу периметра.

— Равенна.

Она склоняет голову набок и кладет ладонь мне на щеку.

— Тебе никогда не придется сражаться с врагом в одиночку, Алессандро. Ты хорошо меня научил. — Она приподнимается на носочки и целует меня в губы. — Со мной все будет в порядке.

Мне не следовало рассказывать ей о своих заданиях. Или учить ее стрелять.

Снаружи раздается сигнал автомобиля. Человек за рулем, похоже, не удовлетворился одним гудком и продолжает нажимать на него в быстрой последовательности, как маньяк. Это сочетание коротких и длинных гудков, повторяющихся циклично.

— Отлично, — бормочу я и целую жену, затем бросаю пистолет обратно в ящик. — Можешь убрать его, детка.

— Это кто-то, кого ты знаешь?

— К сожалению.

Я выхожу через парадную дверь и смотрю на новоприбывшего. Есть только один человек, который заявился бы ко мне домой и использовал свой автомобильный гудок как азбуку Морзе для передачи сообщения. Что за сообщение?

«Привет, это я».

— Серьезно, Белов? — Я скрещиваю руки на груди.

— Что? Ты не любитель поп-рока? — Блондин выпрыгивает из машины и сужает на меня глаза. — Сколько лет прошло? Десять? Мужик, ты постарел.

— Алессандро. — Равенна выглядывает из-за моей спины. — Ты собираешься представить своего друга?

— Да, Алессандро. Ты нас не представишь? — ухмыляется Белов

— Детка, это Сергей Белов. Парень, который чуть не взорвал меня во время задания. Дважды, — говорю я, а потом оглядываюсь на своего бывшего товарища. — Что ты здесь делаешь?

— Мы приехали в гости.

— Кто это «мы»? — ворчу я.

Открывается пассажирская дверь машины Сергея, и из нее выходит Феликс Аллен.

— Это деловая встреча, а не светская. Мы приехали за ответной услугой вместо оплаты за оказанные мной услуги.

— Какие услуги? — спрашиваю я.

Феликс поправляет очки и лезет в карман, доставая сложенный лист бумаги. Он прочищает горло и начинает читать вслух.

— Изготовление нескольких комплектов первоклассных поддельных документов. Взлом базы данных федералов, местных органов власти и штатов, доступ к разным записям и информации, взлом систем правоохранительных органов и похищение конфиденциальной информации, — он делает паузу и смотрит на меня, после чего тяжело вздыхает и громко выдыхает, — тринадцать раз. Поиск и приобретение на черном рынке дальнобойного оружия, при необходимости подделка или удаление серийных номеров. Открытие двух счетов в оффшорных банках и покупка...

Я закатываю глаза на эту королеву драмы, а затем обхватываю Равенну за талию, пока Феликс продолжает перечислять все, что он сделал для меня за эти годы.

— Это тот парень, который помог тебе выбраться из Z.E.R.O.? — шепчет Равенна.

— Ага. — Я целую ее в макушку, пока Феликс продолжает говорить:

— ...шантаж, обращение за помощью к якудзе, а также к двум группировкам каморры. Регулярное избавление от трупов, наем и увольнение очень дорогого киллера...

— Но он выглядит как... дедушка. — Она смеется. — Если бы увидела его на пешеходном переходе, я бы предложила помочь ему перейти дорогу.

— Он, наверное, откусил бы тебе руку. А вид ворчливого старика только делает его еще

опаснее.

— ...поиск тела с уникальными характеристиками, а также расходы на хранение до получения комплекта инструкций по доставке, приобретение другого тела в крайне сжатые сроки и стоимость букета орхидей.

Феликс откладывает бумагу и кладет руки на бедра.

— Расходы на хранение тела? — спрашиваю я.

— Да. — Он кивает. — Ты просил экземпляр ростом шесть футов семь дюймов. Пришлось купить холодильник побольше.

— А букет?

— Мой врач сказал, что мне нужно сократить потребление сахара. Гваделупе обнаружила тело, когда искала мои запасы мороженого, так что мне пришлось извиниться, что заставил ее волноваться.

Я смотрю на небо и качаю головой.

— Чего ты хочешь?

— Мне нужно, чтобы ты сопровождал Сергея в одной маленькой частной миссии для меня. Ничего особенного. Три дня, может быть, четыре максимум.

— Что за миссия?

— Спасательная миссия. Короткая поездка в Мексику и обратно. Это будет проще простого, Аз. Клянусь.

— Понятно. Если она абсолютно бессмысленная, почему Белов не может сам с ней справиться?

— Место вроде как охраняется, — бормочет старик, избегая моего взгляда.

— Сколько людей? — спрашиваю я.

Феликс пожимает плечами, но ничего не отвечает.

— Сто три, — бросает Сергей и улыбается. — Это комплекс моего приятеля Мендосы. Надеюсь, он не поймет, что это я, когда мы будем штурмовать его.

— И твой брат не против, что ты вторгаешься на территорию его партнера?

— Не совсем. — Сергей морщится. — Давайте не будем ему говорить. Роман с ума сойдет, если узнает.

Как мило.

— И кого мы спасаем?

— Кая Мазура, — говорит Феликс.

— Ещё чего. — Я фыркаю. — Да ни за что на свете.

— Ты мой должник!

— Этот человек — чертов псих, Феликс. Он наверняка подумает, что мы пришли, чтобы убить его, и попытается убить нас первыми.

— Ты всегда видишь в людях только худшее, — вставляет Сергей. — Кай — порядочный человек.

— Кай — порядочный человек? Если я правильно помню, вы с ним не меньше пяти раз пытались убить друг друга.

— Порядочный и псих? — усмехается он.

Я щипаю себя за переносицу, с трудом веря в услышанное дерьмо. Это правда. Сумасшедших людей просто тянет друг к другу.

— Давай, Аз, — настаивает Сергей. — Мы не можем его бросить.

— Ладно, черт побери.

* * *

Справа от меня раздаётся хруст.

Я вскидываю винтовку в сторону источника звука и вижу, что это всего лишь грызун, шныряющий среди опавших листьев.

Воздух насыщен влажностью, из-за чего трудно дышать, особенно в полном тактическом обмундировании и с приборами ночного видения. Я перестраиваюсь и снова навожу прицел на деревянные ворота, у которых стоят двое мужчин.

— Этот псих не мог позволить себе попасть в более прохладный климат, не так ли? — ворчу я.

— Уверен, в следующий раз он будет более предусмотрительным, — отвечает Сергей, продолжая скручивать провода на своей самодельной бомбе.

— Как, черт возьми, его схватили?

— Понятия не имею. Феликс считал Кая мертвым, пока его имя не всплыло в сообщении, которое он перехватил по одному из неофициальных каналов. Представляешь, у этого старого засранца до сих пор есть запасной выход на связь с Крюгером. В любом случае, похоже, что мексиканцы держали его довольно долго. Зятя Мендосы арестовали в США в прошлом месяце, и они предложили обменять Кая на сыночка.

— Сколько времени?

Сергей заканчивает с бомбой и кладет ее на землю.

— Три года.

— Три года? Господи, мать твою. Ты уверен, что он жив?

— Они бы не убили его. Слишком ценный козырь в переговорах, — говорит он и достает снайперскую винтовку. — А вот в каком состоянии мы его найдем — это вопрос на миллион долларов. Давай подойдем поближе.

Мы подбираемся ближе к воротам и укрываемся за большим кустом. Я держу охранников в прицеле, а Сергей достает из рюкзака небольшое планшетное устройство и раскрывает его.

— Кстати, я видел запись твоих похорон. Прекрасная служба.

— Спасибо.

— Они все еще верят, что это была утечка газа?

— Те, кому надо, — да. — Я киваю в сторону стоящего перед нами комплекса.

— Сколько бомб ты установил?

— Двенадцать вдоль внешних стен. Тридцать семь внутри. Не смог сделать ни одной у ворот, так как они охраняются круглосуточно. — Он проводит пальцем по кнопке на клавиатуре и берет только что сделанную бомбу в свободную руку. — Обожаю это дерьмо.

Сергей бросает бомбу в сторону ворот. Она приземляется между двумя охранниками и взрывается. Через секунду воздух наполняется оглушительным грохотом — одновременно срабатывают все взрывные устройства, установленные Сергеем. Земля дрожит, словно под ногами произошло землетрясение, вздымая ввысь грязь, дерево и обломки зданий. Я просто жду, когда адская пасть откроется и поглотит нас целиком.

— Ты уверен, что этого достаточно, Белов? — с сарказмом спрашиваю я, глядя на облако пыли и дыма, поднимающееся над пятьюдесятью тысячами квадратных футов территории комплекса Мендосы.

— Хватит, — отвечает Сергей. — Не смог достать ещё больше «С4» в короткие сроки.

Проходит почти двадцать минут, прежде чем пыль оседает настолько, что мы можем

хоть что-то разглядеть. Взрывы вырубали электричество, и весь комплекс размером с футбольное поле погрузился в темноту, а единственный свет исходит от десятка костров, возникших вокруг. Место происшествия действительно похоже на ад.

— Сейчас, — говорю я и, натянув бандану на рот и нос, направляюсь к воротам.

Крики и стоны раздаются повсюду, пока мы идем среди разрушенных строений. Периодические выстрелы дополняют какофонию, когда мы отбрасываем выживших на нашем пути. Все, за исключением огромного ангара в центре комплекса, лежит в руинах. Несколько человек стоят у входа, подняв оружие, и судорожно ищут приближающуюся угрозу. При подходе справа я убирую пятерых, а Сергей расправляется еще с четверьмя, подошедшими с другой стороны.

— Назад, — говорит он и направляется в сторону ангара, а я продолжаю идти к парадному входу.

Когда приближаюсь к двери ангара, выскакивают еще три охранника, но я быстро расправляюсь с ними и захожу внутрь.

Это явно склад, скорее всего, наркотиков, поскольку это бизнес Мендосы: со всех сторон навалены друг на друга ящики, доходящие почти до потолка. Я поворачиваю направо между двумя рядами контейнеров, ища врагов. С другой стороны здания раздается несколько выстрелов — это Сергей прочесывает свой фланг. Я дохожу до конца ряда и сворачиваю в следующий.

Я уже на середине ангара, когда слышу в наушнике голос Сергея.

— Святая мать Мария, Иисус и Иосиф, — задыхаясь, произносит он. — Восточное крыло. Тащи свою задницу сюда. Сейчас же, Аз.

Я поворачиваю налево и спешу к Сергею. Он присел, держа флуоресцентный стик над чем-то на земле. Я поднимаю свои очки ночного видения и подхожу к нему, чтобы рассмотреть поближе. От увиденного теряю дар речи.

На земле, свернувшись калачиком, лежит человек, от которого остались только кожа да кости. Его штаны порваны и испачканы, а на груди висят остатки футболки. Каждый дюйм обнаженной кожи покрыт слоем засохшей крови. Его лицо повернуто к нам, но если бы не копна длинных спутанных волос, я бы ни за что не узнал его. В последний раз, когда видел Кая, он был примерно одного со мной веса, но сейчас похож на чертов скелет.

— Он жив? — спрашиваю я.

— Вроде того. Посмотри, может, найдешь что-нибудь, чтобы сломать это, — Сергей кивает в сторону толстой металлической цепи, скованной вокруг правой ноги Кая и прикрученной к стене.

Я бегу к входу в ангар, беру болторез и другие инструменты, которые видел на столе рядом с дверью, и спешу обратно. Кожа вокруг закованной в кандалы лодыжки Кая кровоточит. Как будто этот сумасшедший ублюдок пытался натереть свою ногу, чтобы освободиться.

— Держи его, — говорю я. — Не хочу, чтобы он сошел с ума, решив, что я враг.

— Он едва дышит, Аз. Не думаю, что он способен на что-то серьезное.

Я делаю шаг вперед и навожу головку болтореза на цепь, готовясь сделать надрез, как вдруг пятка босой ноги упирается мне в подбородок.

— Черт побери! — огрызаюсь я. — Я же сказал тебе держать его, твою мать!

Сергей наваливается на Кая, обхватывая его за грудь и запястья. Кай издает звериный рык и бьет Белова головой с такой силой, что голова Сергея откидывается назад.

— Черт возьми... — Я лезу в куртку и вынимаю пластиковую коробочку со шприцем внутри.

Феликс достал нам транквилизатор на случай, если нам будет трудно одолеть Кая, но когда я увидел, в каком он состоянии, то решил, что в этом нет необходимости. Этот сумасшедший ублюдок просто живет для того, чтобы доказать, что люди ошибаются. Я откручиваю иглу и погружаю ее в бедро Кая. Он еще несколько секунд дергается, пытаясь попасть в голову Сергея, прежде чем его тело окончательно обмякает. Глаза Кая пусты, он молча смотрит вдаль, но замечаю, что его губы шевелятся. Я приседаю рядом с ним и наклоняюсь низко, пытаюсь расслышать, что он говорит, но слова не имеют никакого смысла.

— В Мексике есть тигры? — Я смотрю на Сергея.

— Нет. А что?

— По-моему, он бредит, — говорю я. — Он зовет «своего тигренка».

